

ПАРАЛЛЕЛИ

Литературно-художественный журнал

№1 (10) май 2011 г.

Главный редактор:
Вячеслав КАРПЕНКО
Зам. главного редактора:
Римантас ЧЕРНЯУСКАС

Редакционная коллегия:
Елена АЛЕКСАНДРОНЕЦ
Игорь БЕЛОВ
Олег ГЛУШКИН
Валерий ГОЛУБЕВ
Арвидас ЮОЗАЙТИС

Директор, автор проекта «Балтославия»:
Валентин ЧЕРНОУХОВ

Компьютерная верстка:
Алексей ПОПОВ

Корректор:
Ольга ВЛАДИМИРОВА

ПАРТНЕРЫ:
Калининградский ПЕН-центр
Клайпедское отделение СП Литвы

При участии:
Калининградской городской библиотеки им. Чехова

ISBN 5-901194-29-2

Авторам должно сметь свое суждение иметь.

Все авторские права защищены.
При перепечатке и цитировании
ссылка на «Параллели» обязательна.

Наши партнеры:

*Калининградская централизованная библиотечная система
Зеленоградская городская библиотека*

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора	5
Валерий Голубев Не опоздать с последним поклоном	7
Стихи солдатским матерям	8
Космос и поэт	13
Олжас Сулейменов Стихи	17
Проза	
Наталья Антонова Я же хочу в Тибет	21
Олег Глушкин Рассказы	25
Михаил Никитин Как Вертикаль стоять стала	32
Валентина Соловьева Рассказы	41
Екатерина Ткачёва Миниатюры	47
Валентин Черноухов Девятнадцатый позвонок	51
Поэзия	
Юрий Аникин	59
Вячеслав Хомич	61
Геннадий Юшко	62
Дебют	
Катя Петихина	73
Алёна Сипачёва	77
Дарья Торкунова	81
Ушли, чтобы вернуться	
К 100-летию К.С. Бадигина	83
Поэтическая картография Леонардаса Андрейкуса	87
Леонардас Андрекус	90
Публицистика	
Михаил Ломоносов О сохранении и размножении русского народа	91
Борис Адамов Через тернии - к звёздам: за знаниями	101

Алексей Губин	Как закалялась сталь	108
Инна Головки	Гражданское общество, культура, демократия	117
Алексей Попов	Рейдеры именем Божиим	120

В гостях у журнала

Максим Амелин	130
Евгений Чигрин	137

Наша книжная полка

Просто, как вдох и выдох	141
«Былички» сердца	143
Рукопись бессюжетного времени	144

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

«Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским - с друзьями, немецким - с неприятелем, итальянским - с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков».

Удивительно, однако, когда я спросил в университетском дворе нескольких молодых людей – а потом, на улице, и постарше, – чьи это слова, мне никто(!) не ответил правильно... Называли кого угодно – Тургенева, Гоголя, разумеется, Александра Сергеевича (не читали, но усвоили, что «Пушкин – наше всё»), даже президента вспомнили (предыдущего). Горько, больно. И даже страшно: оскотление языка и памяти – прямой путь к дебилизации, варварству и вандализму человека, которому ничего не интересно, кроме собственного желудка, и ничего не дорого, исключая потребу и удовольствия. «Хлеба и зрелищ» – так прикончил себя Рим...

Три составляющие организуют народ в нацию: Слово, Память и Разум...

Все они суть взаимосвязаны, и от словарного запаса, накопленного, собранного, выпестованного и сохранённого гениями культуры зависит не только духовное здоровье человечества, но и само его существование. И когда самые верхние командиры, ничтоже сумняшеся, произносят в эфире наказ «Скорректировать в сторону решения», остаётся лишь развести руками и удивиться диплому Ленинградского университета (потому что – не Ст. Петербургского?). Это понятно, что с несколькими словами можно на Руси сдвинуть гору: «Возьми эту фигню, подставь ту фиговину да подсунь под, так-её-растак, под такую-то фигуётину, чтобы сдвинуть на фиг!» и т.д. Куда и зачем, и что получится в итоге – это уже «начальству виднее»... Только вот ни построить, ни проложить, ни полететь с этим «инструментом» никак, разве что – «на фиг». И мы взрываемся, падаем, «не справляемся с управлением», задыхаемся, воображая себя «венцом природы», которую насилуем безграмотно и безоглядно. «До основания, а затем...». И подчиняемся невеждам, хитрецам и мздоимцам, справедливо рассудившим, что малограмотными рабами управлять легче. Такими вот «монстрами общения», которыми настойчиво призывают стать (смотри словарь!). Только надолго ли? А в Японии почти девяносто процентов населения получают высшее образование. И из трагедии там выходят достойно, не мародёрствуя и без ненависти к соседу...

Слова, с которых начинается статья, написал великий Михайло Ломоносов, которому в этом году исполняется 300 лет. Удивительна «фигура умолчания» и забывчивость, хотя именно оттуда, с архангельского ходака по знанию, и начинается то слово, те культура и наука, которыми должны бы гордиться и – осваивать.

Первый энциклопедист, сам преодолевший много беды и рогаток на пути к знанию, к свободе разума и фантазии, по сути создавший литературный язык, способный разбудить мысль, неизменно пёлся о просвещении и добился-таки открытия первого университета, в который принимались не по сословию, но – по способностям «пользу отечеству нести». Пушкин писал: «Соединяя необыкновенную силу воли с необык-

новенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минеролог, художник и стихотворец, он всё испытал и всё проник... Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом».

Вовсе не случайно читатель найдёт в этом журнале доминанту публицистики, авторских неравнодушных размышлений о жизни, вере, литературе, обществе наконец. Мы намеренно публикуем столь объёмное письмо Михайло Васильевича Ломоносова к графу Шувалову, в котором отчетливо проступают все грани как литературного таланта автора, так и его мужество и тревога за судьбу народа, страны, земли отчей. Показателен и сам респондент, которому обращено письмо. Сановник, наследник высшей знати и крови, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, покровительствовал гению, отлично понимая его значение для России. Он добился указа о выделении Ломоносову земли и крестьян для устройства мозаичной фабрики, где были и лаборатории ученого. Другой Шувалов, посол во Франции, писал в парижской газете: «Ломоносов – гений творческий, он отец нашей поэзии; он первый пытался вступить на путь, который до него никто не открывал, имел смелость слагать рифмы на языке, который, казалось, весьма неблагоприятный материал для стихотворства... Он открыл нам красоты и богатства нашего языка, дал нам почувствовать его гармонию, обнаружил его прелесть и устранил его грубость...».

Этим языком Ломоносов пишет научные трактаты, письма, докладные и деловые записка. И читаются они, как добротная интересная проза. Но это проза всегда неравнодушного гражданина к будущности своей земли и своего народа. «Патриотами слывут не те, кто истину глаголет, а кто впустую языком шелушит и в доносительстве успешны...» Узнаваемо, не правда ли?.. Прошло двести пятьдесят лет, как писал Ломоносов письмо графу Ивану Шувалову, но избыты ли те проблемы, коими он волнуем? – за ответом к внимательному читателю, для которого литература не только (и – не столько) развлечение-отвлечение, но – мысль и любовь к земле. Гордость деянием предков, а не гордыня мыльных пузырей, лукавствующих «своей пользы для».

*Держайте, ныне ободрены
Реченьем нашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Ньютон
Российская земля рождать...*

Так может ли? Или все Циолковские, Королёвы и прочие Соловьёвы с Бердяевыми готовы уехать, чтобы обрести Слово и Память и Красоту истинные, утрачиваемые в отчей земле нерадивыми и полуграмотными наследниками...

Вячеслав КАРПЕНКО

Не опоздать с последним поклоном

Вот-вот уйдёт из жизни последняя мать солдата Великой Отечественной войны (самой молодой из них за сто лет).

Первый удар врага приняли на себя они, матери, оторвав ненаглядных своих сыновей от сердца, многие – навеки.

Эти великие российские женщины четыре года держали два фронта – тот, огненный, где сражались их дети, и фронт трудовой, где заодно смягчали безотцовщину, сиротство.

На войне солдаты бились до последней капли крови, зная о непреходящей материнской любви, вере, молитве о спасении... В тылу – до последней капли пота трудились они.

Великая Отечественная – единственная в России война, которая не была проклята матерями.

Мы стоим на пороге семидесятилетия со дня начала войны. Будь моя воля, объявил бы 2011 год Годом Солдатской Матери.

Журнал «Параллели» по-своему отмечает эту горестную дату: публикует подборку стихов, посвятив Ей – великой, многострадальной, героической. Такой солдатская мать нашего Отечества была всегда. Мы знаем это из русской классической литературы. Но...

Есть одна – несомненная, историческая заслуга *Перестройки*, заслуга, которую никто не станет отрицать – это воссоединение России. Старшее поколение помнит: было их всегда две – царская, отринутая, и советская, прославленная гимнами. Кровавый рубец, рассекающий её, сочился без малого восемьдесят лет. Воссоединилась и литература. Эмигрантская с «основной», советской. Уже критику в предисловии, скажем, к книге Ивана Алексеевича Бунина ни к чему объяснять читателю реакционную сущность писателя, но высокую художественную ценность его произведений.

Теперь русскую мать, потерявшую сына на войне 1812 года, или в любой другой, *не отделить, не отличить* от российской матери, получившей с фронта Великой Отечественной похоронку.

Именно поэтому поэтическую подборку открывает стихотворение Н.Некрасова... Преемственность полная – любви, духа, мужества, красоты, веры, сострадания...

Надо заметить, что стихов о матери поэтами-фронтовиками написано мало. Видимо, злоба дня требовала иных тем, оперативно-действенных, отважно-напористых. С другой же стороны... Ну как напишешь родной матушке, дескать, жди меня, и я вернусь. Только очень жди? Звучало бы не просто обидно – кощунственно (потому и не звучало).

Крест солдатской матери во все времена был тяжел. И святое имя её без авторского насилия никогда не вписывалось в ура-патриотическую «песнь». Не тот образ.

Не опоздать бы с последним поклоном.

Валерий ГОЛУБЕВ

Николай НЕКРАСОВ

* * *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна -
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Один я в мире подсмотрел
Святые, искренние слёзы -
То слёзы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

1856

Виктор ПАХОМОВ

* * *

Крикну ли, шепну: Россия!
А в ответ услышу вновь:
Ксения,
Анастасия,
Анна,
Лидия,
Любовь,
Дарья,
Клавдия,
Прасковья...
В сердце вспыхнет торжество.
Пусть сильнее, чем узы крови,
Наше с Родиной родство –
Ксения,
Анастасия,
Мать,
Невеста
И жена.
Женским именем Россия
Неспроста наречена.

Фёдор СУХОВ

Мать

Увидела. Припомнила. Узнала.
- Надолго ли?
Да с месяц поживу.
- А мой Володька...-
И не удержалась,
Слезой горючей пала на траву.

Ну что сказать ей?
Ничего не скажешь.
С опущенной стою я головой.
Как будто без оружия, без каски
Позорно
Убежал с передовой.

И в самом деле,
По весне, по маю
К черёмуховой белой тишине
Который раз домой я приезжаю,
А сын её
Всё где-то на войне...

Юрий САПОЖКОВ

Рост

Висишь, паришь над пропастью бездонной,
В отчаянье секунды страшной ждёшь
И... просыпаешься от маминой ладони:
«Не бойся, - шепчет, - это ты растёшь».
Теперь, бывает, падаю больнее –
Не детский сон. Но на лету
Я всякий раз шепчу себе, бледнея:
«Не бойся, мама, это я расту».

Иван ЕЛАГИН

* * *

Уже последний пехотинец пал,
Последний лётчик выбросился в море,
И на путях дымятся груды шпал,
И проволока вянет на заборе.
Они молчат – свидетели беды.
И забывают о борьбе и тлене
И этот танк, торчащий из воды,
И этот мост, упавший на колени.

Но труден день очнувшейся земли.
Уже в портах ворочаются краны,
Становятся дома на костыли...
Там города залечивают раны.
Там будут снова строить и ломать.
А человек идёт дорогой к дому.
Он постучится – и откроет мать.
Откроет двери мальчику седому.

Анатолий ГРЕБНЕВ

* * *

Ну вот где рябины мои и берёзы
Баюкают холмик могильной земли,
Скипелись в душе непролитые слёзы
И камнем тяжёлым в изножье легли.
И пусть на душе ни просвета надежды –
Я снова с тобой,
Моя тихая мать,
Я чувствую,
Любишь меня ты, как прежде,
Как прежде,
Умеешь меня понимать.
Как прежде,
Одна у меня ты на свете.
А время, давно потерявшее счёт,
Над нами шумит неумолчно,
Как ветер,
Тихонько качает
И вместе несёт...

Анатолий БРАГИН

* * *

Глебу Еремееву

В войну мне выдали бесплатно
Американское пальто,
Во всей округе, вероятно,
Такого не имел никто.
Неловко было к оборванцам,
К друзьям-приятелям моим,
Вдруг заявиться иностранцем
Или начальником каким.
Пальто и спереди и сзади -
Не веришь, мать мою спроси, -

Я до того отделал за день,
Что хоть тряпичнику неси!
За это мать со мной вожжами
Поговорила,
Но зато
Уж никого не обижало
Американское пальто.

1966

Анатолий КРАСНОВ
Братья

Вернулись они в сорок пятом
С той самой великой войны,
Им выпала доля, солдатам,
Дожить до победной весны.
Собрались друзья и соседи,
Изба - как торжественный зал...
И слово о нашей Победе
Их старый учитель сказал.
Ещё он сказал о России,
Что честь защищала свою,
Что братья Сергей и Василий
Отважными были в бою.
И пенится брага в стакане...
И слушает молча народ:
Играет Сергей на баяне,
Василий печально поёт.
А Марья Ильинична плачет
Под жалостный шёпот старух:
- Серёженька вовсе незрячий,
А Вася-то, Вася - без рук...

**Что ты, сердце моё,
всё не выболешь**
(Из плача солдатской матери Е.С.Козловой)

Что кукуешь до ночи, кукушечка,
Потеряла гнездо - нету памяти?
Куковать и тебе, Катеринушка,
Без сыночков - Ивана да Митеньки.
Разлучило нас лето красное,
Закатилось в зиму белую,
Выйду в поле я - поле в саване,

Летним лугом иду – луг погашен весь.
Развернись, повернись, мать-земелюшка,
Покажи их могилки, их косточки...
Что ты, сердце моё, всё не выболешь,
Что вы, слёзы мои, всё не кончитесь.

Записал В.Г.

Александр ЗАКОВРЯШИН

Памяти бабушки

Лишь санный след пролёг в равнине,
Покрылся дымкой горизонт.
Простившись с матерью, два сына
Ушли солдатами на фронт.
Суровой сделалась природа...
Верша домашние дела,
Не дни, не месяцы, а годы
Она вестей от них ждала.
Лечили душу ей моления
И обращение к образам
Тогда стоическим терпением
Её наполнили глаза.
Войны гроза гремела где-то,
А возле дома у реки
Мать через тыщу километров
Смотрела в даль из-под руки.
Когда задерживались вести,
Сердца болезненно казня,
Могли забыть о них невесты,
Могли забыть о них друзья.
И только мать одна упрямо
О них скорбела и ждала,
Могла сквозь боль представить рану,
Но смерть представить не могла.
Её сыны – её надежда,
Когда тоска порою жгла,
То доставала их одежду
И гладила, и берегла...
Погладив, складывала в нишу,
Как повелось исстари...
С победой под родную крышу
Пришли с войны богатыри.

КОСМОС И ПОЭТ

Оказывается, трудней всего писать о человеке, которого ты знаешь, который тебе близок и дорог многие годы. И радостно, что в свои 75 друг еще на коне. А если он ещё и поэт – большой поэт, который сумел словом объять и «возвысить степь, не унижая горы», влюбиться в Русь Врубеля и в Ночь-Парижанку, увидеть в чащобах истории не только вражду, но и кровное родство кипчаков и росичей, услышать перетекание Слова из одного языка в другой... Призвать всем своим поэтическим даром к той планетарности мысли и ощущения, которые, быть может, и суть единственная возможность человека и человечества выйти из самоубийственного тупика безоглядного потребительства...

*Реки вспаивают поля,
Города над рекой –
В заре,
И, как сердце, летит Земля,
Перевитая жилами рек.
Нелегко,
Но обязан найти
Все ответы на тот вопрос,
Путь земной –
Продолженье пути
До сегодняшних ближних звёзд...
Что за путь?
Это долгий тяжёлый путь,
Это жизнь,
И твоя, и чужая –
наша...*

И вот оттуда, сверху, из космоса первым её увидел наш Гагарин.

В этом году, объявленном годом космонавтики, – и 50-летия полёта Юрия Гагарина – не лишне вспомнить, как прозвучали эти строки поэмы «Земля, поклонись Человеку!». На Алма-Ату с неба планировали разноцветные листовки, народ ликовал почти как после великой победы. И звучал молодой голос поэта, а поэтическое слово собирало залы и стадионы отзывчивых слушателей. И кажется никогда позже не ощущалось такого радостного, светлого единения: в осознании обрётённой свободы от тирании, в юношеской уверенности, что уж теперь-то мы сможем все вместе построить настоящее светлое будущее.

Это и была победа – человеческого разума и древней мечты о покорённом небе и дальних звёздных мирах... И хоть стучал кулаком и топал ногами на поэтов и художников Никита Сергеевич, но ещё никого не сажали, не выселяли, не подвергали общественному ostrакизму, не сметали выставки бульдозером. Это придёт позже... В Москве открывались новые театры и таланты – «Современник и «Таганка»; «Новый

мир», «Юность» и другие журналы, включая казахстанский «Простор» и ташкентский «Звезда востока» открывали новые имена литераторов; несмотря на цензурные рогадки на экраны выходили фильмы, которые будили мысль: «Я шагаю по Москве», «Чистое небо», «Летят журавли».

О чём мог мечтать мальчишка из «закрытки» на Урале, откуда лишь с 55-го года был разрешён выезд, а в 57 произошёл первый ядерный взрыв? – конечно же о свободе и просторе, о неоглядности моря и степи. «Нет Востока и Запада нет! – Есть Восход и Закат...». И когда в море апреля 61-го на рыболовецком траулере я услышал эти стихи, то принял этот поэтический простор всем сердцем. А потом, уже в редакции молодёжной газеты, услышал имя первого лауреата комсомола по литературе Олжаса Сулейменова. И открыл книгу «Доброе время восхода». Это был и мой поэт, хотя даже не мог предположить, что вскоре судьба и партийный идиотизм крепнущего чиновничества, по сути разогнавших журналистов «молодёжки» в Калининграде за противостояние разрушению древнего замка, поведёт меня за тысячи километров в газету студенческих строительных отрядов. На родину Олжаса – в Алма-Ату. Предполагаемые три месяца целины обернулись тридцатью годами, а журналистское знакомство – многолетней дружбой, продолжающейся до сих пор. Да и первой книгой тоже обязан его поддержке.

Повторюсь – это было время поэтов и Слова, и миллионной читательской аудитории. Вознесенский, Евтушенко, Рождественский, красавица Белла, песни Булата Окуджавы и Визбора. И будто на огневом аргамаче ворвавшийся в поэзию – Олжас. Слово поэта, как и его гражданская и человеческая позиция, будили достоинство в человеке и критическую мысль, освобождённую от страха.

Открывали Красоту и в душе человека и в окружающем мире, дарили Любовь и напоминали об ответственности за неё. За весь светлый мир, дарованный планете и – людям.

*Живите, люди!
Вы совершили свой первый подвиг,
Преодолели земную тягость,
Чтобы потомки это запомнили –
Преодолейте земные тяжбы!..*

И не удивительно, что позиция и жизнелюбие поэта, как и осознание личной ответственности позже привели его в политику и к созданию движения «Невада-Семипалатинск», благодаря которому был принят мораторий на испытания на ядерных полигонах. И путь в ЮНЕСКО.

*Концлагерь – это не только
труба
и дуб зелёного дыма – в небо.
Это – голая площадь,
это – трава,
которой на площади
нету...*

И выходили поэтические книги, сами названия которых останавливали взгляд и завораживали слух: «Аргамачи», «Солнечные ночи», «Ночь-парижанка», «Доброе время восхода», «Год обезьяны», «Глиняная книга». Уверен, внимательный читатель, ныне зачем-то превращающийся в писателя-самоиздателя, открыл бы для себя целый пласт неожиданной поэтики. Но где тот читающий читатель? Как писал когда-то ревнивый критик Лев Аннинский, «...книги Олжаса Сулейменова приучили читателя к неожиданностям. От степной ярости «Аргамачов» - к утончённым урбанистическим контрастам «Ночи-парижанки», после которой можно было ждать чего угодно – страсти или ярости, глобальных сопоставлений или конкретных картин в «азиатском стиле», - только не той заторможенной задумчивости, к которой пришёл Сулейменов в книге «Год обезьяны». Перед нами темперамент настолько своеобразный...». А каким же должен быть поэт в своей естественной свободе и «тронутости» «пер-

стом провидения»». Мне порой хочется сопоставить его с так жестоко оборванной поэзией Павла Васильева: страсть и нежность, ярость и умудрённое раздумье, боль и безоглядное веселье – Любовь. Ко всему живому, к самой жизни. И это естественно: в поэте, как в большом художнике, рождённом на границе двух континентов и культур, проявились необузданная красочность Востока и рациональная утончённость Запада, ажурная готика логики Европы и страсть скачущих скифских коней в раскалённом ветре Азии, непредсказуемость жизненного театра и космизм фантастического предвидения. Евразия. Эта идея объединения пространства и духа, кажется, и до сих пор волнует моего друга.

И в 75-м году выходит «Азия». Что это? – проза? – развернутое эссе? – лингвистическое исследование? – историческое изыскание?... Бомба! Я нашел недавно в архиве библиотеки статью в журнале «Молодая гвардия» заказно-залихватски (хамски по сути) разбирающей первую часть «Соколы и гуси», посвящённой прочтению «Слова о полку Игореве». Это была «первая ласточка» вакханалии нападок и разборок «вредности» книги (и – автора, естественно), вплоть до академического собора с вынесением приговора и решения «руководящей и направляющей» об изъятии произведения из библиотек и магазинов. Достаточно привести слова академика Б. Рыбакова «в Алма-Ате вышла яростно антирусская книга», чтобы осознать последствия... О, мне были известны выводы монополистов на единственно-правильное мнение: за десяток лет до этих «оргвыводов» по книге Олжаса, мне по поводу сбора подписей и защиты Королевского замка 13-го века секретарь обкома по идеологии стучал кулаком по столу – «Ты хочешь сохранить наследие фашизма и пруссачества!». И никакое напоминание о времени, истории, ответственности, логике, наконец, не принималось... «Грамотные слишком (!) стали!» – это, кажется и ныне можно услышать от чиновного человека.

Помню, я заехал к О.С. с кордона, на который сбежал в егеря. Он мерил шагами свой кабинет в эркере на пятом этаже, и листы комканой бумаги валялись не только в урне... «Димаш Ахметович просил написать «отречение»... не получается!». Но Кунаев любил и ценил в Олжасе именно поэта (и – шахматиста!), и сумел в Москве «спустить на тормозах», переведя проблему из политической в научную. Кажется, я успокоил Галилеевым примером и выпросил десять экземпляров, позже раздав книги своим соседям-чабанам. И поэт написал-таки очень достойное письмо, в котором отстаивал своё «право на ошибку» и в основном встал на защиту «виновников и недоглядов» от редактора и директора издательства до главы Комиздата, оградив их от серьёзных последствий. Прочитайте сейчас, книга (переиздана спустя двадцать лет!) есть и в интернете, вы порадуетесь поэтическому задору и смелости мысли, глубине проникновения и обширности знаний, как и фантазийности некоторых прозрений, позже продолженных в фундаментальном труде «Язык письма»... Да, никуда не деться: степь соседствовала с лесом и далеко не всегда воевали. И взаимовлияние (взаимообогащение) здесь неминуемо, в том числе и в языке. И кажется бесспорным желание билингвического прочтения памятника литературы, к которому обращался поэт. Кажется, не услышали до сих пор. Пошлая черта – ревность и зависть бездарности к таланту – вела к обвинению «патриотов» поэта в том, что он пишет на русском, изменяя «своим». Мудрый Леонид Мартынов ответил в предисловии к одной из книг: «Вообще говоря, в том факте, что писатель одной национальности пишет на другом языке нет ничего сверхъестественного... Сын молдавского господаря Антиох Кантемир стал одним из родоначальников русской поэзии. Поляк Юзеф Теодор Конрад Коженьевский сделался мастером английской художественной прозы, приняв имя Джозеф Конрад. Польского же происхождения юноша Гийом Альбер Владимир Александр Аполлинарий Костровицкий прославил французскую поэзию под именем Гийома Аполлинера. Но если Конрад стал певцом экваториальных морей, а Аполлинер лишь изредка возвращался мечтами на восток Европы к прародине, то Олжас Сулейменов, казахский поэт, творящий на русском языке, целиком остаётся поэтом казахским, родным сыном этого прекрасного гордого народа, истари сочетавшего свои надежды и чаяния с надеждами и чаяниями народа русского. Явление О.С. живо

воплощает все эти связи – житейские, географические, политические, этические, эстетические...». Да что греха таить: кочевое сознание течет и в нашей крови, сами просторы земли диктуют эту особость характера и традиций. Евразия – это широта и доброжелательность, здесь необходимо идти навстречу с раскрытой ладонью, иначе не выжить.

Его слово, поэтика оказали значительное влияние на новые поколения литераторов. Подражать Сулейменову бессмысленно, как, например, и Андрею Платонову, – сразу «вылезают уши». А вот осознать возможности слова, упругость ритма, богатство семантики, ощутить страсть, сдерживаемую мудростью, знанием и любовью – дорогого стоит...

В жизни каждого очень многое – в характере, в отношениях, в знании и даже мудрости – определяет – встреченность. С другом, с женщиной, с картиной или книгой... Я открываю вновь и вновь том Олжаса Сулейменова «Язык письма», изданный в Италии в 98 году, хотя мог бы выйти на 20 лет ранее – помешало отторжение книги «Аз и Я» (билингвичность, но не дуализм). Большую книгу нельзя читать «запоем» – она призывает думать, порой спорить, принимать-не-принимать – соавторствовать, ибо настоящий читатель, познавая, становится со-думником автора. К добрым и умным книгам возвращаешься не для развлечения, но – для помощи и духовного здоровья. Для осознания себя – частью природы, планеты, космического мироустройства.

«Гуманоид сделал первый шаг к гомосапиенсу не тогда, когда поднял голову и увидел на чёрной доске африканского неба золотым мелом начертанный знак, а когда перенёс его на песок пальцем. Потом на сырой глине повторил палкой. Луна графически выразительней, чем раскалённое солнце на выгоревшем от зноя небе: луну можно созерцать, не щурясь, не уставая, подолгу. На солнце не взглянешь. Поэты малого человечества эпохи Начала уже осознали, что мир состоит из зеркальных противоположностей – ночь-день, верх-низ, прохлада-жара. И в этой системе парностей роль доброго гения, отца всего сущего отводилось ночному светилу. Ночь – время прохлады, любви и охоты. Это в сегодняшних поэмах луна и солнце – идеальная романтическая пара, Ева и Адам. Но тогда луна – ещё добрый Авель, пасущий мириады звёзд и звёздочек, солнце же при своём появлении стирает их с выбеленных зноем небес. Оно – тиран!...». Это – из названной книги, о начале письма, о первых знаках, предшествовавших слову. И это – поэзия, побуждающая человека поднять голову и взгляд – к небу... Читать книгу сложно, необходимо вспоминать весь свой небольшой математический, лингвистический, наконец, жизненный запас, вне понятия «пользы». Ты пришёл в этот мир не потреблять, но познать. И себя – в нём. Для этого нужны поэты и книги. Гениальный художник Сергей Калмыков воскликнул однажды: «Мир болен! И только художники могут его спасти...». А «Моцарт таится в каждом ребёнке, надо лишь разбудить его» – писал Сент-Экзюпери. И сделать это способна книга...

В этом году память будит два события, важных и незабвенных: трагедию начала Отечественной войны и восторг первого выхода в космос. Читайте поэтов!

Вячеслав КАРПЕНКО

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

Русь Врубеля

Край росистых лесов
и глазастых коней,
россыпь рубленых сел,
городов изваянья,
и брусничные ночи,
и россыпь огней.
Россомашьи размашистые расстояния.
Жизнь — и выдох сквозь зубы,
и радость, и грусть.
Глупость осени. Шубы.
И русое небо.
И морозы.
И странные взгляды Марусь.
И хрустящие, жаркие
щеки хлеба.
Я могу перечислить —
и весь мой рассказ:
Русь — река под обрывом,
и это не мало.
Ночь июльская. Ивы. И месяц раскосый.
Я, как ты, задыхаюсь,
когда обнимаю...

1963

***

Одна война окончилась другой,
Мой дядя, брат отца, ушел на фронт.
Ушел он добровольно? Я не помню.
Но помню — от бессонницы ушел,
От белых окон
И ночных испуггов,
От резких тормозов на повороте.
Он шел с мешком вдоль пыльного арыка,
А я бежал, цеплялся и просил
Взять в плен фашиста,
Если он не сдастся —

Ударить шашкой,
Или так — на штык,
Или ногой в живот —
Так будет больно,
Порезать руки,
Чтобы кровь хлестала...
Он сбоку поглядел в мои глаза,
Дед хмуро кашлял и плевал под ноги..

Все реже в домик приходили письма,
Потом пришло одно. В нем говорилось:
Мой дядя пал хорошей смертью храбрых,
О, я не понял,
Я кричал, смеялся,
Увидев слово храбрый.
Дед не плакал.

Решил старик, застенчивый, угрюмый,
Проехать полстраны с голодным внуком,
Чтоб разыскать средь тысячей могил
Могилу сына.
Дед не разрешал
Сынам своим лежать в чужой земле.

Я помню — полустанок, зной,
бесхлебье,
Солдаты в пролетающих вагонах,
Разбитая земля, остовы танков,
Голодное ворьё пустых вокзалов,
Сожженные деревья и коровы,
Разбухшие от порыжелых трав.

Я помню — реки, реки, реки, реки,
Дожди, то моросящие, то ливни,
Стволы осин, дубов заплесневелых,
И глина, глина, глина по колена.
Нам показали дядину могилу,
Она была за маленькой деревней,
Едва просохшей после серых ливней.
Над мелкой речкой — глиняный бугор.

Дед помолился, пожевал насвая,
А я глазел на глиняную землю,
Она была, земля, почти такою,
Как наша,
Только мокрой. Я запомнил.

Вокруг стояли жители деревни,
Одна из них казалась мне красивой,
С худыми, но румяными щеками.
И злая, как соседка. Я запомнил.

Мой дед не обращал на них вниманья,
Он снял бешмет и, обойдя могилу,
Вонзил лопату в глиняный бугор.

И женщины вдруг обступили деда,
Та, что была с румяными щеками,

Сказала. Я запомнил.
— Разве можно...
Здесь восемнадцать человек лежат.
Мой дед уже чуть понимал по-русски,
Он осторожно вытащил лопату,
Рукой пригладил рану в черной глине
И вытер руку о сухой сапог.
Мы просидели день у тихой речки.
До темноты следили ребятишки.
Дед, плача, пел арабскую молитву.
А я гонял травинкой муравьев.

Волчата

Шел человек,
шел степью долго-долго.
Куда? Зачем?
Нам это не узнать.
В густой ложине он увидел волка,
точней — волчицу,
а вернее — мать.
Она лежала в зарослях полыни,
откинув лапы и оскалив пасть,
из горла перехваченного плыло
толчками что-то темное,
как грязь.
Кем?
Волком иль охотничьими псами?
Слепым волчатам это не узнать.
Они, толкаясь и ворча, сосали
большую, неподатливую мать.
Голодные волчата позабыли,
как властно пахнет в зарослях укроп,
они, прижавшись к ранам,
жадно пили
густую, холодеющую кровь.
И вместе с ней
вливалась жажда мести.
Кому? Любому. Лишь бы не простить.
И будут мстить
в отдельности, не вместе,
а встретятся —
друг другу будут мстить.
И человек пошел своей дорогой.
Куда? Зачем? Нам это не узнать.
Он был волчатник, но волчат
не тронул:
волчат уже не защищала мать.

На площади Пушкина

Поэт красивым должен быть, как бог.
Кто видел бога? Тот, кто видел Пушкина.
Бог низкоросл, черен, как сапог,
с тяжелыми арапскими губами.
Зато Дантес был дьявольски высок,
и белолиц, и бледен, словно память.
Жена поэта — дивная Наталья.
Ее никто не называл Наташей.
Она на имени его стояла,
как на блистающем паркете зала,
вокруг легко скользили кавалеры,
а он, как раб, глядел из-за портьеры,
сжимая потно рукоять ножа.
«Скажи, мой господин,
чего ты медлишь!..
Не то и я влюблюсь, о, ты не веришь!..
Она дурманит нас, как анаша!..
Ох, это горло белое и плечи,
Ох, грудь высокая, как эшафот!
вышел раб на снег в январский вечер,
и умер бог,
схватившись за живот...
Он отомстил, так отомстить не смог бы
ни дуэлянт, ни царь и не бандит,
он отомстил по-божески:
умолк он,
умолк, и все. А пуля та летит.
В ее инерции вся злая сила,
ей мало Пушкина, она нашла...
Мишеней было много по России,
мы их не знали, но она — нашла.
На той, Конюшенной, стояли толпы
в квадратах желтых окон на снегу,
и через век стояли их потомки
под окнами другими на снегу,
чтоб говорить высокие слова
и называть любимым или милым.
Толпа хранит хорошие слова,
чтобы прочесть их с чувством над могилой.
А он стоит, угрюмый и сутулый,
цилиндр сняв, разглядывает нас.

Наталья АНТОНОВА

Я же хочу в Тибет

ПРОЗА

1

*Постоянно созерцать ум в уме,
сумев преодолеть в этом мире корысть и горе.*

Проснувшись рано поутру как обычно представила себя мертвой от обморочности первых трех дней до того момента, когда ветер развеял мой прах на все десять сторон света. Выпила зеленого чаю с жасмином и медом, съела бутерброд с сыром и вареное яйцо, чуть-чуть присолив. Повязала мужу галстук, сыну – шарф и – кому на работу, кому в школу для достижения мирских целей. Я же хочу в Тибет. Покормила рыбок, мирно спящих то влево, то вправо: скалярия Сита с ладонь, попондеттосы прямо из Папуа-Новой Гвинеи, два золотистых анциструса со дна моего аквариума (ах, огромен мир, ах, велик!). Зажгла свечу (утром темно и страшно, особенно, до перевода времени и зимой, так уютно, если горит живой огонь) на благо всем живым существам, чтобы каждому, кроме тех, конечно, кто сейчас в Горячем аду, было светло и тепло, было на чем приготовить еду, с помощью чего возжечь благовония: ладан, можжевельник, сандал, согреть руки, сердца, осветить умы. Помыла посуду. Приготовила еще один чай с жасмином, лимоном и медом, ровно шесть чашек, для синеокого трехлищего, черепами обвешенного с головы до ног беззаветного защитника Дхармы Ваджракилая, помогающего избавиться как от внешних препятствий, так и от внутренних, будь то осень, строительство атомной станции в соседнем районе, лень (буде и то, и другое, и третье случится одновременно), страх, ненависть, жадность, нежелание сознавать причину всех своих несчастий и бед, радостей и радостей – только я. Морскую свинку сына зовут Моисей. Он, слава всем Буддам, совершенный вегетарианец. Под сладостное повизгивание, покормлю и его. Теперь спать, спать (конечно, прямо с утра можно проспять все интересное, самого важного не сделать, непреложная истина состоит в том, что кровать, пробудившись, надо оставлять, как пару стоптанных ботинок, тем более, что у меня есть фильм про Тибет, крышу мира, который я смотрела не менее ста восьми раз и еще посмотрю). Там тоже осень. Там девчушки с годами невымытыми волосам ослепительно улыбаются немецкому оператору, измученному бесконечными переходами по селам и весям тибетских надгорий, кислородным голоданием и всем тем, что приходит вслед необратимому изменению сознания при его переходе с западного на восточное полушарие. Яки, груженные разнообразными, не им принадлежащими тюками, черные и белые, как шахматы, передвигаются в одинаковом, несколько медитативном ритме по священной плоскости в основном вверх и вниз. Потала, словно жемчужина, сияет теснимая со всех сторон тьмой невежества и светлой грусти, сияет пустая вну-

три. И старушка, устало крутящая молитвенный барабанчик среди шума и пестроты окружающей ее сиюминутности, говорит в камеру: «Никогда не думала, что доживу до такого», и нет ничего двоякого в ее словах, я знаю, что она говорит правду. Нам, буддистам, врать нельзя. Можно вязать оранжевые шарфы, то здесь, то там сеять дубовые деревца для желудей и тени, создавать самые Чистые земли разноцветными мелками на сером асфальте, петь и мечтать о Тибете, в котором священный Кайлас возвышается над всем миром, и если взобраться однажды, осенним искрящимся днем, на его вершину, то больше ничего в этой жизни делать не придется.

2

*Постоянно созерцать качества ума в качествах ума,
сумев преодолеть в этом мире корысть и горе.*

Ближе к обеду понимаю – пора готовить. Моему сознанию, с самого утра и вот уже полжизни находящемуся в уютном коконе моего же тела, и тем не менее проникнутому идеей любви и сострадания, легко решиться порадовать сегодня близких. Конечно, печеночный торт для них, два вареных артишока – для меня (мне ближе растения: они молчат, все время сидят тихо-тихо на одном месте и не думают). Самые умные вознамерятся мне возразить, мол, и не думать можно по-разному: с адской ненавистью, с алчным полуголодным желанием проглотить сразу два зернышка, когда пропускная способность горла лишь в одно, с животным невежеством, не позволяющим осознать свою участь, которой удел абсолютное невежество. Растения просто не думают. Приготовлю еще и салат из салата. Потом посмотрю в окно. Можно сказать, что на улице идет дождь, что люди идут кто куда мокрые и грустные, что, кажется, скоро наступит похолодание, и выпадет снег, и придет Новый год, и будет шумно, весело и много мандаринов. Я останавливаю себя в самый разгар иллюзий: все это лишь мои домыслы, кроме того, конечно, что будет много мандаринов, лежащих то там то сям то прямо на полу и пахнущих один в один, как в детстве, на новогоднем утреннике. Рядком стоят мамы, наши любимые, еще молодые мамы, и за сотню жизней не оплатить нам долг перед ними, нарядили нас снежинками, звездочками, принцессами, ах, если бы так и прожить всю жизнь, не вылезая из тех переливающихся, сверкающих, ослепительных девчачьих праздничных нарядов. Какая бы это была жизнь! Я останавливаю себя в самый разгар воспоминаний: здесь и сейчас растительное масло и артишоки, они важнее, так думали во все времена повара при буддийских монастырях, так говорила мне моя бабушка, подвязывая тонким пояском морковного цвета платье, когда готовишь пищу, будь предельно сосредоточена, думай о том, чем будешь кормить с любовью и о тех, кого будешь кормить с состраданием. И не думай о чае, как берешь прозрачную банку, отвинчиваешь крышечку, засовываешь в банку нос поглубже и вдыхаешь внутрь себя до изнеможенья запах зеленого чая из далеких высокогорных предморий, прежде чем заварить его в обыкновенной именной чашке, рисунок стерся, гравюра золотом, кажется, подарок какой-то английской королевы. Я останавливаю себя в самый разгар этой фантазии, так и не решив, а может добавить в чай немного багульника, чтобы его веточки причудливо сложились на поверхности в иероглиф, означающий «освобождение». Свободная от вымыслов и домыслов, воспоминаний и предощущений пью чай у окна, за которым идет своим чередом жизнь, ежесекундно воссоздаваясь снова и снова из вымыслов, домыслов, воспоминаний и предощущений счастья, именно счастья.

3

*Постоянно созерцать чувства в чувствах,
сумев преодолеть в этом мире корысть и горе.*

Не посвященный в природу вещей не поедет к морю поздней осенью или зимой, а если и поедет, то будет с недовольством потирать промерзшие насквозь руки одну о другую, ворчать и жаловаться на природу. Ему недосуг взглянуть хотя бы разок на море, как оно врезается с остервенением в береговую линию и, наглотавшись песку, отступает, и так без перерыва, должно быть, целую тысячу лет, а меня разбирает такое нетерпение, что прямо после обеда одеваюсь потеплее и еду в ту сторону, откуда дует пронизывающий, сбивающий с ног морской ветер, я верю: море ждет меня всегда, будто старый, седой семейный духовник, знающий всю мою подноготную, и моих близких, и моих дальних, и совсем мне чужих людей, и так до седьмого колена или вала, всегда в одном и том же месте, тут, у большого, мокрого, шершавого, если лизнуть, валуна. Я ложусь на песок. И сразу же накатывает ощущение покоя, будто кто-то родной положил теплую ладонь на глаза, или навалился всем телом, и тяжесть этого родного тепла в одно мгновение наполняет меня спокойствием человека, лежащего на правильном пути, думающего правильные мысли, хоть и не всегда спокойно у меня на душе, мне стыдно вспоминать об этом, но, Ваджракилай возьми, я, как и любой смертный, могу выйти из себя, да так, что не найдется силы, чтобы затолкать меня обратно, могу выдать за ложь совершеннейшую правду, могу, споткнувшись, чертыхнуться так, что и без заката зардеются небеса, и мысль о том, что где-то внутри меня, под спудом, лежит-вызревает что-то премерзко-отвратительное, несмотря на всю сахарность моей внешней оболочки, приводят меня к мысли подорвать самые основы себя и изменить вместе с тем целый мир. Сотни снежинок, летящих, кажется, отовсюду, искрясь и сверкая, застилают мне глаза, и я вспоминаю историю, почти джатаку, про то, как один человек страдал от ненависти ко всему окружающему настолько, что не мог позволить приблизиться к себе на расстояние вытянутой руки ни одного другого человека. Он жил в одиночестве, страдал и ненавидел, даже когда приходил к морю, и оно утешало его, как только может утешить неживая дышащая вещь. Он сам готовил себе еду, пил один на один со своим отражением в оконном стекле: иногда джин, иногда воду. Бывало, он лежал тут, у огромного валуна, и думал про себя и больше ни о чем, и это были неправильные мысли. Так продолжалось семь лет, и длилось бы еще многие годы (тысячи лет), но однажды, как снег на голову, на него обрушилось такое сострадание, что не ощутить злобы, таящейся где-то внутри, под спудом, смог бы только непроходимый глупец. И он прозрел (правда, на это потребовалось еще лет семь). Пусть я немного замерзла, но ведь где-то живут люди, которые никогда не знали тепла, пусть я стану огнем для них, и водой для тех, кто страдает от огня, есть и те среди людей, кто никогда не наедался вдоволь, пусть я стану их единственной едой: кашей, хлебом с маслом, чаем с лотосом, есть и те среди нас, кто никогда не был любим — пусть всем нам найдется ровня, пусть все мы будем счастливы, как никто другой!

4

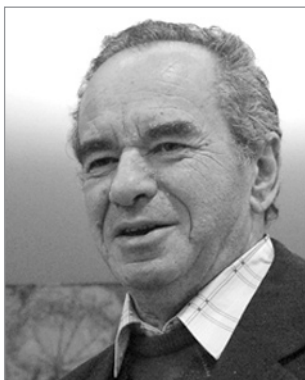
*Постоянно созерцать тело в теле,
сумев преодолеть в этом мире корысть и горе.*

Соединение одного человека с другим происходит чаще всего ночью, в полной темноте, лицом к лицу, один в один, как это делали до нас те, кто делали нас. Иногда мне кажется, что воссоздавая меня из небытия, мои

родители потрудились на славу, иногда я думаю, что не особо-то они и старались, но чаще я думаю о том, что их усилия так ни к чему и не привели. Тем не менее, я родилась, всплакнула вполголоса, почувствовала, как кто-то растворенный в ослепительном сиянии почтительно склонился надо мной и вложил мне в правую руку небольшой шершаво-гладкий на ощупь шар, пестрый и бесцветный одновременно, если, конечно, долго разглядывать его на просвет. Поначалу я весьма неумело обращалась с миром, то и дело роняла его, пачкала шоколадом и кокосовой крошкой, теряла и находила (куда катится мир?) под кроватью порядком запылившимся. Затем мир стал предметом, который я старательно изучала в школе и чуть менее старательно - в университете. Потом я влюбилась, потом влюбились в меня, и спустя час я с ловкостью жонглировала, да не одним, а несколькими мирами сразу. Впрочем, спустя пару лет я поняла, что в поисках чистых ощущений, чистых переживаний и, как следствие, чистого опыта, потеряла невинность и душевное равновесие, потеряла себя, и была вынуждена долго и без заметного успеха распутывать клубок причин и следствий, приведших меня к тому, что первый снег перестал пахнуть подснежниками, позднее яблоко потеряло свою округлость и вкус, море бесшумно билось о берег, даже открытый огонь не грел, даже в запертом на семь замков доме было страшно оставаться один на один с собой. Минуло еще лет десять, и однажды (я уже и забыть позабыла про поиск ответов на вечные вопросы – как быть, с кем ни бывает, куда дальше идти, если лень, тоска и беспросветное серое кругом), я увидела свет, один раз, потом еще, он наполнил меня такой радостью, таким блаженством, умиротворением, любовью, что я еще долго глядела на все вокруг огромными, как синие блюдца, глазами и ощущала запах, цвет и вкус окружающего меня мира, будто только сегодня родилась на свет. Время перестало истекать песком, отбрасывать тени, капать и тикать. Пространство высвободилось настолько, что только моей стала дальняя комната стоящего особняком маленького дома, в которой хоть шаром покати – не найдешь ни одной милой сердцу безделушки, в окружении пустых холодных стен я сижу обнятая теплым, огненным пледом в кресле-качалке, сплетенной из виноградной лозы, качаюсь вперед и назад (качнешься раз после ужина и бессмысленности этих движений хватает до первых лучей солнца). В эти самые темные часы я думаю о том, что даже самое глубокое море не способно вместить в себя всех слез, выплаканных теми, кто страдает от голода, одиночества, лжи, а человеку, любому из нас, стоит лишь захотеть, и он вместит в себя весь балансирующий на грани мир и, может быть, спасет. Почему же люди выбирают кружение эмоций, внутреннее беспокойство, страх смерти и, лишь в лучшем случае, страх новой жизни? Седые волосы метут пол, я в движении, я в покое, старая, сморщенная, худая: в меня едва помещается теперь чашка чая, ложка меда, а когда и для этого не останется места, я умру, от моего иссохшего тела постараются избавиться как можно скорей, слишком уж неприглядное зрелище. В разверстую, словно пасть ненасытного животного, могилу поставят гроб и станут бросать горсть за горстью землю, монеты, теплые слова, носовые платки, шерстяные носки, близкие мне и малознакомые люди, почти счастливые тем, что они-то живы, кто-то случайный уронит напоследок шар ни белый, ни желтый, ни красный, ни зеленый, ни синий, а все это вместе, все это разом закончится до следующего утра.

(7 ноября 2010 года – 1 марта 2011 года)

Олег ГЛУШКИН

Рассказы

МОРСКАЯ БОЛЕЗНЬ

Штилевой день после штормовой ночи воспринимается как бесценный подарок. Оттепель после холодной зимы – вот с чем сравнимо. Мягкая обволакивающая тишина. Март – месяц, давший избавление. Тиран в солдатских сапогах недвижно лежал на полу. В соседней комнате шептались сменщики. Смерть была объявлена двумя днями позже. Последний всплеск шторма – плачущая страна и давка стремящихся увидеть лицо, тронутое оспой. Желтые толстые пальцы на красном бархате. Прижатые к решеткам, задыхались. Их тошнило, словно неопытных моряков, испытывающих приступы морской болезни. Последние жертвы кровавого гуталинщика. Вплетающийся в хор стенаний отчаянный крик женщины, затоптанной толпой. Миллионы убитых им, сохраненные вечной мерзлотой, повторили свой предсмертный вопль. Вдалеке от столицы, в школе, мы стояли на траурной линейке. Все плакали. Я никак не мог заставить себя заплакать. Дома мать, задыхающаяся от страха, сказала: бездушный. Слезы появились потом, когда выпустили из тюрем врачей. Искалеченные пытками руки хирургов и жирные нетронутые пальцы, желтые от табака, породили первые прозрения. На реке, разделяющий на две части наш городок, начался ледоход. Мы прыгали со льдины на льдину, искушая судьбу. Отчаяннее всех был Макс Драгайцев. Его мать – главный врач детской больницы повесилась. Мы хотели покинуть этот город и записаться в матросы на первый же отходящий от наших берегов корабль. Мы еще не понимали, что значит пережить настоящий шторм. Низкие тучи принесли непрекращающиеся дожди, и слезы уже не так были заметны. А может быть, их и не было, этих слез. Оплакивать убийцу продолжали лишь в его ближнем круге. Но и там боялись его воскрешения. Искали ему на смену такого же пахана. Нашли и тотчас расстреляли. Корабль должен был увезти нас от берегов, где поклонялись палачам. Мы еще не знали, что такое морская болезнь. Но мы помнили ночные страхи отцов и были уверены, что нет надежнее места, чем палуба корабля. На ржавой барже в пропитанном потом кубрике мы увидели на переборке его портрет, перечеркнутый свастикой. Баржу взял на буксир быстроходный катер. В проливах на нас накинута жесточайший шторм. Нас тошнило, выворачивая нутро до синей слизи. Морская болезнь почти никого не минует. Капитан баржи судорожными движениями крестился, глядя на своего усатого повелителя.

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Обреченный на вечное плавание ты бороздишь океаны. Ты не можешь пристать к берегу. Корабль-призрак, скользящий никому неизвестным путем. Светящийся ореол на концах мачт - бегущие огни Эльма - предупреждают встречные в ночи корабли. Эти корабли трусливо меняют курс, убегая от тебя. А ты всего лишь хотел передать им почту от тех, кто давно покинул твой борт. Твой капитан, неистовый и безумный голландец, полагал, что имеет право распоряжаться чужими жизнями. Он застрелил жениха самой красивой девушки и хотел овладеть ею. Но девушка выбросилась за борт. Разъяренное небо послало шторм и сделало невозможным дальнейший путь под парусами. Но твой упрямый капитан, сквернослов и богохульник, поклялся, что обогнет мыс Горн, у которого скопились все ветры мира. Он застрелил недовольных, тех, кто пытался образумить его. «Никто не сойдет на берег, пока не обогнем мыс Бурь, даже, если на это уйдет вечность! Клянусь дьяволами всех морей!» Вечность получил он в наказание за богохульство. Но чем виновны матросы. Чем виновен трехмачтовый клипер. Давно уже нет на борту матросов. Их кости до ослепительной белизны отмыло море. Давно в клочья изорвались паруса, но бег корабля никому не дано остановить. Мы могли бы! Но я не сумел убедить никого в том, что ты существуешь...

Не верящие ни в Бога, ни в Дьявола, болтавшиеся в морях уже больше полугода в сплошном тумане, мы чуть не столкнулись с тобой, «Летучий голландец»! Ты возник справа по борту, ты был почти рядом, твои мачты не несли опознавательных навигационных огней, лишь светящаяся дымка прорвалась сквозь толщу тумана. Мы услышали заунывные звуки, похожие на жалобный плач, нам показалось, что само море тяжело и прерывисто вздыхает. Мы дали несколько пронзительных гудков, мы спустили с борта дополнительные кранцы, и были готовы баграми оттолкнуть тебя, когда внезапно ты исчез, растворился в уже начавшем редеть тумане, быстро, как сахар, в кипящей воде. «Это корабль-призрак!» - воскликнул я. Но никто не хотел мне верить. «Это мурманчанин, - сказал наш капитан, - он идет на промысел и на нем еще не кончилась вся водка!» Я мог бы возразить: разве на рыбацких судах бывают такие высокие мачты. Но я не имел права спорить с капитаном. Ведь мы сами давно уже стали призраками. Рыбные косяки слишком далеко завели нас. И мыс Горн был на нашем пути.

ШТОРМ И ШТИЛЬ

Думая о спасении других, можешь ли спасти себя? Мы все обречены. Мы все в одной не совсем надежной лодке. Ни разу не мог насладиться радостями мира во всей их полноте. Казалось, был счастлив на рейде Лос-Пальмаса. Солнечный день серебрил гладь бухты. Плавбаза наша мерно покачивалась на прибрежной волне. В бинокли можно было увидеть дома, уходящие на взгорье, и фигурки женщин в белых накидках. Мы стояли в ожидании шипшандлера. Контора разрешила каждому сделать закупки. Я заказал зонтик и кофточку для жены. В те годы все было в дефиците и заграничные вещицы особенно ценились. И еще шипшандлер должен был привезти так называемые скоропортящиеся – разрешалась закупка фруктов и овощей, но вместо них брали ром. Так что нас ожидал праздничный вечер. Пир под тропическими звездами. После шести месяцев выматывающей работы мы заслужили отдых. Я сидел на палубе бака и играл в шахма-

ты. В этот день мне особенно везло. Я не проиграл ни одной партии. Даже рефмеханик, обычно делавший со мной ничью, на этот раз был вынужден сдаться. Вечером мы с ним получили бутылку рома на двоих и два яблока. И еще пакеты для наших жен. Размягченные жарким днем, мы наслаждались холодом кондиционера в моей каюте. Мы вспоминали дни, когда нам особенно везло и включили в их число и этот день. Но память хранит не только счастливые дни.

Мы вспомнили тех, кого поглотил океан. И было уже за полночь, когда рефмеханик сказал: «Ты знаешь, я ведь замораживал бедолаг с большого траулера!» Траулер этот затонул в шторм, в Атлантике. Я был в комиссии, которая разбирала причины этой морской катастрофы. Слишком поздно они хватились – вода уже залила рыбцех и хлынула в машинное отделение. Был месяц март и те, которых удалось вытащить из воды, умерли от переохлаждения. Спаслись те, кто сумел влезть на плотик. Тела погибших доставили в порт. Моряков хоронил весь город. Десятки красных гробов медленно везли на открытых грузовиках. Подле гробов на машинах стояли те, кто спаслись, и спины их содрогались от рыданий. Я не забуду этот траурный день. Ярко светило весеннее солнце, но все, казалось, потемнело вокруг.

«Ты знаешь, - продолжил рефмеханик, - у тех, кого я положил в морозилку, пальцы рук были синие и все в ссадинах...Они цеплялись за плотик, а те, кто сидел там, били их веслами по рукам...» Меня всего словно окатило холодным душем, в тело, разогретое за день, вселилась дрожь. «Зачем ты сказал мне это! – закричал я. – Зачем!»

«Чего ты завелся, - остановил меня рефмеханик, - если бы они всех потащили в плотик, они наверняка перевернулись бы...»

ГАВАНА

Сказочный этот город подарила мне судьба, когда и мечтать-то о загранице было невозможно. Будто в фантастическом сне вошел наш траулер в его порт, оберегаемый бастионами крепости Моро, и гранитный Христос раскинул нам свои объятия. Нас ждали карнавалы на Прадо, где улица была выложена цветными плитками. Духовые оркестры у здания Капитолия - увеличенной копии вашингтонского. Нам многое рассказали бывалые моряки о городе, где не бывает сумрачных дней, о красавицах-мулатках. И мы смогли скоро во всем этом убедиться. Мраморный город, залитый ярким солнечным светом, чистейшее синее небо, такая же синяя вода и белый берег – бесконечная череда пляжей и легкая прохлада ночи, с ее бесконечными карнавалами. Все это очаровывало нас.

Музыка и фейерверк. Саксофоны и никакого Моцарта. Классическую музыку сюда завез мой друг – корабельный механик Вернер. Фамилия обязывала любить классику. Эту музыку не переносил комсомольский деятель Маханько. Он работал в представительстве и мог сделать для нас все, что могли мы пожелать. Но Вернер, видящий людей насквозь, предупредил меня: «Не связывайся с ним!». Мы ремонтировали свой пароход в гаванских мастерских, у нас было мало времени и мало денег. Мы гордо отказывались от самых лестных предложений. «В Тропикано мы пойдем, но без Маханько, на виллу Хемингуэя поедем сами. Учти, Маханько вертится вокруг тебя, возможно, он получил задание, ты ведь пишешь, а к писателям в их ведомстве большой интерес. Ни в коем случае не подавайся на удочку!»

Я внял разумным советам, и мы сами сумели побывать во многих пре-

красных местах Гаваны и ее окрестностей. Но избавиться от Маханько было не так-то просто. На вид он производил впечатление свойского, очень добродушного и компанейского парня. Всегда к месту мог пошутить. Хорошо играл на гитаре и довольно-таки прилично пел. Устраивал соревнования по волейболу. Собственно таким и должен был быть чиновник, отвечающий за культурный досуг моряков. Он был из породы неунывающих комсомольских вожakov. Сюда его направили не откуда-нибудь, а из самой столицы. Там работал он в Центральном комитете комсомола. И хотя я привык во всем доверяться Вернеру, мелькало порой – а не зря ли мы чураемся того, кто идет к нам с открытой душой. И все же, что-то подозрительное было в его облике. Возможно, слишком вытянутый нос в крапинках веснушек и круглые бегающие глаза. Этот нос делал Маханько похожим на акулу, а может быть, даже и на крокодила. Как потом мы узнали, большая часть его работы в Гаване была связана с крокодилами. Он тайно занимался охотой на них и посылал в Москву крокодильи шкуры для жен цэковских работников. Тогда были в большой моде сумки из крокодиловой кожи. Кстати, он обещал мне показать крокодилью ферму. Но и здесь вмешался Вернер – сказал, чтобы с крокодильими делами я вообще не связывался. А Маханько все настаивал на встрече, как он говорил, в неформальной обстановке. Намекал на поход к очаровательным мулаткам. И хотя я был готов согласиться, Вернер оставался непоколебим.

И вот в один из вечеров Маханько сам явился к нам на пароход с сеткой полной бутылок. Здесь была выпивка на любой вкус – и коньяк, и местный ром – боккарди, и сухое вино. Отказаться от всего этого было невозможно. Решили пировать в каюте у Вернера. Достали свои балыки и консервы и стали опорожнять бокалы под затейливые тосты Маханько. Вернер шепнул мне; ни в коем случае не напивайся, знаю я их манеры, спойть человека и выведать у него все, смотри быстро тебя отсюда вышлют... А Маханько все подливал мне и все старался завести разговор на литературные темы, хвастал тем, что знаком с многими именитыми писателями. Я не был намерен раскрываться перед ним. Шутил, рассказывал анекдоты – не более. И на удивление, я не пьянел. И не я, а он стал откровенничать. Говорил об охоте на крокодилов, о том, как жадность губит крокодилов, как они, уже насытившись, бросаются на самую тухлую приманку. И главное – не испортить шкуру, тут нужно бить точно – объяснял он. «Это вроде акулы, - заметил Вернер, - той все мало» И мы вспомнили, как в прошлом рейсе вытащили в трале акулу, она нам здорово помяла рыбу, ее били ломом, потом рыбмастер стал резать большим ножом тут же на палубе. И оглушенная, уже почти разрезанная пополам, акула продолжала двигать челюстями, заглатывая очередную рыбку и даже свои внутренности. Маханько стал рассказывать, как ему удалось добыть гигантского крокодила, величиной не менее акулы. Язык у нашего гостя уже заплетался. А Вернер все продолжал подливать в его бокал ром. В час ночи Маханько с грохотом упал со стула и очутился под столом. Удостоверившись, что гость наш не притворяется, а действительно выбыл из строя, мы с Вернером не спеша допили ром. «Ты знаешь, в чем его ошибка, - сказал рассудительный Вернер, - он очень хотел напоить тебя и не рассчитал свои силы, он ведь спортсмен, а ты на вид – не очень, одно слово писатель...»

Я полагал, что после этой пьянки Маханько отвяжется от меня, но через неделю он пришел с «открытым забралом», это по его выражению, наверное, согласовал этот ход со своим начальством. Сказал, что ему нужно доложить в «контору» о том, что мною написано за последнее время,

имелись в виду два последних рейса, предыдущее, как я понял, уже было доложено другими «затейниками». Я послал этого крокодильего деятеля подальше. И после этого ждал скорого своего отзыва из Гаваны. Но, однако, прежде меня чудесный этот город покинул Маханько. Москва срочно вызвала его.

Через год я узнал, что моего визави расстреляли. В это я не хотел верить. Я полагал, что расстрелы закончились со смертью кровавого горца. Но потом мне объяснили, что никакой политикой здесь и не пахло. Что Маханько сгубила жадность. Он должен был забивать строго ограниченное число крокодилов. Но решил подработать сам, тайно переправляя шкуры через знакомых моряков - с кем-то не поделился, а может быть, и проболтался, ведь комсомольские вожакИ были всегда такими открытыми... О, если бы его помиловали, и он дожил бы до перестройки. Наверняка стал бы олигархом – такие как он сейчас на самом верху нашей шатающейся пирамиды.

ОДИССЕЙ

Отказываюсь от соблазнов и наслаждений. Привяжу себя к ступу, как Одиссей к мачте корабля аргонатов, залью свои уши воском, чтобы мир существовал только внутри меня, чтобы там, в глубине души, рождались еще никем не услышанные мелодии. И если попрошу отвязать меня, не слушайте, а еще крепче стяните ремни на моих руках. Мой корабль попал в безветрие и его затягивает в пролив между островами, между Сциллой и Харбидой. Я не слышу пения сирен. Но чувствую, как волна наслаждения набегаеТ на меня. Воск тает в моих ушах. И открываются мои глаза. Я вижу не сирен с телами женщин и когтистыми лапами, это призрачные, сиреневые женщины сошли с полотен горбатого гения. В платьях с кринолином они таинственны как летние облака. Они меняют формы и цвет. И я слышу чарующую музыку и сладкозвучное пение.

Я столько раз обманывался в жизни и все равно ничему не научился. Как Одиссей, предупрежденный Цирцеей, я тоже предупрежден Гомером. Я знаю: эти обманчивые женщины, поначалу прекрасные, сейчас превратятся в сирен. Они сидят на цветущем лугу посредине скалистого острова. Я забыл залить воском свой нос. Дразнящий запах цветов и женской плоти проникает в меня. Господи, огради, шепчу я. Ремни вот-вот лопнут на моих плечах. Смерть за ночь любви – об этом я тоже предупрежден. Неповторим их облик, распущенные золотистые волосы волной ложатся на смуглые плечи. Когтей не видно, они скрыты цветами. Когти, которыми они растерзают того, кто соблазнится их пением и телом. Не таков ли был Бут – похотливый аргонавт, забыв все на свете, он бросился в море, едва слышал призывные звуки. Устоять невозможно. И тогда, чтобы спасти аргонатов, Одиссей берет лиру и поет свою песню. Она ведь тоже прекрасна. Даже сирены смолкают. Могу ли я запеть. Я, лишенный голоса и слуха. Внутри меня рождается мотив, который невозможно записать нотами. У меня есть только слова, чтобы объяснить вам – даже привязав себя к мачте, даже залив уши воском и заткнув нос, даже зажмурив глаза, невозможно уйти от мирских соблазнов. Мы сами порождаем их из снов и своих фантазий. Кости погубленных людей усеивают придуманные острова. Разбитые сердца заполняют пещеры. И не смолкает пение сирен.

ГЕРОИ И ЖЕРТВЫ

Холодная вода Балтики, словно обручем, сковывает тело. Выскакиваешь на берег и пытаешься согреться, прыгая на одной ноге. Это сентябрь. Благодатный месяц плодов. Вода еще только начала остывать. Попади в нее в декабре или в январе - и она не отпустит тебя. В эти месяцы и даже весной люди с тонущих кораблей погибают от переохлаждения. Так было на рыболовном траулере «Тукан». В те годы, когда он затонул, о его гибели и гибели людей знали только в нашем городе. Сорок три красных гроба повергли в уныние весь город, и траурному шествию, казалось, не будет конца. Катастрофу эту сравнивали с гибелью «Титаника». И лишь когда прошло время, понимали несоразмеримость. Ведь там, на «Титанике», погибли тысяча пятьсот человек. Считалось, что это самая крупная морская катастрофа. О ней столько писали, столько раз на экранах повторяли то, что случилось в далеком океане, что, казалось, ты сам все это видел. Айсберг-убийца надвигался в ночи, гигантский лайнер носом уходил в ночную воду, ревели тифоны, пассажиры еще недавно вальсировавшие в уютных корабельных ресторанах, бросались с борта в ледяную воду...

Это было так давно и все же столь надежно врезалось в память, что спросите любого, и он, конечно, вспомнит об этой трагедии в далеком океане. Далеком от моих берегов. Я давно уже не хожу в дальние рейсы. Моим уделом стала Балтика. И трагедии в ее водах не дают мне покоя. Одна из них постепенно приобретает совсем иные очертания. Сначала она вообще не проходила по разряду трагедий. Была твердая уверенность, что командир знаменитой подводной лодки С-13 Маринеско, тремя торпедами послал на дно близ Данцига некий корабль «Густлоф», на борту которого спасались бегством от наступающих наших войск около тысячи подводников. И если бы не потопить их, то забрались бы они в свои подводные лодки, и неизвестно еще, чем бы кончилась война. Были, правда, у меня сомнения, - где столько подлодок припрятано, не мог я предположить.

Главное было в том, что этот торпедный удар совершил Александр Маринеско, что было это названо нашими историками «атакой века», что торпедировал Маринеско этот огромный то ли линкор, то ли лайнер в надводном положении, что зашел, обманув конвой, со стороны берега, ну и самое главное - что эту атаку не оценили, ибо был Маринеско неординарный человек, попался на какой-то пьянке, исчезал в загулах, а потому не дали ему звание Героя. И вот прошли годы - и чтобы справедливость восторжествовала - пришлось собирать петиции, создавать комитеты, пока не был с триумфом завершен штурм воинских чинуш и награда «нашла героя». Правда, посмертно. Маринеско не узнал о своей славе, при жизни ему пришлось пережить и увольнение с флота, и нелепые обвинения, и «прелести» трудовых тюремных лагерей. И вот теперь, изваянный в бронзе, стоит он на берегу Королевского озера, запечатленный скульптором в тот момент, когда отдает он команду «залп!» - и по мановению его руки вырываются из торпедных аппаратов три торпеды, несущие смерть тем, кто заполнил каюты и палубы огромного корабля. О том, что там были не только будущие подводники - курсанты, я узнал лет пятнадцать назад, когда встретились мы с Шеном, это был уцелевший при катастрофе, как он представился, четвертый штурман с «Густлофа». Мы с братьями писателями очень дружески его встретили, поставили на стол с десяток бутылок и «братались» целые сутки. Переводчика не было. Объяснялись, как могли, и ничего не выясняли.

Понял я, что не только подводники погибли на «Густлофе» - война, что же поделаешь, торпеда не разбирает и не отделяет военных от гражданских. Потом уже, когда был я в Берлине и выступал там с чтением своих рассказов, узнал я от своего друга поэта, осевшего в Германии, что стал Шен летописцем этой катастрофы и выпустил много книг, посвященных трагедии, и не таким уж он был безобидным улыбчивым человеком, как мне показалось при встрече в моем городе. И листал я толстые, богато иллюстрированные книги, и начинал многое понимать. И еще поразила меня тогда цифра - десять тысяч погибших, и среди них этих подводников всего несколько сотен, а остальные - беженцы: женщины, дети... Маринеско этого не знал, а может быть, догадался потом, после войны, может быть, потому и пил по-черному... Ведь не только «Густлофа» пустил на дно, но и другой корабль «Штойбен», где тоже не только военные были, но и беженцы и раненные. Но - война есть война...

И я ведь тоже вместе со многими своими товарищами добивался в свое время «признания подвига Маринеско» и награждения подводника званием Героя. И был Маринеско, да и остается подлинно народным героем, у нас всегда стеной стоят за обиженных. Был я и в Комитете, который собирал под свои знамена людей, защищающих Маринеско. И сегодня не отступлюсь от своих убеждений в том, что Маринеско личность легендарная и героическая. И убежден в то же время, что лживая сусальность и сокрытие правды не вяжутся с характером опального героя. Маринеско всю свою жизнь страдал за свою излишнюю правдивость. И сейчас бы, будь он жив, отверг бы своих певцов и «защитников» и не испугался бы правды...

Он прочел бы повесть нобелевского лауреата Гюнтера Грасса «Траектория краба» и, наверное, как и я, поехал бы на берег моря, и попытался бы осознать всё, что дано было ему волею рока свершить. И чем стал в истории человечества тот зловещий день и не менее зловещая ночь - 30 января. День прихода Гитлера к власти, ведь именно 30 января 1933 года он стал канцлером, и вот через двенадцать лет после этого опять это зловещее число обернулось гибелью десяти тысяч, в большинстве своем далеких от фашизма людей. Январь сорок пятого, победного сорок пятого, словно ненасытный людоед всасывал в себя все новые и новые жертвы.

В этом же январе, в следующую ночь, на том же побережье Балтики были расстреляны еврейские девушки, и их тоже погибло десять тысяч. Именно столько погнали по дороге из Кенигсберга в Пальмникен. По словам очевидцев они были похожи на костлявых птиц с большими черными глазами. Половину убили по дороге. Остальных ночью согнали на берег. Было там и две сотни мужчин из Вильнюсского гетто, истощенных боями и голодом. Они бросились на полицаев и были убиты первыми. Конвой убийц был интернациональным - немцы, украинцы, прибалты... Море растворяет тела независимо от национальности, и рыбы в том году не знали забот о корме. В Гданьске в тот день было 18 градусов мороза, там, где расстреливали еврейских женщин, было 20 градусов. Кровь застыла в жилах и тела леденели в обжигающей холодом воде.

Корабль назывался «Густлоф» - и в этом была своя символика, он был назван в честь Вильгельма Густлофа - одного из зачинателей нацистского движения, которого убил студент-еврей Давид Франкфуртер. В кабинете этого наци в Швейцарии студент всадил в него четыре пули и сам сдался полиции, объяснив свой поступок желанием призвать евреев к сопротивлению фашизму. Тогда его судили и дали ему восемнадцать лет. Он в тюрьме дождался конца войны и был выпущен и уехал в Израиль, где работал в министерстве обороны. Ему не поставлены памятники,

хотя он тоже совершил подвиг. И он был один из немногих, кто понимал, какую угрозу несет нацизм. О, если бы нашлись подобные ему герои и уничтожили фашистских лидеров, они спасли бы не только шесть миллионов евреев, они спасли бы и тех, кого отправил на дно своим торпедным залпом наш герой Маринеско. Но, увы, почти все предпочитали позицию страуса. С молчаливого согласия правителей всех стран Гитлер начал планомерное уничтожение людей. Выстрел Давида не поверг Голиафа, мир не захотел услышать этот выстрел. Густлоф, погибший от рук еврея, стал национальным героем, «мучеником», и ему были воздвигнуты памятники и в его честь был назван огромный лайнер - предсмертная обитель беженцев. О, как они, выхваченные из своих домов люди, в основном женщины и дети, стремились попасть туда, какая давка была на сходнях, как еще задолго до общей гибели падали с трапов маленькие дети и исчезали под днищем океанского гиганта... А он казался единственным спасением... Ведь до войны этот лайнер нес только радость, на нем возили в туристические круизы отличившихся рабочих, на нем царил народный социализм, в котором можно было ничего не делать - есть вволю и танцевать на чистых палубах. А теперь надо было спастись! Все они уже видели фильм о наступлении советских солдат, им показывали изнасилованных женщин и убитых детей. Они понимали, что это грядет возмездие. Ведь нельзя верить в то, что никто из них не знал о концлагерях и рвах, заполненных трупами. И те, кто попал на «Густлоф» считали себя счастливыми, они полагали, что спаслись. Но подводная лодка С-13 уже давно рыскала вдоль побережья, выжидая свою жертву. «Густлоф» должен был быть казнен вторично. Обыватели расплачивались за свою любовь к фюреру. Невинные дети тоже расплачивались. Но они-то за что! Спасшиеся с «Густлофа» рассказывают, что дети, облаченные в спасательные жилеты, в воде не могли перевернуться, и плавали ножками вверх; хочется надеяться, что они замерзли быстро, не испытав тех мучений, которые выпали на долю еврейских девушек, которых в этот день гнали раздетых в мороз к месту расстрела. Они сами просили у полицейских смерти: «Убей меня!» Смерть избавляла от страданий. Оставшихся хотели замуровать в заброшенной шахте. Жители Пальмникена заволновались - будет отравлена вода, в поселке возникнет эпидемия. И тогда в ночь с 31 января на 1 февраля 1945 года оставшихся расстреляли на берегу моря, их спихивали на тонкий лед, они захлебывались и их предсмертные крики сливались с эхом от тех криков, которые неслись над морем после залпа Маринеско. Там на «Густлофе» люди тоже гибли от переохлаждения, попав в студеную воду января. Но их пытались спасти, к месту гибели, откуда сумела незамеченной уйти подлодка Маринеско, сбегались немецкие корабли, вынимали полуживых из воды, растирали, обогревали. В Пальмникене тоже шел поиск выживших, их ловили гитлерюгендовцы, ровесники спасшегося с «Густлофа» Шена, ловили и расстреливали женщин. Шла настоящая охота, и ловкие стрелки хвастались убийствами друг перед другом. Гюнтер Грасс в своей новелле пишет, что Шен вовсе не был штурманом, а был он всего лишь помощником казначея, что состоял в гитлерюгенде, и только слабое здоровье не позволяло ему встать в ряды эсэсовцев или вермахта. Оставим все это на совести нобелевского лауреата. Мне Шен не показался убийцей. Годы многое стирают. Годы изменяют человека. Не всем дано покаяние. И не все понимают, что примирение приходит вместе с правдой, какой бы горькой не была эта правда. Эту правду о Пальмникенском расстреле сумел высказать в своей книге Мартин Бер-

гау – очевидец свершившегося. В Германии эта книга была воспринята неоднозначно. Детство всегда кажется прекрасным, не хочется верить, что рядом гибли люди. Люди, выселенные из Восточной Пруссии, вспоминали «потерянный рай». Им не хотелось знать правду...

Обо всем этом я проговорил целую ночь в маленьком городке под Берлином с моим другом-поэтом, который обрел тихую и спокойную обеспеченную жизнь в сытой и процветающей Германии. Он был поражен открывшимися ему фактами, связанными с гибелью «Густлофа», я рассказал ему о Палмникенском расстреле. И о том и о другом событии еще не написано всей правды, да и каждый понимает свою правду по-своему.

Только море хранит в своих глубинах истину, только оно, поглотившее обреченных, ставшее их смертной купелью знает правду. Невысказанную правду. Не потому ли оно стонет в порывах ветра, бьется прибоем о волноломы, и не перестает оплакивать безвинные жертвы. Героям поставлены памятники. Погибшим не дано даже могил, море одно - их общее могила, море, соленое, как слезы, море.

Михаил НИКИТИН

Как Вертикаль стоять стала

взрослая сказка

Воссел наследник Путяня на царский трон, осмотрелся вокруг и в ужас пришел. Нет власти единой на Разяе. Что хотят, то и творят в своих уделах и вотчинах бояре и приказчики царские. Указы и повеления государевы не исполняют, о долге вассальном не думают, суверенами себя мнят, поданных обируют и в свое удовольствие живут.

С безродными людишками хлопот и того более. Им при царе Борисе разные умники сказок про чудеса либеральные наплели, демосо кратной чушью мозги замутили, вот они вредных новаций и возжелали. Хартию прав для холопов требуют. Посему сходами на площадях грозят. Непослушанием страшат. Ну, прямо, дети малые, белены объелись и в дурман впали. Вынь да положи им эту хартию. А не то смуту учинят. В общем, базар мирской на Разяе, а не державное правление.

Может быть, другой наследничек и смирился с таким раскладом, махнул на все рукой и предался делам приятным. На рауты к королям и канцлерам ездил, высокий политес разводил, феереями свиту и бояр родовитых развлекал, веселым потехам предавался. Однако ж, не таким наследник Путяня был. Он из особого департамента вышел. В том департаменте со времен Железного Феликса строгий порядок ценился. Каждый сверчок знал свой шесток, сидел себе тихо в укромном месте, подозрительные шорохи ловил и по инстанциям об них докладывал. А главное, каждому слову старших товарищей по департаменту истово верил и приказы примерно выполнял. И все-то с холодной головушкой, горячим сердцем и чистыми руками.

В таком вот славном департаменте служил боярин Путяня до помазания на царство Разяйское. Служил и забот не знал. Боевыми искусствами занимался, по неметчине вояжировал, янтарный эль там пил, шпикачками закусывал, а заодно тайный пригляд за ворожиной вел. Да так искусно, что никто об этом не догадывался. Не догадывался и сам боярин Путяня, какой фортель ему фортуна готовит.

А случилось с ним чудо дивное. В один прекрасный день добрая фея департамента взяла боярина Путяню под свое крыло и в мгновение доставила в стольный град прямо в палаты царские. Аккурат в тот момент, когда приближенные царя Бориса наследника искали. Не успел боярин Путяня в палатах царских глазом моргнуть, как к нему подбежал резво боярин Рыжий Чуб с дружками Дерибасом и Абрамчиком и спросил:

- Ты будешь Путный из тайного департамента?
- Я не Путный. Я боярин Путяня из тайного департамента.
- Знать, тебя фея в палаты царские занесла?
- Знать, меня, а что за базар, бояре?

- Никакого базара, боярин. Все путем. Теперь смотри, слушай и молчи!

После этих слов бояре Рыжий Чуб, Дерibas и Абрамчик подхватили боярина Путяню под белые ручки и бегом к царю Борису в опочивальню доставили.

- Радость-то сегодня какая, царь-батюшка! Сыскался, наконец, последний герой нашего сериала! - Запыхавшись, выпалил боярин Рыжий Чуб, - Посмотри, царь-государь, какой он справный и ладный! Любо-дорого смотреть! Лучшего наследника во всей Разее не найти.

Окинул сверху донизу скептическим взглядом царь Борис боярина Путяню и изрек:

- Справный-то он справный, да какой-то неприметный. Росточком мал и в плечах не вышел. Справится ли он с ношей царской? Тяжела она, ох, как тяжела. По себе знаю.

- Не сомневайся, царь-государь, справится. Боярин Путяня хоть росточком мал, да удал. По хиньскому бою пятый дан имеет. Кого хочешь, соплю глотать заставит и в сортире замочит. Тебя и нас в обиду не даст. А неприметный потому, что в департаменте тайном служил. Там чем неприметней, тем лучше. - Ответил за всех боярин Волоша.

- Ну, коли так, быть по-вашему. Пушай, принимает престол. И чтоб меня, старика, лиходеям в обиду не давал. Поди, красные шакалы только и ждут момента, когда меня, льва розяйской демосо кратии, побольнее укусить можно будет. Обереги же меня этой напости, наследничек! И еще вот что, бояре. Ножки у трона подпилить надобно. Не по боярину престол. Под мою натуру его мастерили, посему высоковат он будет для наследника.

- Сделаем все как вы, государь-батюшка, велите. И ножки у трона подпилим, и наследнику подсобим, и тебя в обиду тебя не дадим, - заверил царя Бориса боярин Рыжий Чуб.

Ударили они после этого по рукам и свершили простое чудо – сделали боярина Путяню законным наследником.

На инаугурацию наследника народу собралось видимо-невидимо. Со всего свету съехались в град стольный короли и канцлеры, премьеры и министры. Приехали, чтобы на наследника Путяню поглазеть и ответ на вопрос получить «Кто вы есть, мистер Путяня?». Поглазеть-то поглазели, а ответа на вопрос не получили. Не удалось им заковыристую разейскую загадку разгадать. Так и уехали восвояси ни с чем все эти короли и канцлеры, премьеры и министры. Видать, не зря боярин Путяня в тайном департаменте порты протирал.

Однако ж, и в Разее никто толком не знал, кто такой есть мистер Путяня. Не ведали разяи, чей он промысел и чья воля, о чем думает и чего желает. Одно известно было: добрая фея из тайного департамента к нему сызмальства симпатию питала, всячески оберегала и самолично под своим крылом в нужный момент в град стольный принесла и все должным образом устроила.

Тому, как ближние царя Бориса наследника выбрали, не все в Разее обрадовались. Многие именитые разеи недовольны были. Негаданно и нежданно для них боярин Путяня наследником стал. словно черт из табакерки выскочил. А табакерка та тайным департаментом называлась. Было от чего обеспокоиться. Одно утешало. Далеко на чужеземщине свою службу боярин Путяня нес. Стало быть, о многом в Разее не слыхивал и разумения не имел. Шанс это давало разяйским прохиндеям сухими из воды выйти. Надо было лишь на аудиенцию к наследнику попасть, радетелем живота государева себя заявить и новую грамоту на кормление выпросить. А ежели повезет, то и ближнего оговорить. Так издревле на Разее заведено было: себя на миру хвалить, а других за глаза хулить.

Сразу вслед за инаугурацией от желающих попасть на аудиенцию к наследнику отбоя не было. Кто только не рвался на прием к наследнику, чтоб упасть ниц пред ним и штиблеты его шагреневые лобызать. Впереди, конечно же, столбовые бояре, богатые заводчики и купцы, вельможи царские, губернские предводители, сенаторы и генералы... За ними шушера мелкая: мужи ученые, сочинители, лицедеи и лекари, а также люди разночинные. Очередь на аудиенцию к наследнику выстроилась длиннющая. Прямо как к мощам Владимира Лысого по красным дням старого календаря. От слюней визитеров шагреневые штиблеты наследника быстро парадный вид потеряли. А ходоки все шли и шли.

Поначалу наследник Путяня принимал всех без разбору. Внимательно слушал визитеров и выпрашивал. Хотел про Разяю истинную правду узнать. Понять, чем живет его держава и народ. Первые сто дней за тем и прошли. На сто первый день у наследника голова кругом пошла от услышанного. Да и было с чего. Как попугаи повторяли именитые и не именитые посетители всего четыре слова «Дай, отними, вор и придурок». Будто других не знали. В тихий ужас от этого пришел наследник. Подумалось ему даже, не в сумасшедший ли дом он попал. Захотелось бросить скипетр и державу и вернуться в свой тихий тайный департамент. Но хода назад уже не было. Да и теплое местечко в неметчине, где всегда можно было испить янтарный эль и отведать вкусных шпикачек, было занято. Пришлось наследнику Путяне раззяйские щи дальше расхлебывать. Да не в прикус, а полной ложкой.

Отменил наследник Путяня на сто первый день все аудиенции и задумался. По размышлению здравому смекнул - нет власти в Разяе. И, действительно, какая власть, когда возле престола подданные друг друга придурками величают и в воровстве обвиняют. Ясное дело, никакой. Стал тогда думку мыслить наследник Путяня, как власть в Разяе исправить. Тяжелой была эта думка. За всю Разяю размышлять ему пришлось. За весь народ разяйский.

Долго ли думал наследник, недолго ли, однако ж, нашел нужный ход. Решил мозговой штурм устроить, чтоб сообща, дружным кагалом на проблему насесть. Собрал на ближний совет мужей ученых из академиев и ассесоров толковых из тайного департамента и обратился к ним с такой речью:

- Познал я горькую правду, бояре. Нет нынче власти в Разяе. Нет власти ни в граде стольном, ни на окраинах. Лежит власть на земле как баба падшая. И поднять ее и уважить кроме меня некому. Посему повелеваю вам, бояре, поразмыслить сообща, как власть падшую на ноги поставить. Да так поставить, чтоб всему миру видно было - есть власть в стороне разяйской! Власть единая и неделимая! Даю вам два часа на мозговую атаку.

Напрягли свои мозги советники царские до предела. У бояр Леонтия, Сурка и Глеба Павлова от мозгового напряжения даже морщины на затылках образовались. Ударили они дружно интеллектом по разяйскому безвластию. Неудержимой лавиной на штурм мозговой пошли. Первым, как всегда, в лобовую атаку бросился боярин Леонтий.

- Это все козни де Билла из тьмы американской, бояре. Это он подбил царя Бориса шуры-муры с демосо кратией завести и вольницу разяйцам дать. С черным умыслом все делал. Знал, гад подкоподный, что демосо кратия для Разяи страшнее холеры. Она наш великий народ силы духа лишает, а власть беспомощной делает. Предлагаю, государь-наследник, похерить демосо кратию, как вредную для Разяи чужеземную экзистенцию.

- Всецело согласен с боярином Леонтием, - подключился к мозговому штурму боярин Глеб Павлов, - все беды на Разяе от демосо кратии и излишней либералии. - Когда на Разяе порядок был, бояре? Когда разеи о демосо кратии слухом не слыхивали и в глаза не видывали. Жили как Адам с Евой

в Эдемском саду. Радовались каждой мелочи. Кольцо колбасы на праздник – радость, чулочки фельдиперсовые на именины – радость, грамота ударника разейского труда – радость, путевка в санаторий на море – настоящее счастье. Просто завидно как умели радоваться разейцы при царе Иосифе Горийском.

- А какие песни пели тогда, помните? Столько радости и гордости за себя и Разяю в них было. – Вступил в мозговой бой боярин Чойгу. - Взять хотя бы эту песню:

*Над Разяей ветер теплый веет,
С каждым днем все радостнее жить,
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить.*

- Чудная песня! – Поддержал мозговую атаку на левом фланге боярин Волоша.- Там еще такие замечательные слова есть: я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек. А, знаете, о каком человеке эти слова? О Человеке с большой буквы.

- Уж не Иосифа ли Горийского ты имеешь в виду, боярин? – тихо спросил, молчавший до сих пор наследник Путяня.

- И его тоже. Потому как в стране, где все подданные счастливы, государь себя чувствует привольно.

- А может наоборот, когда государь себя чувствует привольно, все его подданные счастливы? – то ли вопрос, то ли мысль вслух высказал наследник Путяня.

- Я ж о том и говорил, государь-наследник. Не надо нам демосо кратии. Пагубна она для Разяи. Только единовластное правление для нашей страны подходит. – Как всегда скороговоркой выпалил боярин Леонтий.

- И я за единовластие! – Подхватил эстафету боярин Глеб Павлов.- Надо снова к назначениям вернуться. Не оправдала себя выборщина. За добрые глаза и крутые бабки разейцы врага отечества выбрать могут. А на вертикаль власти надежные люди как шашлык на шампур должны одеваться.

- Хорошо сказано! – отозвался одобрительно наследник Путяня, и добавил. – Причем мясо для шашлыка должно быть отборным и в соусе фирменном выдержано!

- Совершенно верно, государь-наследник! – поспешил согласиться боярин Глеб Павлов.

- Ну, что ж, неплохо для начала помозговали мы с вами, бояре. Сейчас самое время небольшой тайм-аут устроить, а потом снова на мозговой штурм соберемся. – Сказав так, наследник Путяня удалился в свои покои, а советники перешли в соседнюю залу кофею попить с круассанами.

Возвратясь с тайм-аута, наследник внимательно оглядел своих советников и изрек.

- Ежели я вас правильно понял, бояре, надобно мне демосо кратию в Разяе похерить, чтоб вертикаль власти поставить. Так или не так?

- Истинно так! – В один голос откликнулись бояре.

- Тогда завтра же дам боярской Думе наказ о введении в Разяе единовластного правления. И пусть только посмеют думачи с законом волянить, вмиг распущу! Пришла пора демосо кратию на место поставить!

- Именно на место поставить, а никак не похерить. – Подал неожиданно голос боярин Сурок, до того пребывавший в глубоком тылу мозгового штурма.

- Это как не похерить? – не понял реплику боярина Сурка боярин Леонтий. – Не быть на Разяе истинного единовластия, ежели хотя бы одна микроба заразы заморской на земле разяйской останется.

- Не волнуйся, боярин Леонтий. Иное я имел в виду. Демосо кратию сле-

дует на деле похерить, а на словах поправить. – Пояснил боярин Сурок.

- Как это так, на деле похерить, а на словах поправить? – не унимался боярин Леонтий.

- Сейчас поясню. Но сперва про видение расскажу, которое я давеча видел. А привиделся мне, разлюбезные бояре, Фей седобородый. Возник он передо мной в полдень, когда я над указом о некоммерческих партнерствах работал. Уставился на меня строго, поднял перст указующий и спросил. – Бдишь? – Бдю, - отвечаю я. - Тогда внимай мне и себе на ус мотай. – После этих слов седобородый Фей стал ходить кругами по палате и наговаривать: Суверенова демосо кратия, суверенова демосо кратия... Раз десять повторил эту фразу, потом исчез также неожиданно, как появился. Я тогда разгадать не мог, к чему бы это видение и эти слова. А сейчас понял – это нам знамение свыше было. Надо нам, государь-наследник, единовластное правление сувереновой демосо кратией наречь.

- Правильнее будет сказать суверенная демосо кратия, как того современная орфография требует. – Бросил реплику наследник Путяня.

- Совершенно верно, государь-наследник! Говорить и писать будем по современной орфографии - суверенная демосо кратия, а разуместь при этом демосо кратию суверена или властителя. Обычный эвфемизм, бояре, и ничего более. Понятно? – Быстро учел поправку наследника Путяни боярин Сурок.

- Понятно, но зачем тень на плетень наводить, коли мы единовластие вводим? - высказал сомнения боярин Глеб Палов.

- Для большого политеса это надобно. Не с руки нам, чтобы во тьме американской или в ЕСении обвинять нас стали в покушении на демосо кратию. Это у них любимое дитяти. Носятся они с ней как с писаной торбой. Тем, кто от демосо кратии отказывается, козни строят. На это они великие мастера. Нам сейчас не время с ними бодаться. Сами знаете, как сейчас для нашей реформации бабки этих радетелей демосо кратии потребны.

- Дельные слова боярин Сурок говорит. Используем суверенную демосо кратию как дымовую завесу. Нас в тайном департаменте учили такие завесы ставить. Очень полезны они и в бою и в политесе. Принимаю твоё предложение, боярин Сурок. Быть на Разяе сувереновой демосо кратии! И, вот еще что, бояре! Вспомнили мы тут про разяйские песни о главном. Надо бы старый разяйский гимн возродить. Уж, больно музыка за душу брала.

- Верно сие, государь-наследник!. Вот только слова не ко времени будут. – Высказал сомнения боярин Волоша.

- Я уже об этом подумал, боярин Волоша. Дам боярину Михалку Старшому задание старый текст подправить. Ему не привыкать высочайшие запросы исполнять. Справится.

После этих слов наследник Путяня встал и приятным тенором запел:

*Славься, Отечество, наше свободное,
Новых разяев надежный оплот!
Воля железная, воля верховная
Нас от победы к победе ведет!*

Дружно подхватили советники мелодию и в едином порыве исполнили славный гимн Разяи. Расчувствовался наследник Путяня. Смахнул скупую слезу с ресницы. Обнял по очереди каждого советника и одарил добрым словом. На том и закончился мозговой шторм.

Как и ожидал наследник, с законом о сувереновой демосо кратии в боярской Думе проволочек не было. Депутатики приняли его за неделю до первого чтения, приятно удивив наследника. А чего, собственно, удивляться

было, когда в преамбуле закона прямо писано было: токма ради защиты демоса кратии. Стало быть, все путем, все на благо народа. Как был народ разяйский носителем верховной власти, так и остался.

Сразу же после мозгового штурма, не медля ни дня, приступил наследник Путяня к возведению вертикали власти. Перво-наперво решил людей верных и надежных подобрать и на вертикаль власти посадить. Как всегда ему в важном деле добрая фея тайного департамента помогла. Принесла она список заветный самых надежных и верных разяев. Просиял наследник, когда список вычитал. Да и было от чего. Сплошь свои департаментские в нем были. А еще дружбаны стоящие из отроческих и студийных лет. С такими удальцами можно было смело в огонь и воду идти, и вертикаль власти ставить. Не подведут.

Рассадил наследник Путяня своих соколов по развесистым ветвям древа властного. На самые верхние ветви вертикали власти своих друзей и сотоварищей посадил, пониже друзей и сотоварищей своих друзей и сотоварищей пристроил, на нижние же сучья третью воду на киселе из своих друзей и сотоварищей определил. Никого не забыл и никого не обидел. Суровый наказ всем дал зорко следить за тем, что в Разяе происходит и вертикаль власти делами своими крепить. А еще каждому чину наставление *ad usum* выдал, где сказано было: государева служба тогда исправна, когда царские указы неукоснительно исполняются, младшие чины старшим не докучают, подданные жалобы по инстанциям не шлют и простой люд добрым словам власть поминает.

Рьяно взялись за дело пострельцы-удальцы наследника. Зорким оком своим быстро узрели, где непорядок какой или без пригляда властного что оказалось. Расправили свои соколиные крылья и устремились на вороны слободки порядок наводить. Только перья и пух вороный во все стороны полетели! Переполох и карканье несусветное поднялись. Кар-раул грабят, кар-раул разоряют, кар-раул свободы слова лишают, кар-раул демоса кра-кра-кратию губят! Громче всех бояре Береза, Гусь, Смола, Лимон, Каспар и Касьян надрывались. Да и было с чего.

Взять того же боярина Березу. Втерся, проходимец, в доверие к царю Борису и нахапал без меры денег, злата, земель и нефти. Казалось бы, живи себе и радуйся. Ан нет. Власти ему захотелось. Первым разяем захотел быть. Наследник Путяня ему и так и этак намекал, дескать, негоже на себя все тянуть. Другим тоже перепасть должно. Не слушает. Еще в большую амбицию впал. Говорить всюду начал, что это он, мол, наследника сотворил. Что без него, мол, боярин Путяня до сих пор в тайном приказе порты протирал. Врал нехристь! Неправду выдумывал. Всем известно было, что добрая фея тайного департамента на царство разяйское боярину Путяне протекцию составила. Только плевать на это хотел боярин Береза. Великим творцом себя возомнил. Пришлось напомнить самозваному барону Франкенштейну *who is who*. Предложил боярину испытание на разяйском детекторе лжи пройти, чтобы точки над *i* поставить. Испугался боярин. Сбежал в Альбион туманный. Теперь стал пудрить мозгии доверчивым лордам и пэрам своими фантазиями.

С боярином Гусем история другая вышла. Этот гусь ощипанный тоже при царе Борисе шею высоко задрал. Подвизался общее дело царя Бориса и его друга де Билла с демосом кратией в Разяе продвигать. От царя Бориса особый патент на огласку придворных сплетен получил. И начал свой балаган. То царя и царедворцев в куклы нарядит, то к барьеру поставит, то моментом истины огорошит. Может оно и смешно получалось, да не всем весело было. Царю Борису не раз говаривали, что надо художества боярина Гуся

пресечь, так как они державную власть оскорбляют. Не внимал царь советам правильным. Сам смотрел глупые маппит-шоу и других заставлял, да еще смеялся без удержу при этом:

- До чего же похожи, чертяки! Прямо с натуры, шельмы, списаны! Зело хорош Гусь для дела демоса кратии! Действенно его глас свободе слова помогает. Надобно Гуся из казны хорошо подкармливать, чтоб его глас еще громче звучал и самых окраин Разяи достигал.

После таких слов еще вольнее демоса кратничал боярин Гусь. Потешался, как мог, над простодушным царем Борисом и первыми лицами Разяи, в непотребном виде их на посмешище народное выставял. И за все это еще денежки казенные имел. Так и продолжалось бы беспутство боярина Гуся, если бы наследник Путяня его будку гласности не прикрыл, а его самого пощипал, как следует, чтоб денежки казенные вернуть.

Много, ой, как много кровушки попили бояре Береза, Гусь и иже с ними олигархеревшие разяи пока наследник Путяня понуждал их жить по закону сувереновой демоса кратии. Что только не делали они, чтоб дело наследника принизить, а его самого оболгать. Каких только небылиц про наследника они не сочинили, каких только наветов и хулы на него не возвели. Однако ж ничто не могло остановить наследника Путяню в его великом деянии. Где словом, а где делом, где мытьем, а где катаньем, но добился он своего. Крепко помогли ему в задуманном деле опричники царские, которых он по закону сувереновой демоса кратии призвал на службу государеву. Даровал наследник Путяня своим людям служивым жалованье высокое, пальчики оближешь, чтоб служили на совесть. Главное же, право дал им суд басманный над смутьянами и бузотерами творить. И заработала вертикаль власти как идеальный часовой механизм. Приказы сверху исполнялись без промедления, младшие чины старшим нудными вопросами не докучали, жалобы простолюдинов по инстанциям вовсе не шли, благодарная похвала в адрес власти повсеместно звучала. Прямо царство солнца на землю Разяйской пришло.

Собрал по такому случаю наследник Путяня генеральную ассамблею. Пригласил на нее столбовых бояр и олигархов разяйских. Когда расселись все по местам своим, вошел в залу наследник Путяня, осмотрел внимательно собравшихся, и спросил.

- Все ли на месте?

- Все на месте, государь-наследник! – Ответил за всех боярин Собяня.

- И боярин Ходор на своем месте?

- И боярин Ходор на своем месте, государь-наследник. – Опять ответил за всех боярин Собяня.

- Значит все на своих местах. Это хорошо! А теперь, бояре, хочу услышать от вас гласно - любя ли вам суверенная демоса кратия?

- Люба, любя... - Зазвучали редкие голоса ассамблейцев.

- Что-то плохо слышать я стал, бояре. Может мне надо лекарей на помощь призвать? – Недовольно молвил наследник Путяня.

И тут разом всколыхнулась ассамблея, и зазвучало громогласное: любя, любя, любя! И чем дальше звучало это слово, тем вдохновеннее становились голоса бояр, и тем большим восторгом и радостью наполнялись их лица.

С довольной улыбкой внимал многоголосице бояр Путяня. И было отчего. Во весь свой рост поднялась в Разяе вертикаль власти. И было той власти имя – суверенова демоса кратия.

МЕШОК

Последние минуты старого года стремительно убегали, и с каждым мгновением у Гали оставалось все меньше шансов встретить Новый год в приятной компании, за праздничным столом. Она безнадежно опаздывала.

Такси вызвать не удалось. Автобус ушел из-под самого носа.

Галя стояла одна на остановке и с бессильной злостью думала о том, что сама во всем виновата. Слишком долго собиралась. Слишком много времени потеряла зря.

Улица было пуста - ни машин, ни людей, только ветер и снег, как в песне поется.

В чужих окнах весело мигали разноцветные елочные огоньки. Издалека, - наверное, с площади, - доносилась веселая музыка и приглушенные щелчки петард. Снег валил крупными хлопьями, вспыхивая в пушистом ореоле фонаря. Сугробы выросли прямо на глазах.

«Такими темпами меня к утру с головой занесет», - подумала Галя. Хотя, конечно, до утра она стоять здесь не собиралась.

«Если в течение десяти минут не поймаю машину – все, придется возвращаться домой и в компании родителей досматривать новогодний огонек по телевизору, запивая это душераздирающее зрелище шампанским», - подумала она.

Это была грустная мысль. Она никогда не простит себе упущенного шанса.

Ведь там, куда она опаздывает, ее ждет счастье. А счастье, как известно, не любит ждать. Оно предпочитает, чтобы ждали его, - иначе может обидеться и уйти к кому-нибудь другому. К тому, кто первым под руку подвернется. А потом попробуй докажи, что это счастье предназначалось тебе.

Там будет Игорь!

Он давно нравился Гале, но прежде она даже надеяться не могла на взаимность. А сегодня утром он вдруг позвонил ей и спросил: «Ты будешь у Нельки?», - и после взволнованно выдохнутого ею: «Да!», многозначительно произнес: «Я тоже приду. Увидимся вечером».

С самого утра эти слова на разные лады звучали у нее в душе: «Увидимся вечером... вечером... вечером...»

Она должна успеть! Любой ценой.

Ну зачем, зачем она так долго крутилась перед зеркалом, примеряя разные наряды?

Зачем столько времени потратила на макияж?

И вовсе не обязательно было второй раз покрывать ногти лаком...

Ох, повернуть бы время вспять, перекрутить бы стрелки обратно – хоть на два-три оборота!..

Галя снова посмотрела на часы. Осталось двадцать минут. Если поймать машину прямо сейчас, то через десять минут она будет на месте.

Но все городские таксисты и автолюбители уже, наверное, уселись за уставленные яствами столы и готовятся с первым ударом курантов поднять до краев наполненные бокалы.

На улице ни души. Только какой-то дед с мешком пробирается сквозь густо валящий снег.

Бомж, наверное.

Старик подошел к остановке, стряхнул варежкой снег со скамьи и поставил на нее свой мешок. Поправил сползшую до самого носа шапку, отряхнул облепленную снежинками бороду.

- Давно ждешь? - спросил он у Гали.

Она демонстративно промолчала.

Для полного счастья ей только бомжа не хватало. Сейчас начнет на судьбу жаловаться или денег просить.

- А времени сейчас сколько? - не унимался дед.

- Около двенадцати, - сухо ответила Галя и отвернулась, давая понять, что продолжать разговор не намерена.

- Нет, не успею, - сокрушенно вздохнул дед. – Ну да ладно, какая теперь разница. Придется его тебе оставить...

- Кого? – нахмурилась Галя.

- Да мешок этот... С собой ведь забрать не могу. Должен передать. Конечно, есть специально предназначенные для этого люди... Но я же не виноват, что они слишком рано начали провожать Старый год. Проводили... А мне теперь что прикажете делать? Согласно инструкции, в исключительных случаях, можно сдать инвентарь первому встречному. А ты и есть первая встречная. Стало быть, повезло тебе, дочка, - в нужное время в нужном месте оказалась...

Галя с опаской покосилась на старика. Сумасшедший. Этого только не хватало.

- Бери, не стесняйся, - сказал старичок, широким жестом указывая на мешок.

Его голубые глаза были прозрачными, как льдинки. На бороде висели сосульки, мохнатые брови и выбивающиеся из-под шапки волосы блестели от инея. Из-под длинного белого тулупа, запорошенного снегом, виднелись валенки с галошами. Очень странный тип.

Галя тоскливо огляделась. Ни одного человека на улице. В случае чего и на помощь позвать некого.

- Счастье тебе привалило, дочка! - продолжал дед. – Можно сказать, новогодний подарок. А ведь кое-кто за этот мешок дорого дал бы, - понизив голос, сообщил он. - Так что, с Новым годом тебя! Вещички-то береги. Распорядись ими с умом. Много хорошего можно с их помощью сделать. Я тебе сейчас вкратце объясню, что к чему, а с остальным постепенно сама разберешься, ничего сложно здесь нет...

«Все, надо уходить», - решила Галя, поняв, что от деда теперь не отвяжешься.

- Погляди, какие сокровища у меня здесь, - старик развязал мешок и достал оттуда потускневшее от времени зеркало в облезлой раме. – Загляни-ка в него! – велел он.

«С сумасшедшими лучше не спорить», - со страхом подумала Галя. Придушит тут, засунет в мешок, и не видать ей больше Игоря, как своих ушей.

Она нехотя взглянула на мутное, в радужных разводах стекло, но почему-то своего отражения там не обнаружила. Зато в глубине зеркальной поверхности увидела Игоря. Он сидел за столом рядом с Нелькой и обнимал ее за плечи.

Галя чуть не заплакала от горя.

- А еще гляди-ка, что есть, - сказал дед, доставая из мешка клубок шерстяных ниток. - Это тебе прямо сейчас пригодится. Брось на землю, увидишь, что будет.

- Сами бросайте, - зло сказала Галя. Еще чего - всякую гадость в руки брать.

- Мне-то зачем? - удивился дед. - Это тебе нужно время назад отмотать...

Из открытой форточки соседнего дома вдруг послышался бой курантов. В небо взвилось несколько разноцветных ракет, с балкона верхнего этажа кто-то крикнул «Ура»...

Дед ойкнул и уронил мешок на снег. Галя тоже удивилась, посмотрела на циферблат - еще только без четверти. Поднесла часы к уху. Так и есть - остановились. Вот тебе и Новый год. Говорят, как встретишь, так и проведешь...

Да еще этот дед сумасшедший привязался.

Где он, кстати? Уже ушел? Когда успел? И почему-то на снегу никаких следов. Странно... Мешок возле урны валяется.

Галя брезгливо приподняла его за край, часть содержимого высыпалась на снег. Хлама-то сколько! Старик, небось, все помойки в округе обшарил.

Потрепанная шапка-ушанка из непонятого меха, валенки с фигурно подшитыми задниками, полотенце с затейливым орнаментом, ветхая скатерть, гребешок с редкими зубьями, огромный ржавый ключ, шкатулочки, флакончики... Дальше не стала рассматривать.

Чудесный новогодний подарочек, ничего не скажешь.

Собрала все барахло и засунула в урну, слегка утрамбовав. На снегу осталась какая-то палочка, испещренная непонятными не то узорами, не то письменами. Галя подняла ее, рассеянно покрутила в руке.

«Если бы сейчас появилось такси, я бы все равно поехала, - подумала она. - Лучше поздно, чем никогда...»

Раздался негромкий треск. Гале вдруг показалось, что палочка стала горячее. Она, размахнувшись, зашвырнула ее подальше в сугроб.

- Девушка, куда едем? - вдруг услышала она

Оглянулась - на остановке стояло такси. Дверца гостеприимно распахнута, шофер приветливо кивнул, приглашая садиться.

«Откуда здесь взялось такси? - удивилась Галя. - Почему я не слышала, как оно подъехало?..»

КОЛОКОЛЬЧИК

Когда Люсе Петровой было шесть лет, ей один раз не досталось подарка на новогоднем утреннике в детском саду.

Она и стишок рассказала почти без запинки, и про зимушку-зиму спела очень хорошо, и хороводы вместе со всеми детьми вокруг елочки водила, и корона у нее была с серебряными звездами, и платье из накрахмаленной марли с блестками, и разноцветные бусы в два ряда, а подарка Дед Мороз ей не дал, потому что одного кулька с конфетами не хватило. Может, с самого начала неправильно посчитали. А может, кто-то из ребят лишний подарок получил. Неизвестно. Короче, Люся осталась без подарка.

Все ужасно расстроились: и воспитательницы - Мария Сергеевна с Анной Прохоровной, и родители, которые пришли на своих детей полюбоваться, и сам Дед Мороз.

Люси́на мама начала возмущаться – какое безобразие, мы тоже деньги сдавали, почему подарка нет...

Люся́ изо всех сил старалась не заплакать.

Дети крепко прижимали свои кульки к животам и смотрели испуганными глазами.

- Подождите! – вдруг воскликнул Дед Мороз. – Кажется, в моем волшебном мешке еще что-то есть... - Все с надеждой уставились на него. Дед Мороз сунул руку в мешок и вытащил оттуда маленький хрустальный колокольчик. – Вот! – радостно сказал он. – Самый лучший подарок на свете! Это волшебный колокольчик, с помощью которого можно любой день превратить в праздничный. Эх, сам я без него как без рук, но что поделаешь... Дарю! – он протянул колокольчик Люсе. Та не могла отвести глаз от чудесного подарка. – Закрой глаза и позвони в него, – сказал Дед Мороз, – и ты увидишь, как...

Но тут мама резко дернула назад потянувшуюся было к колокольчику Люсю́ и с досадой сказала:

- Ах, оставьте вы эти глупости и не морочьте нам голову. Все дети будут с подарками а моя дочь с колокольчиком, как шут гороховый.

Дед Мороз растерянно заморгал глазами.

- Ты все равно ненастоящий! – мстительно сказала ему Люся. – У тебя борода приклеенная...

- Дети! – нашлась одна из родительниц. – А давайте каждый из вас даст по две конфетки Люсе Петровой, и у нее тоже будет подарок!

- Мы в подачках не нуждаемся! – гордо сказала Люси́на мама. – Мы пока что не нищие. И денег сдавали столько же, сколько все остальные.

- Возьмите Танин подарок, – предложила другая родительница. – Танечке не жалко! Правда, доченька?

Таня послушно кивнула головой, хотя нижняя губка предательски дрогнула, а рука с подарком сама собой спряталась за спину.

- Нам чужого не надо! – обиделась Люси́на мама.

- Ну что же теперь делать? – виновато сказали воспитательницы. – Извините, что так получилось. Мы, конечно, деньги вернем...

Люся заплакала.

- Не реви, – сердито сказала мама. – Сейчас пойдем в магазин, и я сама куплю тебе подарок. В сто раз лучше!

- Я не хочу лучше! – громко рыдала Люся. – Я хочу как у всех!

Мама взяла ее за руку и выволокла из праздничного зала.

- В следующий раз не будешь зевать, – сказала она.

Потом они пошли в магазин, и мама купила Люсе шоколадных конфет и большую куклу, которая с деревянным стуком открывала и закрывала глаза.

Но шоколадные конфеты Люся не любила, ей больше нравились молочные ириски и кисленькие сосучки, а у куклы очень скоро отклеились волосы и ресницы, и вид у нее после этого стал такой недобрый, что Люся даже боялась смотреть на нее.

- Невезучая у нас Люська, – жаловалась мама вечером папе и бабушке. – Двадцать пять детей в группе, а подарка не хватило именно ей. Да еще хотели вместо подарка всучить какой-то дешевый стеклянный колокольчик. Представляете, какая наглость?..

Да, Люся действительно оказалась на редкость невезучим человеком, что и подтверждалось впоследствии неоднократно в самых разных ситуаци-

ях. Вечно ей чего-то не доставалось. А если доставалось, то такая дрянь, что лучше бы и вообще не надо. На коллективных фотографиях она выходила хуже всех – то загородят ее наполовину, то рожки приставят, а если дефект при печати образуется, то именно на месте ее лица. В очередь встанет – перед носом все кончится. В отпуск пойдет – погода испортится.

Да что там говорить...

Люся даже не очень-то и расстраивалась из-за всех этих своих неприятностей. Что толку расстраиваться? Она вообще не ждала от жизни ничего хорошего. Поэтому в случае очередной неудачи всегда говорила – так я и знала.

Наверное, по настоящему она огорчилась только один раз в жизни – это когда на новогоднем утреннике в детском саду ей подарка не хватило, и фальшивый Дед Мороз вместо подарка попытался всучить ей стеклянный колокольчик. Она часто вспоминала тот случай, и каждый раз ей хотелось плакать от обиды и злости.

Но иногда в ее голову закрадывались очень странные мысли.

А вдруг Дед Мороз все-таки был настоящий? А вдруг колокольчик, который он хотел ей подарить, и в самом деле был волшебный? Может быть, возьми она тогда этот колокольчик, жизнь ее и впрямь превратилась бы в праздник?

Но Люся гнала такие мысли прочь. Ведь всем известно, что чудес не бывает...

Дон ЖУАН

- Он уже здесь, - сообщил дон Педро. - Прибыл инкогнито из Барселоны.
- Он? – ахнула донья Эмма.
- Уже! – слабым голосом произнесла донья Изабелла.
- Здесь... - прошептала донья Мария.
- Не может быть! - воскликнули все три доньи, зажмурившись.
- Чрезвычайно опасный человек, - продолжал дон Педро. - Ни одна женщина не может устоять перед ним.
- Неужели ни одна? – вздрогнула донья Эмма.
- Увы, - сокрушенно развел руками дон Педро. - Только в Барселоне он соблазнил двадцать шесть замужних дам и одиннадцать невинных девушек.
- Какой кошмар! – закатили глаза все три доньи. - Невероятно! Но где же он? Где? Покажите нам его скорее!
- Вон видите – в третьем ряду, крайний слева. Только будьте осторожнее, постарайтесь не привлечь его внимания, иначе вы пропали!
- Как? Неужели это он? – разочарованно приподняла брови донья Эмма.
- Вон тот носатый коротышка?
- Такой толстенький и нелепо одетый? – удивилась донья Мария.
- С маленькими пороссячьими глазками? – поморщилась донья Изабелла.
- Фи! – сказали все три доньи. - Очевидно, дамы Барселоны не отличаются изысканным вкусом.

«Что-то в нем все-таки есть...» - подумала донья Мария, столкнувшись с дон Жуаном при выходе из театра. Она посмотрела ему прямо в глаза и заманчиво улыбнулась.

«Он горяч, это чувствуется даже сквозь одежду», - подумала донья Изабелла, на секунду коснувшись грудью плеча дон Жуана, когда случайно оказалась рядом с ним в толпе.

«Какие у него нежные руки!» - с замиранием сердца подумала донья Эмма, незаметно передавая дон Жуану записку.

Попрощавшись друг с другом, все три доньи сели в свои экипажи и разъехались по домам...

«Вот и верь после этого людям!» - пожала плечами донья Эмма, когда в полночь дон Жуан крадучись выходил из ее спальни.

«Речь его груба, а ласки примитивны, как у конюха», - разочарованно вздохнула донья Изабелла два часа спустя, когда дон Жуан выпрыгивал с балкона ее виллы.

«Не понимаю, как ему удалось покорить стольких женщин?» - долго еще недоумевала донья Мария, после того как под утро дон Жуан, воспользовавшись черным ходом, покинул ее дворец.

«Самое главное в жизни – иметь хорошую репутацию», - лениво думал дон Жуан, покидая город в закрытой карете...

Екатерина ТКАЧЁВА

Миниатюры

★ ★ ★

Он не любит ездить на море: боится затеряться среди миллиарда песчинок, ему нужно постоянно нащупывать собственное «я». Если он встречает человека интереснее и самобытнее, чем он сам, то начинает ненавидеть его всей душой: боится, что тот затмит его своим сиянием и превратит в одну из песчинок на пляже.

★ ★ ★

Мой муж – это тигр, загрызающий дрессировщика перед главным цирковым представлением. Обычно таких тигров, как он, пристреливают. Мужу до меня еще ни разу не попадался дрессировщик, который бы не боялся смотреть в его глаза убийцы. Я же вижу в его глазах себя, и лишь это удерживает меня от последнего выстрела.

★ ★ ★

Мы шли с любимым по лесу. Неожиданно для себя я «покинула» его и унеслась мыслями к вершинам духа. Я знаю о нем то, что скрыто от посторонних. Я знаю, что полгода назад он придушил своего родственника, но ввиду старости последнего смерть назвали естественной. Суда не было. Я знаю это, но никогда не уйду от него, потому что никого не смогу любить так же. Нужно найти в себе силы жить с его тайным прошлым.

Очнувшись от мыслей, я не нашла рядом любимого. Покружив по лесу, я увидела его повесившимся на строгой стройной осине. Солнце образовало палящий нимб над его головой, лицо казалось просветленным. Таким умиротворенным я его не видела никогда. В звенящем от морского бриза воздухе я уловила строки: «Я так хотел быть рядом с тобой, но мне не достать до тебя, никогда не достичь тех горних высей, к которым летает твоя душа. Но я хотя бы попытался...»

ДВУХРУБЛЕВАЯ ГАРМОНИЯ

31 декабря мы с женихом шли на вокзал, собираясь ехать к друзьям-приятелям. Вдруг к нам подошел молодой парень неприятной наружности – что-то выдавало в нем будущего уголовника.

«Возвращаются лихие девяностые», – с жутью подумала я.

– Двух рублей не будет? – внезапно спросил он у нас.

– Не будет! – резко ответил мой жених.

Мы подошли к переходу и, в ожидании зеленого, остановились. Парень

молча встал рядом. Мы перешли дорогу, и вдруг в грязном снегу я увидела двухрублевую монетку. Стало не по себе: я поняла, что мы только что нарушили мировую гармонию, я должна была дать парню два рубля – вот они, лежат у ног!

Новогодней ночью мы поссорились с милым и разошлись навсегда. Двух рублей не хватило до свадьбы.

★ ★ ★

В свои 27 лет он хвастался, что не совершил ни одной ошибки, о которой бы жалел всю жизнь. Все его бывшие девушки – как одна! – считали отношения с ним самой большой ошибкой в своей жизни.

★ ★ ★

-Ты кто тут вообще? – сразу кричал на меня муж, скажи я ему хоть одно слово поперек.

В конце-концов я ушла от него. Через год позвонила и спросила интереса ради:

- А ты теперь – кто?

- Теперь я – это ты, – ответил бывший муж.

★ ★ ★

Все его бывшие девушки заискивали перед ним, преданно заглядывая в глаза – надеялись он обладает неким сакральным знанием. Он бросал их всех одну за другой: они казались ему неинтересными. И только со мной этот мужчина остался надолго: я сразу поняла, что он пуст внутри, но молчала о своей догадке при посторонних.

★ ★ ★

На весьма спорный тезис о том, что не бывает женщин-писателей, всегда отвечаю, что любой писатель – это женщина.

★ ★ ★

Чем старше становится человек, тем короче прокрустово ложе, уготованное ему обществом и потому в любом доме, включая собственный, я сплю на полу.

★ ★ ★

Смирение – это особый вид упрямства: я знаю, что все будет по-моему, нужно только подождать.

★ ★ ★

В графе «Ваша профессия» она писала: «Роковая женщина».

★ ★ ★

Люди, утверждающие, что никогда не были детьми, остаются таковыми до самой старости.

★ ★ ★

Чем значительнее пустота внутри человека, тем громче он убеждает мир в своем величии.

★ ★ ★

После того, как сына избили на улице, я отдала его в воскресную школу

и секцию самбо – для того, чтобы он научился прощать, но вместе с тем понял, что у него всего две щеки.

★ ★ ★

Замужество – это нечто вроде пожизненного заключения. Но, как и уголовники, жены могут надеяться на условно-досрочное освобождение – за хорошее поведение, на амнистию – по поводу Дня Великой Победы либо, а тои и вовсе на помилование и отмену наказания. Тогда, например, когда муж находит другую виновную и говорит жене: «Все, свободна!»

★ ★ ★

На извечный вопрос о том, существует ли дружба между мужчиной и женщиной, я отвечаю утвердительно. Существует, только очень короткая – до первого секса.

★ ★ ★

Размышляя о возможности дружбы между мужчиной и женщиной, я позвонила своему давнему приятелю. Мы взяли кровавого вина и пошли в лес. Весенняя земля, желая родить, была теплой и влажной; она ждала того, кто бы засеял ее.

Мы долго ходили вокруг да около, выпили на двоих бутылку горького сомнения и вернулись в город. По дороге зашли в уже закрывающийся магазин. На хлебных полках остался один батон с названием «Любимый». Подойдя к кассе, я достала из сумочки 20 рублей.

- Давай, я заплачу, - остановил меня приятель. – Я хочу заплатить за любимого.

★ ★ ★

Оба слабовидящие, в юности они как заметили друг друга, так никогда более не расставались. Бог специально убрал из их глаз лишнюю резкость, чтобы никакой третий не помешал их счастью.

★ ★ ★

Девушка на остановке смотрит вдаль хищным властным взглядом ягуара. Прежде, чем прикурить, она вынимает фильтр из сигареты. Непростой, должно быть, у нее характер: по несколько раз в день без боксерских перчаток отражать удары никотиновых атак. Определенно, в личной жизни ее ждет отнюдь не легкая комедия – психодрама. Впрочем, каждой из нас придется играть в этом жанре, даже если пытаться обмануть судьбу и курить сигареты «Гламур».

★ ★ ★

У этой девушки хорошо получается занимать чужие места и прочно удерживать завоеванные позиции. Планида у нее такая: сначала поселилась в квартире бывшего мужа, выгнав его на съемную хату, потом энергично заняла ставку менее решительной женщины на работе. Но ей все мало; вернее, для настоящего счастья этой девушке хотелось бы снова выйти замуж и родить второго ребенка. А вот с этим ей не везет: для достижения этой цели нужно сдать без боя все прежние позиции. Она не согласна.

БОЯЗНЬ ВЫСОТЫ

Она снова явилась пред мои очи – свежая, веселая, недоступная. Сказала взволнованно:

- Я только что из леса. И вообще, где я только сегодня не была! Облазала чужие огороды, моя сумка полна яблок.

- Дай, пожалуйста, одно, - сильно смущаясь, попросил я. Мне важно было получить от нее хоть что-нибудь.

Она протянула мне маленькое крепкое яблочко. Чтобы скрыть свою неловкость, я пошел к крану и долго омывал чужой грех. Пробовать не стал - побоялся. Оставил возможность падения на потом.

ДАУНШИФТИНГ

Как-то встретила на улице своего приятеля и первым задала тот дурацкий вопрос, который задают все жители нашего города друг другу:

- Привет! Ну, где ты сейчас?

Как будто бы название места работы может полностью раскрыть сущность человека.

- Я цветы сажаю в парке - за пять тысяч рублей в месяц, - спокойно ответил приятель.

- Что?! - закричала я. - У тебя два высших образования! Ты бы мог даже руководить кампанией! Я уж молчу о должности начальника отдела! А ты?

- Зачем? - невозмутимо продолжал он. - Зачем все это, если можно просто сажать цветы в парке?

★ ★ ★

Один мужчина целых четыре раза был женат и все из-за того, что в детстве его не научили варить кашу. Освой он с малолетства кухонные азы, и ни одной бы жены ему не понадобилось! Ни одну женщину не стоило бы тревожить по таким пустякам.

★ ★ ★

- Голосовать пойдешь?

- Конечно!

- За кого?

- Понимаешь, я голосую только на дороге, и мой голос всегда что-то значит. Поднимаю руку, торможу «мотор» и еду к морю. Я в состоянии изменить жизнь. А что хорошего может лежать в урне, кроме праха усопшего или мусора? Как можно подходить к ней с какой-то надеждой!

★ ★ ★

Пишу, мучая себя и бумагу - придирчиво подбираю слова. Зачеркиваю одни, сверху пишу новые, якобы более яркие, сильные. Но они снова оказываются за колючей проволокой моего недовольства. Кладу на стол белый лист и начинаю новый поиск - слова, слова, неверные, нечистые, несправедливые. Вдруг грудь резко опоясывает волна боли, вторая, третья... На бумагу падает капля молока, еще одна... Наконец-то! Вот они, единственно истинные.

Валентин ЧЕРНОУХОВ

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ПОЗВОНОК

ЛУНАТИК

Цветной ковёр манежа удивил Лунатика своими нетронутыми линиями. Внешняя, красной расцветки, рама-окантовка плавно переходила в картину свежей поляны сосновых опилок, размеченной крупными синими, пурпурными, жёлтыми мазками. Манеж готовили для парадной выводки, которую почему-то отменили. Он часто вышагивал по такому разнотравью в поводу у конюха Степана. И теперь Степан был рядом, но одет по рабочему, с другой стороны повод узды держал ещё один конюх. Пошли по кругу. В глазах Лунатика поплыли краски виденные ещё стригунком, в лугах, на выгонах и пригонах. Бледно-вишнёвые сонные головки клевера зоревали в розетках зелёных со светлыми брызгами листьев. Важно качали султанами белые донники. Мягкой волной колыхался дикий овёс. Нагло глазели жёлтыми отметинами одуванчики. Блюдцами влаги голубели васильки. Из сладких воспоминаний на шаге, его вывел опять же старый Степан. Через мягко опускаемый повод, дрожь пальцев и ласковое одобрительное оханье он как бы напоминал ему зачем они здесь.

- Ох, ох, чищц, чищц – Лунатик внутри улыбнулся тому, что Степан больше ободряет себя. Он ждал, услышал, ощутил тонким ободом ноздрей нетерпеливый ход молодой кобылицы за спиной. Сколько их было у него. Американки, француженки и немки, а своих то - не перечесать, но Избоина удивительная и неповторимая. Княжна! Непонятное влажное и густое как колодезная вода слово нравилось ему: «Княжну опять под тебя назначили», - со скрытой гордостью повторял Степан. Серая, в яблоках, при первом взгляде крупной бабьей стати, Избоина преображалась на ходу. Летящая, без сбоя рысь, неутомимая энергия - высунуть голову у финишного столба, не раз заставляли гудеть трибуны ипподромов. Её имя в анналах выдающихся лошадей конезавода. «Моя последняя Княжна, - почему-то подумал Лунатик. В охоте она пахнет по своему - запахом неодолимого влечения молодого тела, смешанным с молочным ароматом будущего потомства. Два раза Лунатик покрывал свою ненаглядную, и дважды она жеребилась мёртворожденными. «Может я стар», - только вчера в деннике, у него, что-то бешено заколотилось внутри, болью отдалось по всему телу. Лишь в глубокой одышке, не сразу, удалось успокоиться. Степан сегодня утром подозрительно буркнул: «Уж не болен ли ты, друг сердешный. Не обманешь деда!» Подвели Избоину. Краем глаза Лунатик увидел стоящих группкой директора конезавода, главного зоотехника и ветврача, конюхов. Революция, гражданская война, геноцид

народа, и новая война, перестройка, беспощадно уничтожали всё живое неповторимое и значимое, а прежде всего, убивали культуру, культуру коневодства многократно. Так важно, чтобы сегодня всё состоялось, как задумали селекционеры. В его венах с Избоиной течёт кровь прародителя – Сметанки. Сгинула до неприличия нарядная и совершеннейшая среди равных орловская верховая порода, поражавшая современников правильностью статей и способностью к манежной езде. Чего стоят и забыты имена её родоначальников – Салтан, Свирепый 1-й, Фаворит 1-й, Франт, Яшма 1-й. Теперь пришёл черёд орловской рысистой.

Лунатик ещё раз обнюхал Избоину от прижатых в ложной скромности ушей, по крупу, до заветного места. «Охоча, охоча Княжна», - озорно подумал он. Безумная кровь жеребца ударила в голову. Лунатик попытался подняться на дыбы, но Избоина отодвинулась в сторону, прижав плотно хвост. Придётся поухаживать ещё. Перебирая влажными губами гриву, он глупо тыкался ими в её дрожащие ноздри. Терпение, как и сознание оставляло его. Лунатик грозно захрапел, утверждая свою власть. Встретился с волнующим огоньком в глазах Избоины, увидел приподнятый хвост, поднялся на задние ноги, навалившись всей своей тяжестью, почувствовал, как она просела и подалась глубоко к нему навстречу. Расцветка манежа слилась в одно расплывчатое пятно, время остановилось, и когда он уже ничего не мог соображать, выплеснул в её дурманящую плоть, наверное, табун, весёлых жеребят. Потом они, как ему казалось, долго стояли рядом. Кто-то громко сказал: «Чего встали, поводи». Когда их разводили по денникам, он еще попытался показать своё неугасимое желание к ней, заглянув в помутнённые истомой глаза Избоины. Предчувствие, что их встреча была последней, раздирало его сердце.

СТЕПАН

Осмотрев ещё раз Лунатика в деннике, Степан неопределенно хмыкнул, вслух сказал: «Ну не молоды мы с тобой, чего тут нового. Ветеринар зайдёт, скажет своё слово. Ночевать не останусь, самого чевой-то мутит. Отосплюсь дома». В девятом поколении конюх, Степан жил один, жена ушла от него в мир иной семь лет назад. Да и когда она была жива, его служба стояла всегда на первом месте. Зачастую он уходил ночевать к Лунатику или жеребьим, на сносях маткам. Дважды подолгу просто жил рядом с денником Избоины и считал, что это он недоглядел чего-то в её неудавшемся материнстве. «Истинный и добрый правитель конский должен иметь трезвость, терпение, веру, любовь не принуждённую к лошади, неженатый, дабы жена с детьми не отвлекала его от должности» - это о конюшом, конюхе. Крепостной его предок, тоже Степан был безбрачным. Рабочий день начинался рано, если он вообще когда то заканчивался. Надо убрать лошадь и убрать за лошадью. Раздать овёс и сено, вовремя и правильно попоить. Почисть денники, устелить новой подстилкой. Вычистить своих ненаглядных до блеска, от ушей - до копыт и хвоста. Помочь в сборе лошади на выезд. Да и в заездке строптивых надо помочь. Ночью чутко слышать и смотреть – в порядке ли лошади, за жеребьими присмотр особый. Строги порядки в конном деле. Потому помыслы, стремления и способности Степан сосредоточил на уходе за лошадьми. Что подсмотрел и взял от природы, что подсказали из дельного опыта, что узнал от хозяина – графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского. Не в пример, зачастую, мало учёной знати, Орлов следил за теорией

коннозаводства и выписывал все выходившие в свет, как русские, так и зарубежные издания. Восемнадцатый век. По тем временам граф в совершенстве знал лошадь и верховую езду. «По тем временам» – это значит, что в настоящем, так не знает лошадь никто.

Степан, не спеша подвигался к своей одинокой квартире. «Сколько я знаю и умею, чего только не передали мне в наследство дед и прадед, а ничего сделать не могу. Лунатик несомненно болен, и никакой ветеринар не поможет. Сердце ипподромного бойца сбивает перестуком клапанов и шумным движением густеющей крови. Бесконечное, скучное стояние в деннике тоже не лучший способ поддерживать форму. Дождётся ли, когда ожеречится Избоина? Уйдёт Лунатик. У меня ведь тоже сердечко даёт проскачку. Что будет, что будет?». Не найти ответа.

ИЗБОИНА

Пока срок жеребки не подходил, конюх ночью не дежурил. В полночь Избоина почувствовала, что драгоценное и живое в её чреве стремится ненужным комом наружу. Она тревожно заржала, тяжело перебирая передними ногами, обнюхала раздутые бока, мучительным усилием удерживая внутри зачатое вместе с Лунатиком. Долго ходила кругами по деннику. Её шерсть покрылась крупным потом. Наконец луч солнца разбился о решётку денника. Лязгнула щеколда запора, послышались неторопливые шаги человека. Силы покинули её, она вяло осела на передок и повалилась боком. Конюх, открыв денник, только и сказал: «Да, что же это, мать твою...», – и убежал, оставив дверь распахнутой. Когда он вернулся вместе с ветеринаром, Избоина хрипела и косила испуганным влажным глазом на раздраемый болью зад. Ей казалось, что эти муки будут длиться вечно. Приходили и уходили разные люди. Негромко обречённо говорили о чём-то. Наконец боль достигла вершины. Тёплое и скользкое медленно выходило наружу. Стало легко и пусто. Избоина тяжело поднялась, ощупала губами лежащий на подстилке холодеющий комок. Несколько раз длинно лизнула безжизненный плод, подняла голову и не заржала, а закричала густо и обречённо. «Хватит, убери, опять скинула», – жёстко сказал ветеринар конюху. В течение недели она бесцельно тыкалась мордой по углам, ненужно пытаясь пережёвывать овёс. Вымя, налитое прибывшим молоком, распирало и кололо тысячью иголок. Все, казалось, забыли её. Приходил только Степан. Подолгу обнимал за морду, и ей казалось, что он опять считает себя виноватым за случившееся. Тяжело потянулись бесконечные дни. Однажды, Степан вошёл в денник, стараясь не дышать. Скрывая запах алкоголя, буркнул: «Жених твой.... пал..., – помолчал, – я его и на попону, поддержать, подвесил, кашей кормил. Ветеринар импортом дорогим колот. Не помогло. Схоронили стоя в парадной уздечке, перед главными воротами завода». Еще, что-то невнятно промямлил, можно было только разобрать: «... нас бы так хоронили». Тоскливо сверкнув глазами, Избоина почуяла – пришла другая беда. Запахом сивухи отдавало по всему конезаводу, заполняя русской трагической сентиментальностью поставленные на века архитектором Жиллярди строения Хреновского конного завода. Она понимала, конюхи пьют не потому, что нашли повод. В мир вечнозелёных пригонов ушёл не только её суженый, главный производитель завода. Пал не просто жеребец. Вместе с Лунатиком уходит эпоха славного русского конезаводства.

Девятипудовая глыба графа Орлова-Чесменского не только умирjala

и тешила вместе с братьями ненасытную похоть императрицы. Кроме костолома масленичных кулачных боёв - «стенка на стенку» и ведра выпитой по такому случаю водки, всё своё влияние, власть и деньги вложил он в создание породы и своё представление о лошади. Стати ненаглядной, силы недюжей, необузданного нрава и резвости, вместе со способностью к выездке и гордой покорностью властелину - человеку, требовал Орлов от своих Вспыльчивых и Барсов, которым давал не клички, но имена, в уже зрелом возрасте.

И хотя ручеёк этого, некогда мощного, потока течёт и в её рысистой линии, уже горланят «петухи» смены направлений в улучшении породы. На выводке она видела нового фаворита с козлоподобной горбоносой головой – ганновера, американца. Ипподромы грезят резвыми гитами. Сдержанная опрятность чистых линий, нарядный вид и слаженный ход теперь не в моде. Национальное достояние орловцы – ничто перед коммерцией и погоней за резвостью. Дверь жизни может захлопнуться и для неё. В цвете лет Избоина не приносит потомства, путая племенные книги завода, где желанное покрытие жеребцом-производителем расписано на годы вперёд. Может в этом виновато её ипподромное прошлое, потерпеть бы хлыст наездника, да не рваться к финишному столбу. Гордость орловской крови не позволяла. Спасение только в одном – ещё возможен скучный частный извоз. С трепетом она стала прислушиваться к шагам за дверью денника.

ТЁПЛЫЙ

Томная сладость тяжёлой тёплой ладони медленно прошла от холки по крупу, мягко похлопывая затем по дрожащему задку. «Оставь в этом деннике, с директором я договорился. Зачем, зачем? У тебя же «Волга»! Негодяи! Какую барыню запугали своими мерзкими мыслями. Стёпа, будешь теперь у меня кучером, во как, - подмигнул он, - душно здесь, запрягай, в поле хочу». Виктор Михайлович Шестаков, заслуженный агроном. Ему под восемьдесят, таких в России единицы. Полевод до-революционной выучки, был всегда в передовиках по банальной причине, он никогда не выполнял указаний сверху. Сам творил в поле, что хотел, обласкивая по-особому, как единственного ребёнка каждый клочок воронежского чернозёма. Самой плодородной почвы на земле. В отчётах же показывал цифры и графики согласно требованиям руководства. Поэтому ретивых инструкторов райкома и обкома в успешном хозяйстве не наблюдалось. Первых же секретарей, грозных всезнающих ведомств, принимал обычно директор. Водка, охота, тройка, опустошающие, как июльский суховей, разбитные бабёнки, спорящая в изысканности действия и красок праздничная выводка лошадей на цветном ковре манежа, закрывали все вопросы по поводу самостоятельности главного агронома.

Избоина так и прозвала его - Тёплый. Теперь с начала весенней посевной до самой зяблевой пахоты он пересаживался со служебной «Волги» на длинную, мягко обрессореную, линейку, которую она легко несла за собой. К первой ласке его нелёгкой руки от холки по крупу, нежным хлопкам по задку, добавились щедрые ломти хлеба и дурманящее густое мычание, когда он тыкался своим мясистым носом в её влажные бархатистые ноздри. И сегодня Тёплый был особенно нежен с ней. Он долго, до последней крошки в глубоком кармане, кормил хлебом. Потом грузно опустил на сиденье линейки. Пальцы Степана мягко коснулись колец вожжей. Избоина тронулась. Она понимала, не ездят они ни на какие

поля. Всё то, что там растёт, как цветёт и сколько родит, Тёплый знал наперёд. Движение жизни их троих, незлые перепалки и рассуждения в просторах полей и пригонов, с пасущимися табунками её младших родственников, их единственная цель.

Ход. Какой ход! Эти слова много раз усаждали её уши во времена ипподромной молодости. Когда-то она слышала, что бег иноходца - естественный аллюр, а рысь искусственно закреплена в лошади человеком. Но, что может быть прекрасней слаженной гармонии рыси.

- Пусти, - молвил Тёплый.

- Пошла-а-а, - выдохнул Степан, дрогнув пальцами в кольцах.

Избоина распласталась над пылью дороги, её нагое тело идеальной машины природы, казалось, миг освободилось и от сбруи, и от экипажа. Ромашки вдоль обочины дороги слились в смазанное бело-жёлтое полотно. Ноздри мощным потоком тянули воздух в ликующие лёгкие. Остановилось всё вокруг: автомобили, буквально миг назад обгонявшие их, люди, спешащие мимо. Она не чувствовала скорости невесомым телом в неудержимой энергии движения. Копыта едва успевали обозначать касание земли в упоительной музыке полёта ног.

- Ну-у-у, придержи, ей только нести, смотри будто бы и не дышит, стерва. На ипподром её, нечего овёс задарма проедать, - Тёплый, с хитрецей улыбался, глядя на Степана, - а что, Стёп, правда твой прародитель по велению графа много лошадок у турка купил, да знаменитого Сметанку пешком в Россию привёл, через год по случайности убил, потому и себя порешил.

- Недалёк, Михайлыч, хоть старше меня на десять лет, да ещё и царской выучки. Граф Орлов после Чесменского боя у себя в каюте лавки грел толстым местом родственников турецкого паши. Потому за лошадей, которые ему там понравились, он не платил ни копейки. Перевёз их морем Чёрным. Сметанка же Турции никогда и не видел, хотя был чистых арабских кровей. В своей сказочной породности имел девятнадцатый грудной позвонок в придачу к восемнадцати положенным. Везли его из Аравии через Египет в султанские конюшни. Стоял он в Греции. Пришлось его сиятельству послать туда целую делегацию, чтоб отыскать, где хоронят. Доложили, что такого ещё не видано. Торговался сам граф. Тут уж пришлось и пригрозить продолжением войны, чтоб продали, и раскошелиться. Шестьдесят тысяч золотом, сумма необъятная по тем временам никаким исчислением. Сметанку и вёл в поводу полторы тысячи вёрст через Македонию, Австрию, Венгрию и Польшу старший конюший Степан - мой прародитель. По нашему семейному преданию прожил он долгую жизнь, потому и я есть перед тобой. Пал Сметанный своей смертью, не выдержал нашего климату, да так ли это важно, две породы из-под него вышло. Великие живут мало, они там наверху нужнее.

- Да выпала удача твоему сиятельству две породы, это не каждому так потрафит.

- И тебе всегда козырь приходил по жизни, у всех нет, к примеру, урожая, а у тебя нос в табаке.

- Какой козырь! - вскинулся Шестаков, - счастливые карты я своим горбом рисую, и в отпуск летом никогда не хаживал, рожа чёрная, из поля, да в поле.

- Во, во! А графу, как ты говоришь моему, все с неба само сыпалось. Его сиятельство граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский обладал гениальными способностями селекционера, поразительным умением подбирать кадры и организовать конное дело, и это при крепостной системе. Раба невозможно заставить хорошо работать. А всего этого он достиг непрестан-

ными трудами и постоянным учением. Другой граф, Шереметьев, обладал не меньшими деньгами, да и конский материал имел побогаче. Но за сорок лет коннозаводства породу так и не вывел. Расскажи лучше, что там у вас наверху творится. Говорят землю и лошадей распродают, завод тоже, чуть ли не под казино переоборудуют.

Шестаков шумно вздохнул, приложив ладонь к левой стороне груди:

- Надо тебе это, Стёпа, сто лет собираешься жить? Наш век кончился. Агрономическая наука и агрономы не нужны. Продукты проще купить за границей. Ни сеять, ни пахать. Купил за копейку пищевые отбросы в блестящей упаковке, продал как элитный продукт, получил навар пятьсот процентов. Чего не жить! Народишко сельский вымирает. Значит меньше затрат на образование и здравоохранение, которые и так довели до абсурда. А земля, что земля? Вчера со мной беседовал директор. Увольняют меня, Степан. Говорят землю продали давно, вот владелец и решит, что с ней делать. Завод вместе с поголовьем будут акционировать. Там тоже акционеры позаседают: лошади или казино. Или, извини, говно – разобрать этого Жилиярди на кирпичи и построить космический туалет. Иностранцы за валюту оправляться поедут, место то знаменитое. На стенах портреты Сметанного повешают. Давай лучше о хорошем поговорим. Как твой младшой, Никита, чай к докторской подвигается, сопливый да ранний.

Избоина встала, не чувствуя никаких команд. Шестаков сошел, выбрав некосимую местину, лег не спину, раскинув в траве руки крестом.

- Ты чего, Михалыч?

- Ничего. Схорони ты меня здесь. Да рассказывай, я слушаю.

- С Никиткой ещё веселей, - вздохнул Степан, - приезжал неделю назад.

Говорит:

- Отбываю через год в Австралию. Жить в стране, где правят фарисеи, воры и бандиты не хочу. На площадь не пойду. Спецназа не боюсь, но жить хочу. Батя, школа, пять лет института, аспирантура, опыт поколений нашего семейного древа – это сейчас никому не нужно. Содержать лошадей стало не рентабельно. Что, значит, убыточны деревянные постройки в Кижях, или «Повесть временных лет» и новгородские берестяные грамоты. О какой доходности можно говорить, когда дело касается национальных достояний. Ведь порода лошадей, не марка автомобиля, её не выведешь, посадив за компьютеры самых способных селекционеров. Две орловские породы – верховая и рысистая признаны вершиной коннозаводства во всём мире. Верховой уже нет, плачь – не плачь. Но рысаки-то ещё остались. Да они не резвы, как, к примеру, ганноверы. Здесь и надо покумекать нашим селекционерам, не поступаясь главными качествами орловцев. Не хотят златодержащие вкладывать в разведение лошадей деньги. Престижней купить английский футбольный клуб. Но доходы свои они приобрели, и продолжают это делать, на эксплуатации общественной собственности, при отсутствии законов и наличии преступных схем. По существу, просто грабительно. Значит государство должно их, мягко говоря, стимулировать, чтобы их капиталы работали в России. К тому же никто ещё не доказал, что лошадь не может конкурировать с малой механизацией, например, в сельском хозяйстве. А страна то у нас – аграрная, сей постулат старательно прячут за разными бредовыми деньготмывочными программами. Я не говорю об острой потребности коня для спорта, в туризме и отдыхе, лечении заболеваний позвоночника. Кумыс – напиток мужчин и один из главных докторов-туберкулёзников. Конечно, в Австралии тоже властвует капитал и порулить не пустят. Но, по крайней мере, правила дорожного движения для всех одинаковы, а налоги в зависимости от дохода разные. К примеру,

когда у нас миллионщики платят тринадцать процентов, там около шестидесяти. В нашей Государственной думе заседают двенадцать миллиардеров, кроме своих личных дел, когда им заниматься ещё и какими-то лошадьми. Батя, скоро в России из молодых останутся только не способные, да ленивые и больные.

- Мудро мыслит! - Вздыхнул Шестаков, - А ты всё про лошадок и землю. Фарисеи, по твоему разумению, кто?

- Я так понимаю, Михалыч, это такие люди, а может и не человеки вообще, которые говорят одно, а делают против ходу. В народе говорят: «Им ссы в глаза, всё - божья роса».

Шестаков, не дослушав, как-то неестественно, боком встал. Подсел спиной к спине Степана. Тихо сказал:

- Стёп, трогай, только помаленьку, если - что, в больницу не вези. Не хочу, чтоб вскрывали.

- Ну, мы так не договаривались, - выдавил Степан.

Он пустил Избоину почти шагом. Сидел твёрдо, подпирая спину Шестакова. Когда подъехали к дому, он уже знал - Михалыч мёртв.

ЭПИЛОГ

После похорон Степан не пошёл на поминки. Кое-как доплелся до магазинчика, где торговала его внучатая племянница. Улыбка внучки всегда радовала деда. Он попросил бутылку «Столичной». Лена отпустила, но с условием, что он утром появится, чтоб засвидетельствовать своё здравие. Пустая квартира, как показалось ему, отдавала покойником. Он усмехнулся про себя: «Теперь тебе только с косами и будут привидеться». Пододвинув к стене высокую этажерку, встал меж ней и стеной. Разлил жидкость в два стакана с ободком. «Эх, Михалыч, пусть земля тебе будет пухом», - похрумкал безвкусно огурцом. В голове поплыло. Он прочнее устроился локтями на верхней полке этажерки. Беспокойно подкатила дрема. На сцене, в ряду выпускников школы наездников стоял его последыш - Никитка. Он чеканил слова, читая стихотворение:

*... «Милый, милый, смешной дуралей
Ну куда он, куда он гонится.
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница.
Неужель он не знает, что в полях бессияных
Той поры не вернёт его бег,
Когда пару красивых степных россиянок
Отдавал за коня печенег»...*

И сцена, и Никитка потонули в ковыле Солотного пригона. Струясь туманом, появился Сметанка. Высокий для араба, с изысканно серой, тонкой, отливающей серебром шерстью. Он нетерпеливо переступал стройными ногами. Упруго отделяя хвост, сгибал лебединую шею с аккуратной точёной головкой, выпукло проблёскивая карим глазом.

- Живой, каналья, истинно живой Сметанный, - бредил Степан.

- Чего вам печалиться. У тебя, Степан, у Михалыча, Лунатика и Избоины по девятнадцать позвонков.* У всех, кто любил Россию больше живота своего, можно сказать, было такое отличие. Только имя своё звучное они получали после смерти.

---

* У человека двенадцать грудных позвонков, у лошади восемнадцать.

Сметанка постепенно растворился в ватной мгле. Неразборчиво звучали, чьи-то фамилии и имена. И упала ночь.

Избоина после последней езды с нетерпением две недели ждала Степана. Наконец уверилась, произошло, что-то непоправимое. Утром молодой конюх, зная её покладистый нрав, незадачливо оставил денник открытым. Избоина вышла. Он попытался преградить дорогу. Подхватив, Избоина понесла по проходу. Оглобля, неизвестно зачем оказавшейся здесь качалки, в мгновение пронзила грудь. Не успев даже вскрикнуть, она осела на все четыре ноги.

Две древние старушки делились последними новостями:

- Степан-то, стоя помер, а Избоина его..., туда же дружок Михалыч... Лунатик тоже стоя. Напасть, да и только.

Вечерело. Настанет ли утро...

Юрий АНИКИН

ЛЕБЕДИ С КУРАНОВСКОГО ДОМА

Памяти Юрия КУРАНОВА (к 80-летию)

Светлогорск зимою неприветлив,
Редкие прохожие спешат.
С Балтики простуженные ветры
Налетают, холодом дыша.

В этот город, мало мне знакомый,
Не гулять приехал, не гостить:
Лебедей с Курановского дома
Я сюда приехал навестить.

Барельеф пронзительный и тяжкий,
Лепестки цветов легли на снег.
Здесь, в стенах простой пятиэтажки
Жил души великой – Человек.

Люди – не титаны и не боги,
Но приходят в мир, чтоб созидать:
Города, тоннели и дороги,
И горшки, конечно, обжигать.

Каждому своё предназначенье,
Каждому своей судьбы печать.
Что писатель – совесть поколенья, –
Можно так, наверное, сказать.

Верю я ему как гражданину,
В строчках и свою боль узнаю.
Никогда на сытую чужбину
Не менял он родину свою.

Не стоял у царственного трона,
Лёгких не искал себе хлебов.
Следуя божественным законам,
Людям отдавал свою любовь.

Человек не вечен – аксиома!
А за гранью – есть ли жизнь другая?
Лебеди с Курановского дома
К вечности летят, не улетаая...

АЛЫЧА

То ль с Кавказа, то ли из Азии? –
К нам в Прибалтику невзначай,
Забрела ты когда-то с оказией,
Дочь восточная – алыча.

Не с того ль, за тобой примечают,
В платье белом своём, алыча,
Раньше многих в янтарном крае
Ты выходишь весну встречать?

Я не знаю твоей истории, –
Ведь в ботанике я не ах! –
Но по югу Балтийского моря
Ты давно поселилась в садах.

В поствоенном ташкентском детстве
Пацанами, как стая галчат,
Мы никак не могли наесться
Твоих сладких плодов, алыча...

Пусть давненько я в Азии не был,
Там, где сёстры твои, алыча,
Под Балтийским неярким небом
Я сегодня тебя повстречал.

После зимней тоскливой прохлады,
В платье белом на хрупких плечах,
Ты на улицах Калининграда
Как невеста была – алыча!

И как девушка нрава скромного –
Как начало любых начал –
Ты мне юность мою напомнила
И любовь мою... Алыча!

Вячеслав ХОМИЧ

★ ★ ★

Словно лета и не было вовсе:
Холода, холода, холода...
Я вхожу в постаревшую осень –
Неизменно душа молода.
Может поздно, а может быть – рано
Закружили меня холода,
И любви заржавевшая рана
Кровоточит,
но нету следа.

ФОНТАН

Фонтан то спит, то пенится,
То ветром разнесён.
Вот так мне жизнь осенняя:
То страсти, то – лишь сон.
Во мне мгновенья вертятся,
Меняет осень цвет.
Фонтан то спит, то пенится...
И мне покоя нет.

Геннадий ЮШКО

Последняя навигация

памяти Сэма СИМКИНА,
друга, моряка, поэта.

Ты что, мой друг,
                                молчишь,
будто при спуске флага?
Давай махнём в Париж
иль — на крайняк —
                                в Сант-Яго.

Иль в Пальма де Майорка,
женившись на мулатках,
будем горланить:
«горько!»,
хотя обоим сладко.

Иль в океан отчалим
компАсам не известный,
срастёмся в нём плечами
перед волной отвесной.

И без ранжира строгого,
наперебой
взревём штормам из
Строганова
чтоб дыбился прибой.
И врежем «джигу» флотскую,
чтоб черти голосили,
и ты прочтёшь им Бродского
размашисто
и сильно.

А в штиль   потравим байки,
границащие с похотью,
и «крабы» в твоих «баках»

будут трястись от хохота.
Давай же вновь
смеяться,
или о чём поспорим,
открылась навигация -
стихи уходят
в море.

Маша (Мини-поэма)

Еще не цветок
но уже не бутон
повержен восток
красотой опьянён
от тела и взгляда
пора и на запад

На подиум ножку
заносит Мария
кругом эйфория
как от малярии
париж пьер карден
мужики сражены
их слюни бессовестно
обнажены
а Машины очи
горят как софиты
и грудка открыта
и попка открыта
она знаменита
походка
как вёслами лодка
бедро на излёте
всё тело в работе
а мысли в заботе
куда заведёте

1.

Один
пожилой господин
практически валокордин
пора бы уже
на причастье
но смотрит
на Машины части
что выше
чем ножка
и ниже

чем попа
попалась европа
она на кукане
у будущей Мани
пока же машите
мошнами
рассыпчаты money
как пшенная каша
для Маши
а дома в рязани
есть папа и мама
есть бабка с вязаньем
и телика рама
с рекламой лозаньи
нарезанной прямо
на стенке красуется
дочино фото
ушла на работу

2.

Планета шатается
на поворотах
трясёмся до рвоты
сдыхать неохота
а всё же придётся
кончается солнце
на всех не хватает
однажды растает
мы вышли из леса
летим к геркулесу
трясёмся
с надеждой
спасёмся
актёры

козлы

и повесы

паненки

и паны

святоши

путаны

попы

и памфлеты

срамные куплеты

худые балеты

телеги

наветы

до счастья билеты

и кабриолеты

летим с ускореньем

9,8

всё мнимое мимо
жалею лишь осень
мадамы и сэры
мы выпали

с эры

романтиков милых
живые могилы
безгласые клипы
ослепшие типы
в полёте членимся
на наших

ненаших

а Маша

3.

А Маша уже
рассекла океаны и всюду желанна
меняет мужей
окруженье
бой-френдов
так надо
так брендно
так требует

мода

такая работа
работа ногами
потупив глаза
и ждать содроганья
как дойки

коза

а машины мысли
как замыслы НАТО
чисты и каратны
и толерантны
сегодня успех
оглушительный

завтра

второчены

в мех

её очи

с фасада

а сзади
мотивы Саади
полёты фантазий
такую бы

разин

не кинул

в волну

в извечном вопросе
кому отдавать   голоса
в россии всегда   чудеса
но жизнь   будет краше

5.
но где же ты
Маша
в милане ты   нынче
гуляешь привычно
там люди милы
и давно   симпатичны
там даже руины
отличны   от наших
привет   тебе
   Маша
ты так эпатажна
на глянце   бумажном
журнала   плейбой
где ты   как ковбой
лишь лошадь
и шляпка   с тобой
сидишь   как
   актриса
пособьем   для онаниста

6.
а дома
а дома зима
в рязани она
не малиновый   руж
здесь ветер
в клубочек
закружит   от стуж
сапожки

из фетра
фасоны
для ветра
в россии
зима
в россии
мороз
такой
аж до слёз
но было б
нелепо
расстаться
сейчас
ты родины
слепок
ты вышла
из нас
кудрявой россии
несёшь молоко
в своё далеко
туда
где россии
писалось легко
где жил
рафаэль
леонардо
и данте
и где
календарь
был расчерчен
на даты
где господа меч
был в руках
инквизиции
пускай всё простится
включая
нудистскую
оппозицию
и голенькой
Маши
позицию
7.
простимся
весною
а может быть
летом
неплохо б людьми
сохраниться

при этом
поэты
ведь тоже
живут
нагишом
зато
никогда
с палашом
простимся
Мария
пока ты
не маня
пока
на тебя
обращают
вниманье
пока
не состарилась
ты
как мальвина
простимся
не длинно
ещё
до момента
покуда
перо
не стало
лишь пёрышком
в шляпе
Пьеро.

Рубль

застенчивый и грубый
слезливый и смешной
ходил по людям рубль
и потрясал мощной
он мог купить конфету
а лет за сто до нас
и лошадь и карету
и платье напоказ
мог поступить на службу
и мог проникнуть в тайны
и быть залогом дружбы
вельможи и путаны
нарядные картинки

попутчики судьбы
крещение и поминки
и свечи и гробы
и идиотский хохот
и горести и плач
и торжество подвоха
и кривизну удач
в себя вобрал он прочно
он впитывался в кровь
и проклят был заочно
и возвышался вновь
хоть с виду не уродлив
как барышня с веслом
испортил он народа
великое число
его считали ночью
он доводил до вышки
и рвали его в клочья
и прятали в кубышки
был властелином спора
отцов сынов и внуков
и на топор был скорый
и мастер на все руки
его пытались даже
однажды отменить
нодохлый и бумажный
он продолжает жить
дрожа в социализме
он коммунизм сломал
любые катаклизмы
переживёт хоть мал
а если поднатужится
сомнёт он даже фунт
и доллары откружатся
головкой глядя в грунт
хоть это всё фантазии
но в сказках смысл имеется
ну а пока пусть в Азии
наш рубль разогреется
и может бывшей «катеньке»^{*}
с протёртыми углами
банкирские фанатики
поклонятся как маме

---

^{*} Народное название царских денег с портретом Екатерины II.

и за одну российскую
но твёрдую монету
куплю коня рысистого
и платье и карету! (и понесусь по свету...)

Переходный период

Б.Т.

Мне соловей надрывистым фальцетом
орал, что не влюбился по весне,
и был Союз,

чтобы яснее: это –
снег, падая, немедленно краснел.

За ним чертополох бежал по нивам,
мой друг – он пахарь – но охоч до шлюх,
скупил в аптеке все презервативы,
надул их гелием и приторочил плуг.

И плуг задрался носом в облака.
На сдачу друг купил «норильских» акций,
но бизнес кончился обычной мастурбацией,
и вновь на плуг легла мозольная рука.

Потом опять чертополох бежал,
пел соловей,

забившись в бузину,
и сыпал снег на ржавый клык ножа,
и плуг один

краснел за всю страну.

Стамбульское

Так долго-долго длится день,
так долго солнце не садится,
и обжигающая тень
вцепилась в улицы и лица.

Я в ресторане под платаном
пью кофе,

думаю о вечном;
присела юная путана,
коленки обнажив беспечно.

И я с высоких размышлений
на землю грешную упал,
пополз глазами по коленям
и бёдер ощутил овал...

жара вздыхала, угасая
к Стамбулу приближался вечер,
и от платана тень косая,
и размышления

о вечном.

★ ★ ★

Окна уткнулись в ночь.
— Спи, дорогая, - шепчу.
Щёки почти молочные
к жёсткому жмутся плечу.

Буду дышать беззвучно,
чтобы она не слышала.
Лунный подкрался лучик —
дрожит на устах её

вишенных.

А я всё сжимал дыхание,
пока не взорвались лёгкие
восторженными стихами
сегодняшними

и далёкими...

Катя ПЕТИХИНА

ДЕБЮТ

★ ★ ★

ты никогда не придаешь значения
тому моменту,
когда абсолютно все
без исключения
табу и запреты
уходят из вида,
вылетают со скоростью света
и совесть,
склоняясь пред тобою в поклоне менуэта,
позволяет уйти,
ускользнуть от прямого ответа...
ты ждешь этого момента,
наполняя бокал за бокалом
выпивкой за много нулей.
главное,
чтобы не было мало.
а то полутрезвый рассудок
предательски будет напоминать,
как вчера позвонила мама,
и тебе пришлось
улыбаться ей в трубку сквозь зубы
и мастерски врать:
«все прекрасно-учусь-навещу-в выходные приеду».
учишься...
да ты домой приползаешь к обеду.
быстро в душ,
есть и спать.
ночью снова к очередному клиенту...
вот и сейчас.
ты должен быть в номере
какого-то гребаного отеля
через какой-то гребаный час.
слишком рано.

ты даже не успеешь напиться,
не получится отключиться
от всего этого кошмара.
но ты тратишь последние деньги,
лишь бы жалость к себе замолчала.
пусть на время,
но все же.
ты знаешь,
она тебе не поможет.
будет только мешать.
а ведь и так слишком сложно
раз за разом
унижаться, просить, ублажать
эти наглые рожи,
которые все до банальности
друг на друга похожи
и давно уже слились в один
воспаленный комок твоих нервов -
плод неверных,
но зачем-то единственных
поворотов
на неловком пути
человека без веры
в исцеление порочной души...

и вот он,
утомленный,
лежит
на кровати в дешевом отеле
и уже практически верит
в слетевшие с чьих-то
в оргазме искусанных
губ до крови
признания в вечной и,
к черту,
плевать, что продажной
любви...

Как ты там?
Нелогично. Несмело.
Нетрезво.
Снова, кажется, не усну.
Снова в нервах -
Своих, железных.
И опять же молчу.
Молчу...
Где-то там
Заливаются
Громким, счастливым смехом.
Где-то здесь

Заливаюсь я -
Дурным коньяком.
Я сегодня с ним,
Он сегодня в меня влюблён.
Под чужой телевизор,
Что ловит одни помехи,
Опускаю веки.
И кажется - всё потом.
Не в нашем мире.
Не в нашем убогом веке.

★ ★ ★

Вы выводили рукой новые страны
На пожелтевшей, местами истлевшей карте.
Что же на вас нашло в этом зябком марте?
Будто открылись давно зажившие раны...
Вы будто сошли с картин забытого века -
Краски померкли... Вас просто швырнуло наземь
Время, что ваши виски непреклонно красит
Цветом уставшего за эту зиму снега.
Вам бы смириться – теперь всё предельно просто.
Эта война, отравлявшая жизнь годами,
Ныне забыта, победа осталась за вами,
Вашими смелостью, честью и благородством.
Время ушло... Тридцать лет сражений и званий,
Тридцать таких же безмерно прекрасных вёсен...
Но почему же душа неизменно просит
Снова найти то, что вы, победив, потеряли?
Этим холодным мартом вы вдруг прозрели -
Кажется, можно уйти без приказа «вольно».
Кто говорил, на войне тяжело и больно?
Больно сейчас, когда в жизни не видишь цели.

★ ★ ★

Приходи ко мне, Солнце. Покурим с тобой на балконе.
Мы покурим с тобой на балконе, укутавшись в куртки.
Укутавшись в куртки, забывшись в стакановом звоне
И звоне часов, что отсчитывают наши сутки.
Узнаем друг друга как можно яснее и ближе.
Яснее и ближе так просто уже невозможно...
Здесь можно, нас здесь абсолютно никто не услышит.
Я слышу - под пальцами бегают искры по коже.
По коже, покрытой мурашками, нежностью, ритмами,
Рифмами... Можно сейчас ласкать и записывать,

Списывать в память, записывать буквами, цифрами,
Мыслями, чувствами, чем-то, от нас не зависящим,
Чем-то извне... Мы проводим по простыни пальцами,
Пальцами я провожу по прическе испорченной.
Рядом лежать и стесняться в глаза... Это счастье ли?
Счастье ли завтра для всех снова слыть одиночками?

Завтра - невыпитый чай в керамической кружке.
Солнце проснулась. Крадется смешными шагами.
Все у нас сложится, ты не волнуйся, родная,
Просто сейчас свои чувства оставь на подушке.

Алёна СИПАЧЁВА
(Клайпеда)

ГОРОД, В КОТОРЫЙ ХОЧЕТСЯ ВЕРНУТЬСЯ

Поезд стал замедлять ход. «Уважаемые пассажиры... Москва...» - звучало из динамиков, но что именно говорили, было уже не понять. Москва - снова и снова вертелось в моей голове. Началась суeta. Я уставилась в окно, но ничего не могла разглядеть. Капли дождя растворяли грязь на стекле, и оно становилось мутным.

Москва - сердце России! Москва - красная площадь! Москва - Третьяковская галерея! Москва - понаехали тут... Москва - опасные закоулки... Москва - грязные вокзалы, метро...

Мне сразу не понравилось тут. Как же так? Как я могу такое говорить! Это же Москва! А вот не нравится ваша Москва...- это напыщенность, вычурность, к тому же она бескусна. Одни названия чего тут стоят! В самом центре Москвы бар - «Флегматичная собака», у меня сразу возникает вопрос, чем и кого тут кормят? А сеть закусочных «Ёлки-палки» или «Дрова» тоже не вызывает особого аппетита. Мне бы было обидно покупать очки (а мне их недавно выписали) в оптике «очкарик». Мне не понравились огромные рекламные плакаты- все красного цвета и на один лад. Так же мне не понравилось, когда на фоне пятиглавой церкви, зданий с орнаментом огромная вывеска - интим. Мне не понравились пышный центр и бедные окраины. Москва - это город контрастов, сборище нищих и богатых.

После двух дней проведённых в этой самой Москве мы отправились по Золотому кольцу.

На улице был тёплый майский денёк. В автобусе - душно. На задних сидениях давно храпели. У меня закрывались глаза - монотонная речь гида усыпляла, даже самых бодрых.

Автобус останавливался в маленьких городках, они были разные и такие похожие. За день мы посещали 2-3 города. Каждый гид говорил, что этот городок неповторимый. Фрески на церковных сводах - уникальные. Тут жили князья, останавливался Левитан и прочие... А вы знаете, что... вы и представить себе не могли... вы наверно слышали... я ничего не слышала... я ничего не знала... я и не думала... я понимала лишь одно - они пытаются сравниться с Москвой. Это я слышала в каждом слове. В каждом звуке. Но зачем?

Маленькие города не блещут московской пышностью. У них не так много туристов и приезжих. Их история гораздо беднее, несмотря на то, что по-

падались очень древние города, они не могут связать название со множеством известных людей.... Но в этом и есть их уникальность. Их много, но они одни. Они гордятся и хранят то, что у них есть. Люди в маленьких городах намного добрее. Они никуда не спешат. С ними интересней говорить. Природа маленьких городков не идет ни в какое сравнение с московскими каменными стенами, даже если это стена - произведение искусства.

В них нет вычурности, напыщенности. Разбитые дороги, хаотично разбросанные частные домики сливаются с дикой природой и становятся ещё привлекательней, уютней.

Опять сели в душный автобус, но мне очень не хотелось прощаться с этими маленькими городами. Они напоминали родной Висагинас, только старее, мудрее, опытнее.

Москва. Поезд медленно трогается... пассажиры рассаживаются по своим местам, суета утихает. Капли дождя размыли на стёклах грязь, ничего не видно. Я не хочу здесь больше оставаться. Ведь где-то там меня ждёт мой маленький городок, такой похожий и не похожий на сотни других. И единственный для меня.

И ТЫ ТАКОЙ ЖЕ...

*Осудите меня, рабы божие!
Накажите за все грехи.
Только все на меня вы похожие...
Что ж вы кичитесь, как петухи?*

Холодный осенний день. В воздухе стоял запах мокрого цемента и сладковатой коры. Под ногами равнодушных прохожих хлюпали тёмные лужи, отражающие хмурое небо и раздвигающиеся деревья парка. Мелкий дождь оживил цвета пыльных коричневых листьев на пожухшей траве. Отдалённый шум спешащих машин смешивался с птичьим криком и ровным тяжёлым и глубоким дыханием пожилого человека.

На вид ему было около 70 лет. Старомодно, но опрятно одетый. Натянутая на глаза шляпа не давала хорошенько рассмотреть его лица, но явно в нём шла какая-то внутренняя борьба. Он то сжимал свои тонкие бледные губы, то нервно покусывал их. Сидя на любимой, когда зелёной и уже с облупившейся краской, скамеечке в парке. Он размышлял о милосердии, равнодушии людей.

«О-о! Эти безжалостные прохожие. Одинокие, равнодушные к природе, другим людям... они разбивают своими галошами хрустальное отражение неба, травят сигаретным дымом задыхающихся от долгого паллета птиц, идут мимо... делают вид, что не видят сбитой кошки, вороны на дороге, закрывают детям лаза. Презренно отворачиваются от нуждающихся грязных людей, и подбирают маленьких вшивых собак! Они хвастаются своей мнимой добродетельностью. Сделали на грош, а наговорили на миллион.

Холодно, дождь... Я без зонтика, в одном плаще... бедный, больной и одинокий. Ох!.. Эти прохожие только и делают, что заботятся о себе... Мой сын. Он один из толпы. Мой милый сын, ты спасаешь жизнь этим равнодушным чужим людям, и совсем забыл о своём отце. Уподобившись им, ты читаешь газеты и плачешь по бедным умирающим детям Африки, и не замечаешь протянутой руки своего самого близкого человека!

Наверно это участь всего человечества... Помогать и сочувствовать далёким от себя, но не замечать страдания близких.»

Так пожилой человек размышлял в течение часа, смотря на хмурое небо и скучных безразличных к нему прохожих...

Недалеко от него брёл нищий, по раздевающемуся парку, тем же самым тёмным лужам... Только бедняк был без колош, и шляпы, не похожий на простых прохожих. Он подошел к сидящему на скамье старику, и попросил подвинуться. Старик презрительно посмотрел на бедняка, окинул взглядом пустые лавочки вокруг, поднялся и ушёл прочь...

РАСПЛАТА

Не знакомо мне слово любовь.
Не знакомо и чувство жалости.
Не нахмурится даже кровь,
Если кто-то кричит об усталости.

Не опустится и мой взор
На руку, просящую милости.
А в лице будет лишь укор:
Нищете, болезням и хилости.

Не умею обиды прощать!
Не прощаю я так же слабости.
С меня нечего даже взять:
Ни улыбок, ни смеха, ни радости...

Но наступит однажды день
И сама утону я в горести.
Стулом будет трухлявый пень -
Вот расплата, что не было совести!

ПОЖАР

Безжалостен жёлтый жгучий песок.
Жало ужалило в нежный висок.
Желчь ужаснула жестокость огня.
Жажда живую сожрала меня.

★ ★ ★

(небольшой эксперимент над ритмом и рифмой)

воздушная, точеная,
женственная?
нет, скорей всего перчёная,
присыпанная корицей,
и политая шоколадом
(чёрным, не сладким).
на вкус покажется кому-то гадким,
вкусы у всех разные,
находятся и такого любители.
конечно, они все нестабильные жители.
всё больше какие-то музыканты, художники,

фотографы, а может даже архитекторы
или строители.
сказать по правде, я точно не знаю.
но размера они все нереального,
двухспального
наискосок.
находятся и очень маленькие,
мне по плечо,
кстати, совсем «ничё».
но они тоже какие-то ненормальные,
всё пытаются кому-то доказать,
что и у них девушки могут быть
сексапильные и неформальные.
таких всё больше тянет переспать,
потом поминай как звать.
из постели и сразу в окошко,
«ты ничего, клёвая, но извини, немножко
не моё...»
есть ещё группа МАЧО,
в клубах «под чем-то» скачут.
для них никто ничего не значит...
важно чтобы вызвали такси,
довезли до дома, уложили в кровать
и дали подольше спокойно поспать...
все видели как он садился в такси
не один...
дальше он уже придумает что рассказать,
для подробностей у друзей спроси,
они точно всё уже знают,
можешь и мне рассказать...
я даже согласна не перечить и не отрицать.

Дарья ТОРКУНОВА

★ ★ ★

Отвоёванное сознание, с кровью вырванное у небес,
Я тебя схороню в чистом поле, где простор, где редет лес.
Я тебя опять отвоюю у безликих времён и ночей.
На руках убаюкаю, и укрою от лживых речей.
Мне не нужно замков булатных, я любого сгоню с крыльца.
Я надёжно тебя упрячу, я опасней любого пса.
И в ином несговорчивом споре, я сознание молю: молчи!
Я ведь снова тебя отвоюю и упрячу в немой ночи!
Но бушует шальное сознание безнадёжностью вырванных слов,
Завершая своё созерцание мной искусно воссозданных снов.
Плачет, рвётся, ревет и мечет, мне так больно сдавивши грудь,
Мне смертельно виски сжимая, выбирает тернистый путь.
Отвоёванное сознание, с болью вырванное у небес,
Потеряю тебя в чистом поле, где простор, где редет лес,
Потеряю тебя в лабиринтах необузданных дум моих.
Так, в твоём безуспешном поиске, мой родился безумный стих!

★ ★ ★

Я сегодня хочу быть шумной, сильно пьяной и всем чужой!
В эту страстную жёлтую осень я хочу быть ничьей госпожой.
Буду бить все бокалы в доме и смеяться когда нельзя!
И, быть может, пройдёт прохожий, укоризненно мне грозя!
Я размажу свою помаду, хохоча ему долго вслед,
Притворившись, что в этом мире, как и всех, меня тоже нет...
Кто-то скажет, что я сумасшедшая и что речи мои резки.
И, быть может, сойду с ума я от своей и чужой тоски!
В безразличие своём укроюсь. Мой никто не поймёт мятеж...
Притворись, что меня не знаешь, в круг войдя остальных невежд.
Я хочу быть такой! Настоящей! Отлучиться от благоразумья!
Я его променяла однажды на своё роковое безумье.

Я сегодня хочу быть шумной, сильно пьяной и всем чужой!
В эту страстную жёлтую осень я хочу быть ничьей госпожой.
Проскользну мимо всех, зажимая печаль в горсти,
Со свободой в руке и правдой, я тебя не найду, прости!
Я, смеясь, в этих днях затеряюсь и пройду сквозь десятки лет.
В день, когда ты меня узнаешь, молви имя моё вослед!

★ ★ ★

Посвящается К.К.А....

Стань красочной палитрой будничного дня,
Тропой средь чащ извилистой и длинной.
Стань частью неотъемлемой меня,
В моей душе мелодией старинной.
Стань творчеством, чтоб все мои стихи
Лились бы с уст как золотые струи.
Стань бурей, чтоб знать, как дни тихи,
Когда твои угаснут поцелуи.
Удачей стань, пусть будешь ты - Фортуна.
Стань думами и сердцем всякой мысли,
Чтоб в голове моей так трогательно-юно
Забывшие вопросы вновь повисли.
Стань пулей, что прошла меня навывлет,
Молитвой, что твержу я наизусть.
Стань осенью - дождём раздумий выльет
Она в меня трепещущую грусть.
Ты - правая, я – левая рука.
Мы связаны, так туго, так тепло.
Душа твоя моей душе близка,
Как правое и левое крыло.

К 100-летию К.С. Бадигина

Конечно же, писатель - это судьба. А если говорить о писателе Константине Бадигине, то это - судьба в кубе. Ибо за время, ему отпущенное, им прожито несколько жизней, причем - в прямом смысле героических: мужских, наполненных риском, приключениями, самоотверженностью. И - трудом, вне которого любой талант растворяется в воздухе, оставляя за собой лишь пепел сожаления в нескольких близких людях.

Кто поймёт эту постоянную загадку природы: отчего польский мальчик из ссыльных дворян Теодор Коженевский, родившийся в Бердичеве, детство которого прошло в Вологде и на Украине, в семнадцать лет бросает учебу во Львове и навсегда уезжает из Польши - в Марсель, а затем в Англию, где проходит путь от матроса до капитана, а избороздив моря и океаны, становится классиком английской литературы (и мировой маринистики) Джозефом Конрадом. Почему вдруг тихий мальчик Саша Гриневский из провинциальной Вятки так страстно стремится к морю, а не имея физической возможности уйти в дальние плаванья, живёт и умирает возле любимой стихии, создав романтические «Алые паруса», «Блещающий мир», «Бегущую по волнам» и войдя в литературу таинственным Александром Гринем?.. Вот и Константин Бадигин, родившись в сухопутнейшей Пензе в семье отца-агронома и матери-медички, после многих перипетий и работы на стройке в Москве в 1929 году уезжает во Владивосток, чтобы устроиться матросом на корабль. Ему повезло с первым капитаном на пароходе «Индирикка», который поощрял желание юноши стать штурманом. За рейс юный матрос подготовился самостоятельно и выдержал экзамен сразу на второй курс Владивостокского морского техникума. А затем совершает и вовсе небывалое: четырёхлетнюю программу изучает за полтора года и блестяще экстерном сдаёт выпускные экзамены. На различных судах он штурманом ходит в море от Владивостока до Марселя, Гамбурга и Роттердама. Пока не попал в Архангельск, где навсегда «заболел» севером. И в 1933 году переезжает в Архангельск, где устраивается вновь матросом на лесовоз, и только некоторое время спустя идёт на «Юшаре» третьим помощником капитана. Да, это было жизненным кредо Константина Бадигина - всего добиваться самому, узнавая и познавая новое, испытывая изменившиеся условия на собственном опыте и своими силами. И дальше идти вперёд с новыми знаниями и профессиональной уверенностью.

Настоящий звёздный час пришёл к Бадигину, когда с октября 1937 года три ледокола - «Георгий Седов», «Садко» и «Малыгин» - начали свой вынужденный дрейф на севере моря Лаптевых, а в марте 1938-го на мостике «Седова» заболевшего капитана сменил молодой штурман, бывший до этого старшим помощником на «Садко». На этом ледоколе он участвовал в походе к Земле Франца-Иосифа в научной высокоширотной экспедиции.

В конце лета, в августе, к дрейфующему каравану пробился ледокол «Ер-

мак», которому удалось вывести из ледового плена два ледокола, оставив в океане «Седова» из-за поломки рулевого управления. Ледокол под командованием Константина Бадигина продолжил вынужденный, но оказавшийся очень ценным своими научными изысканиями дрейф и вместе со льдами пересёк весь Центральный Арктический бассейн и был вынесен в Гренландское море. Дрейф продолжался два с половиной года. «Седов» не только повторил всемирно известный дрейф норвежца Фритьофа Нансена на «Фраме», но прошёл ещё ближе к Северному полюсу и пробыл там вдвое дольше. Надо отдать должное русскому капитану, который позже в своей книге отметил: «Книга замечательного норвежца «Во мраке ночи и во льдах» была моим руководителем и советчиком на протяжении всего дрейфа. Недаром Нансен считался у нас шестнадцатым членом экипажа...». Полученные в итоге дрейфа научные данные сыграли немалую роль в развитии арктического мореплавания. Бадигину было присвоено звание Героя Советского Союза, а Москва встречала поларников морем цветов.

Капитан Бадигин, получив несколько месяцев отпуска, начал работать над книгой «На корабле «Георгий Седов» через Ледовитый океан». Позднее в «Детгизе» вышла книга Константина Бадигина «Седовцы», которой зачитывалось не одно поколение ребятшек, а для кого-то она стала путеводителем к морю и Северу.

Несмотря на соблазны и предложения после триумфа по работе и жизни на берегу и в Москве, капитан остаётся на мостике и вновь уходит в море. Во время Отечественной войны Бадигин служит в Архангельске, помогая проводить союзные конвои, был начальником штаба морских арктических операций Главсевморпути, руководил всеми перевозками в Арктическом бассейне. В документальной книге «На морских дорогах» Бадигин удивительно точно и ярко рассказывает не только о знаменитом дрейфе («Тетрадь первая»), но и о тех рядовых моряках-североморцах - не кадровых военных, которые совершали рейсы из Мурманска и Архангельска на Дальний Восток по Северному морскому пути («Тетрадь вторая»). И даже участвовали в настоящих сражениях, как это было с экипажами ледокольных пароходов «Сибиряков» и «Дежнев», столкнувшихся в открытом бою с немецким тяжёлым крейсером «Адмирал Шеер», прорвавшимся до острова Диксон. В конце 1943 года Бадигин командирится на Дальний Восток, где водит теплоход «Клара Цеткин» с грузами в США и обратно.

Ровно тридцать лет пробыл Константин Бадигин на капитанском мостике. И в это время он заканчивает Московский педагогический институт, а затем - аспирантуру при МГУ и в 1953 году защищает диссертацию о северных русских мореходах. Эта тема забрала его полностью и стала основной в литературном творчестве. А чтобы писать о тех мореходах, что первыми прокладывали путь среди льдов на далёкий Грумант (Шпицберген), вели промысел и зимовали порою по несколько лет, нужно было знать не только историю и уметь работать с рукописями и летописями, необходимо было вжиться в сами условия тех далёких веков, в характеры и отношения людей, в их быт и песни. В таланте Константина Бадигина литератор счастливо соединился с географом, этнографом и историком. А честь профессионала и мыслителя не может успокоиться поверхностным любительством.

Так появляются книги, уникальные по самому миру, впервые открываемому в литературе писателем: «Путь на Грумант», «Чужие берега», «Корсары Ивана Грозного», «Кораблекрушение у острова Надежды». И самое интересное, что темы, кажушиеся порой данью читательскому интересу, - вовсе не выдумка беллетриста: и в самом деле датчанин Карстен Роде, перешедший на русскую службу («Московский адмирал») наделал большого шума на Балтике, с соизволения государя промышляя каперством, - забытая страница в истории российского флота, написанная еще до Петра. Знание истории и этнографии помогает автору через судьбы героев показать эпоху и нравы, быт и отношения людей между собой в условиях жёстких, порою трагичных, жизнь в тундре и Сибири, знаменитый «Мангазейский ход» («Кораблекрушение у острова Надежды»). Но ещё ранее

«Корсаров» Бадигин публикует повесть «Кольцо Великого Магистра», посвященную борьбе народов - русского, польского, украинского, литовского - с надвигающимися с запада тевтонами, стремящимися любым способом закрепиться на отвоеванных восточных землях.

И, конечно же, необходимо вспомнить одно из самых известных произведений писателя: роман «Ключи от заколдованного замка». Этим ключом считал вновь заложенную крепость на острове Ситка «лорд Аляски» Александр Андреевич Баранов, известный в истории главный правитель русских поселений. В романе дана панорама исторических событий конца XVIII и начала XIX веков. Средиземноморский поход Ушакова и Альпийский - Суворова, битва при Аустерлице. В Европе идёт война, рушатся империи и создаются новые, перекраивает мир Бонапарт. Но история делается не только (и, добавим, не столько) войной. Главный герой романа, опальный морской лейтенант Курков, по формальной придирке, как это часто бывает на Руси, сослан и едет через всю страну, через глухую тогда Сибирь к Тихому океану, а потом дальше - на Аляску. То была ещё не та Аляска, которую мы знаем по рассказам Джека Лондона: время золотоискателей, авантюристов и искателей форта еще не пришло. Места были глухие и мало приспособленные для жизни. Нужен был ум Баранова, его умение разглядеть сквозь туман, скрывающий будущее, перспективу, чтобы понять необходимость освоения дикого континента и создания Русской Америки. «Образ Баранова - сложный, противоречивый, - большая удача писателя. Читатель обязательно проникнется к нему симпатией, будет с интересом следить за гибкой, стремительной мыслью «лорда Аляски», порождающей поступки смелые и неординарные, но не авантурные, - пишет рецензент. - Баранов, безусловно, был человеком, обогнавшим время... был среди тех, кто умел многое предвидеть. Его благие начинания были погублены бюрократическим аппаратом империи, разбились о стиль её (империи) жизни... И образ Баранова - несомненная удача писателя».

Быть может, о своей приверженности исторической теме и её значимости для самоидентификации человека и гражданина, как и необходимости - для писателя, лучше всего написал сам Константин Бадигин: «История - самосознание народа. Былины, сказания, легенды - что это, как не специфическая форма исторических произведений, созданных по идейным и эстетическим законам, принятым в ту пору большинством? Совершенно не терплю, когда в критических статьях излагают содержание художественных произведений, тщательно, препараторски, прослеживают те или иные линии развития сюжета... Когда писал «Путь на Грумант», то цель была единственная - обратить внимание тех, кому книга попадёт в руки, что наши предки сталкивались с различными этическими, психологическими проблемами, не менее сложными, чем те, с которыми сталкивается сегодняшний человек. Просто сами по себе эти проблемы были немного другими, а точнее - не суть их иная, а окраска, оттенки, что ли... Кроме того, достигнутое часто кажется не то чтобы лёгким, а как бы само собой разумеющимся... Открыли новый путь в мореплавании? Ну что же? Иначе, мол, и нельзя было: не могли не открыть, раз он существовал в природе... Но ведь вопрос в том, когда (и как! кем!) это сделано.

Благосостояние, условия жизни многих народов во многом зависели от того, располагала ли та или иная страна умелыми мореходами, отважными и умеющими искать новые пути в морях и океанах... Историзм мышления, умение анализировать прошлое и настоящее необходимы каждому грамотному человеку. Без этого невозможно проследить закономерности развития общества в целом, понять не только то, откуда мы пришли, но и то, куда мы идём. Древние греки говорили, что философия - мать всех наук. Верно. Но так же верно и другое: история, знание её - основа, фундамент современного мышления».

Константин Бадигин долгие годы был председателем Комиссии по морской художественной литературе, редактировал ежегодник «Океан», возглавлял секцию маринистики в Союзе писателей. В 1960 году Константину Сергеевичу Бадигину, всё еще не порвавшего с морем, было поручено организовать в Калининграде, где в то время

уже появились литературные группы и объединения при газетах в районах и области, отделение Союза писателей, что он сделал успешно, сумев привлечь нескольких талантливых литераторов, но от секретарства отказался, предоставив это место более молодому Илье Жернакову.

Книги Константина Бадигина переведены и изданы во многих странах: «Путь на Грумант» выходил в Китае, Японии, КНДР, в Румынии и Венгрии, в Германии и Польше. «Седовцы» - в Англии, Болгарии и Польше, «Покорители студёных морей» и «Три зимовки во льдах Арктики» - в Чехословакии, Румынии и Польше.

В 1988 году в Москве издательство «Детская литература» выпустило четырёхтомное собрание сочинений писателя.

В. К.

Поэтическая картография Леонардаса Анdreкуса

Казимерас Анdreкус (1914-2003) родился, как отмечено в метрических книгах церкви Барстичай, 15 июля 1914 г. в деревне Барстичай Мажайкяйского округа. Учился в основной школе Седы, позже обучался во Кретингской францисканской гимназии для мальчиков. В документе от 3 августа 1934 г, утверждённом тьяшайским епископом, свидетельствуется, что Казимерас Анdreкус был крещён правильным крещением, не связан никакими обетами, не состоит в брачных отношениях и, согласно каноническому праву, может носить монашескую рясу. В 1934 г. К. Анdreкус вступил в монашеский орден францисканцев, где получил имя Леонарда. Летом 1937 г. группа клериков из Кретингского францисканского монастыря были отправлены за границу. Л. Анdreкус попал во вторую волну иммиграции (согласно устоявшейся периодизации, это 30-50 гг. XX века). Для него подобрана семинария в Австрии. Вечные монашеские обеты он даёт 26 сентября 1938 г. В 1937-1939 гг. изучает богословие в Шваце (Австрия); после начала войны, когда Гитлер закрыл семинарию – в Югославии, затем – в Италии, где 29 июня 1940 г. в он был рукоположен в священники в Милане. С 1941 г. в течение трёх лет изучал церковное право в университете св. Антония в Риме и получил степень доктора богословия за диссертацию „De iure minorennium in iure romano et ecclesiastico“. После того ему ещё в течение года пришлось изучать гражданское и церковное административное право в Латеранском институте права, в которые он углублялся больше из потребностей своей профессии. Перед отбытием в США, Анdreкусу в Италии пришлось пробыть ещё почти полгода капелланом литовских ссыльных в лагере Эмилии Реджо, где он заботился о литовских беглецах. Назначение в лагерь ссыльных он получил 19 ноября 1945 г. Немного позже, 20 марта 1946 г., после прошествия четырёх месяцев после назначения капелланом, Л. Анdreкус получает новое указание: прибыть в деревеньку Грин (штат Мэн, США), в находящийся там францисканский монастырь.

Л. Анdreкусу пришлось долгое время заниматься руководящей работой в культурно-общественной жизни литовской диаспоры. Работой руководителя он стал заниматься с 1964 г., дождавшись пятидесяти лет. С 1964-1970 гг. Был провинциальным министром литовских францисканцев (начальник провинции католического монашеского ордена, в ведении которого несколько монастырей) и ректором францисканской гимназии св. Антония в Кеннебанк-Порте.

В 1970-1980 гг. Л. Анdreкус был председателем Общества Литовских Писателей (ОЛП). Генеральный офис ОЛП находится в США. Это потому, что в США проживает более всего писателей из литовских ссыльных и диаспоры. Общество объединяет не только ссыльных; для членства в нём не обязательно полагалось быть сосланным. Иначе Л. Анdreкус не мог бы стать членом ОЛП, тем более – его председателем. ОЛП объединяет всех литовских писателей мира. Председательство Л. Анdreкуса в ОЛП показывает, что он вёл дела организации, не отходя особо от её устава. Контролировал финансы, распределяя их в нужных направлениях. В конфликтных ситуациях старался быть крайне дипломатичным.

Участвовал во множестве мероприятий, на которых говорил приветственные речи. Его председательство принесло Обществу Литовских Писателей немало выгод.

Л. Андрекус, живя ещё в Литве, очень мало общался с „Колоколом св. Франциска“, а в 1948–1952 гг., живя уже в США, был главным редактором этого журнала. Так же он был связан с журналом „Отголоски“. „Отголоски“ Л. Андрекус редактировал с четвёртого номера 1980 г. до конца 1991 г., хотя непосредственно с изданием этого журнала он был связан с самого начала в 1950 г. Сперва был уполномоченным по делам журнала, долгое время был его техническим редактором, позже – редактором отдела религии, а с 1980 г. стал главным редактором издания.

Л. Андрекус издал семь сборников на литовском языке: „Открытый залив“ (1955), „Солнце на крестах“ (1960), за который в 1961 г. был удостоен премии ОЛП, „Ночной смотрящий“ (1963), „Под Божьим отпечатком: Витаутас великий“ (1969), „За вратами лета“ (1976), „Вспомни меня, Спаситель“ (вторая версия сборника „Солнце на крестах“, 1985), „Голоса из другого мира“ (1988) – этот сборник на поэтическом конкурсе Литовской федерации борьбы за будущее, объявленный в честь 600-летия со дня крещения Литвы, занял первое место; один сборник на литовском языке: „Оставляю себе лишь голубые небеса“ (1991), два сборника на английском языке: „Amens in amber“ (1968), „Eternal dream: Selected poems“ (1980). Об английском переводе стихотворения Л. Андрекуса „Осень“ очень благосклонно отозвался Чарльз Ангофф. По его мнению, „это одно из лучших стихотворений о печальном времени года, написанное в течение последнего полувека“.

Сборник „Солнце на крестах“ издан в 1960 г., а „Вспомни меня, Спаситель“ – лишь по прошествии 25 лет. Говоря о „Солнце на крестах“ Л. Андрекус вспоминает родную Ямаику, как ему пришлось оставить её, перипетии Второй мировой войны, все настроения, которые отразились в строках сборника. Согласно автору, „в стихах грани времени исчезают, прошлое сливается с настоящим и будущим. Вся книга становится будто одним стихотворением. [...] Взирая на это, сборник „Солнце на крестах“ не считается аутентичным и, как черновые записи, нигде не используется“.

Говоря о творчестве литовской диаспоры, её можно исследовать путём литературной картографии. Что это? Картография – это черчение карт. Основной момент его – направление на север. Основной литературной картографии можно считать силу, могущество (power – англ.). Это пояснил Й. Хоуторн, разделив силу на два понятия. Одно из них утверждает, что сила в нарративной теории позволяет или не позволяет субъекту достигнуть объекта; другое – что литература часто под контролем цензуры, „поскольку может бросить вызов властям“.

В творчестве Л. Андрекуса встречаются пространственно-астрономические и исторические мотивы картографии Литвы и этнических земель балтов. Коротко рассмотрим, как автор чертит карту Литвы и Палестины. О Литве и об Израиле он пишет в ссылке. Живя в диаспоре, он зрит Литву, Ямаику, Палестину.

В поэзии Л. Андрекуса Литва именуется страной крестов, забота Спасителя, место скорбей Христовых. Он констатирует, что Христос посетил много стран, но не нашёл среди них ни одной, „Где ночь так поздно баюкает рожи, / Столько звёзд тонет в прудах вечерами“.

Два наиболее часто встречающиеся названия в поэзии Л. Андрекуса – это Неман и Балтика. Они гладко сливаются между собой, поскольку Неман течёт в Куршский залив, соединённым с Балтийским морем. Балтийское море сравнивается с Геннисаретским озером: „Это не быстрый Геннисарет, / По которому Ты шагал в бурю, – / Это – мой залив...“.

В поэзии Л. Андрекуса говорится и о Крестовой горе. Говоря о месте страстей Христовых, автор вспоминает гору Калварию, акцентируя на „Горе благословений“ и „Горе восьми благословений“. Гора Табор является пупом земли. Гора Калвария иначе называется Голгофой. Это – святая гора, находящаяся в центре мира. Там встречаются Небеса и земля. Л. Андрекус пишет, что „есть связь меж небом и землёй...“. Упомянутую связь можно охарактеризовать как святую гору. По убеждениям христиан, как утверждает М. Иллиади, „в центре мира стоит Голгофа, поскольку она космическая вершина горы и вместе с тем место, где был создан и похоронен Адам“. Соединяя Голгофу и Крестовую гору,

Л. Андрекус упоминает и крупнейший камень Литвы, что на территории Барстичай, на который можно присесть, идя в сторону Эммауса через Крестовую гору рядом с Шауляй: „Идя в город Эммаус, / Не забудь остановиться на моей родине. / Найдёшь там крупнейший камень, чтобы присесть, / Как на королевский трон“.

На территории городка Вапрай есть два городища: неподалёку от Швянтосёс, близ Слабады и речушки Кедрон и в центре городка. Ещё одно особое местечко – речушка Кедрон. Она струится в сторону Калварии. Люди верят, что вода его обладает целебной силой. Здесь часто купаются, в Пятидесятницу ходят в воде босыми, набирают воду в посуду и несут домой. Л. Андрекус так пишет о Кедроне: „Зрю через Кедрон пешеходный мост / На котором толпы стигматиков“. Долина Кедрон находится между горой Олив и стенами иерусалимскими. От горы Олив легко достигнуть Гефсиманского сада, где Христос молился в последнюю вечерю, был выдан и пойман. Слева от горы Олив расстилается глубокая долина Кедрона, где, согласно священному писанию, свершится последний суд. Место, излюбленное для похорон как иудеями, так и мусульманами. Долина Кедрона иначе именуется долиной Иосафата. Субъект стихотворения Л. Андрекуса умоляет Господа в день суда не быть полным гнева, приглушить звук судных горнов, чтобы „не говорили люди в долине Иосафата: / Вот, как краснеют грешники, / Которых Ты возлюбил!“.

Вся жизнь Л. Андрекуса связана с переменной мест жительства, что весьма отражено в его поэзии, так как он вычерчивает многомерные карты. Ему не чуждо черчение карт Литвы, связанных с картами Палестины. Его собственная невольная ссылка раскрывается в поэзии, связывая судьбы народов Литвы и Израиля. Это ясно проявляется в уподоблении имён собственных: Голгофа – Крестовая гора, долина Кедрона – речушка Кедрон, Балтийское море – Геннисаретское озеро. В поэзии Андрекуса скрыто чувство ссылки и утери родной земли.

Использованная литература, источники и ссылки:

Метрический отрывок из книги крещений деревни Барстичай от 25 апреля 1931 г. [рукопись] – РВКК.

Епископ Тяльшайский, „Свидетельское письмо“, Тяльшай, die 3 Augusti 1934 an. №. 1983 [машинопись] – РВКК.

Переведя с латыни, „О правах несовершеннолетних согласно римскому и церковному праву“.

Письмо генерала Ордена францисканцев, Рим, S. Antonio 19 novembre 1945 [машинопись] – РВКК.

Письмо генерала Ордена францисканцев, Рим, ad S. Antonium Patavinum, die 20 martii 1946 [машинопись] – РВКК.

Энциклопедия журналистики, Вильнюс: Pradai, 1997, стр. 398.

Encyclopedia Lituanica, edited by S. Sužiedėlis, Бостон: J. Karočius, 1970, том. 1, стр. 97.

Андрекус Л., „Я видел древнюю Жямайтию“ in: Вспомни меня, Спаситель: вторая версия сборника „Солнце на крестах“, Бруклин, N. Y.: Францисканцы, 1985, стр. 8.

Хоутон И., Словарь теории модернистской литературы, Вильнюс: Tyto alba, 1998, стр. 102.

Андрекус Л., Открытый залив: лирика, Бруклин: Издание Отцов Францисканцев, 1955, стр. 98.

Андрекус Л., Вспомни меня, Спаситель: вторая версия сборника „Солнце на крестах“, Бруклин, N. Y.: Pranciškoniai, 1985, стр. 116.

Андрекус Л., Открытый залив: лирика, Бруклин: Издание Отцов Францисканцев, 1955, стр. 21.

Иллиади М., Миф о вечном возвращении: архетипы и поколения, Вильнюс: Мысль, 1996, стр. 17.

Андрекус Л., За вратами лета: лирика, New Yorkas: Францисканцы, 1976, стр. 8.

Андрекус Л., Открытый залив: лирика, Бруклин: Издание Отцов Францисканцев, 1955, стр. 93.

Андрекус Л., Вспомни меня, Спаситель: вторая версия сборника „Солнце на крестах“, Бруклин, N. Y.: Францисканцы, 1985, стр. 68.

Стихотворения Л. Андрекуса найдены автором статьи в личном архиве поэта, находящемся во францисканском монастыре Крестовой горы, и подготовлены к печати из аутентичных рукописей.

Перевод с литовского Clandestinus

Леонардас АНДРЕКУС

ЦВЕТУЩАЯ ЯБЛОНЬКА

Ты не выйдешь на взморье показать волне свою красу.
Она к тебе не придёт – полюбоваться белыми цветами.
Как же вы соединитесь в одну белую симфонию
Словно на картинах Гальдика –
И здесь весенний танец и там – шелест...

★ ★ ★

Хорошо, что никому неизвестны человеческие мысли –
Знаю, что испугались бы,
Увидев мою душу –
Там такие пустоши –
Безлюднее пустыни Моавской –
Приди, приди, о Спаситель, в эту пустошь,
Сатана перестанет искушать, он уже устал –
От искушений...

ЛЮБОВЬ

Распяла меня, распяла меня –
И терплю большие муки.
О любовь, любовь, любовь,
Меня ты прикончила –
Сегодня прощаемся с иллюзией,
Она – и белая лебедь в вышине...

РОСА

Благодарны ли вы, цветы, Всемогущему,
За росу утра –
Что пала с голубых небес
Этим светлым утром –
Выпала из другого рая...
Может, слёзы ангелов Чюрлёниса?

Перевод с литовского Clandestinus

О сохранении и размножении русского народа

1 ноября 1761 г.

Милостивый государь Иван Иванович.

Разбирая свои сочинения, нашел я старые записки моих мыслей, простирающихся к приращению общей пользы. По рассмотрении рассудилось мне за благо пространнее и обстоятельнее сообщить их вашему высокопревосходительству яко истинному рачителю о всяком добре любезного отечества в уповании, может быть, найдется в них что-нибудь, к действительному поправлению российского света служащее, что вашим пронизательством и рачением разобрано, расположено и к подлинному исполнению приведено быть может. Все оные по разным временам замеченные порознь мысли подведены быть могут, как мне кажется, под следующие главы:

1. О размножении и сохранении российского народа.
2. О истреблении праздности.
3. О исправлении нравов и о большем народа просвещении.
4. О исправлении земледелия.
5. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.
6. О лучших пользах купечества.
7. О лучшей государственной экономии.
8. О сохранении военного искусства во время долговременного мира.

Сии толь важные главы требуют глубокого рассуждения, долговременного в государственных делах искусства к изъяснению и предосторожной силы к произведению в действо. Итак, м. г., извините мою дерзость, что, не имея к тому надобной способности, касаюсь толь тяжкому бремени только из усердия, которое мне не позволяет ничего (хотя бы только и повидимому) полезного обществу оставить под спудом. Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей. Божественное дело и милосердия и человеколюбивая на монархини кроткого сердца достойное дело — избавлять подданных от смерти, хотя бы иные по законам и достой были. Сие помилование есть явное и прямо зависящее от ея материнския высочайшия воли и повеления. Но много есть человекоубивства и еще самоубивства, народ умаляюще-го, коего непосредственно указами, без исправления или совершенного истребления некоторых обычаев и еще некоторых, под именем узаконений вкоренившихся, истребить невозможно.

1

В обычай вошло во многих российских пределах, а особливо по деревням, что малых ребят, к супружеской должности неспособных, женят на девках взрослых, чья жена могла бы по летам быть матерью своего мужа. Се с натурю спорному поведению следуют худые обстоятельства: слезные приключения и рода человеческого приращению вредные душегубства. Первые после женитьбы лета проходят бесплодны,

следовательно, такое супружество - не супружество и сверх того вредно размножению народа, затем что взрослая такая женщина, будучи за ровнею, мог бы родить несколько детей обществу. Мальчик, побуждаем будучи от задорной взрослой жены, усиливанием себя прежде времени портит и впредь в свою пору к детородию не будет довольно способен, а когда достигнет в мужеский возраст, то жена скоро выйдет из тех лет, в кои к детородию была способнее. Хотя ж она и в малолетство мужнее моя обрюхатеть непозволенным образом, однако, боясь бесславия и от мужних родителей попреку и побоев, легко может пить на детоубивство еще в своей утробе. Довольно есть: и таких примеров, что, гнушаясь малым и глупым мужи ком, спознается жена с другим и, чтоб за него выйти, мужа своего отравливает или инако убивает, а после изобличена предается казни. Итак, сими непорядками еще нерожденные умирают и погибают повинные и неповинные. Второе неравенство в супружестве бывает, когда мужчина в престарелых годах женится на очень молодой девушке, которое хотя и не столь опасно, однако приращению народа вредно, и хотя непозволительною любовь недостаток может быть наполнен, однако сие недружелюбия, подозрения, беспокойства и тяжб в наследстве и больших злоклучений причиною бывает. Для сего вредное приумножению и сохранению народа неравенство супружества запретить и в умеренные пределы включить должно. По моему мнению, невеста жениха не должна быть старше разве только двумя годами, а жених старше может быть 15-ю годами. Сие для того, что женщины скорее старятся, нежели мужчины, а особливо от частой беременности. Женщины родят едва далее 45 лет, а мужчины часто и до 60 лет к плодородию способны. Всего сходнее, ежели муж жены старше от 7 до 10 лет. Хотя ж по деревням и показывают причины, что женят малых ребят для работниц, однако все пустошь, затем что ежели кто семью малую, а много пашен или скота имеет, тот наймуй работников, прими третьщиков или половинщиков или продай излишнее другому.

2

Неравному супружеству много подобно насильное, ибо где любви нет, ненадежно и плодородие. Несогласия, споры и драки вредят плоду зачатому и нередко бывают причиною безвременному и незрелому рождению. Для того должно венчающим священникам накрепко подтвердить, что [6] они, услышав где о невольном сочетании, оно не допускали и не венчали под опасением лишения чина, жениха бы и невесту не тогда только для виду спрашивали, когда они уже приведены в церковь к венчанию, но несколько прежде.

3

Хотя больше одной жены вдруг иметь в нашем законе не позволяется, однако четвертая после третьей смерти в наших узаконениях не наказана, кроме того, что некто Арменопул, судья солунский, приказал приватно, положась, как уповаю, на слова Назианзиновы: «Первый брак закон, второй прощение, третий пребеззаконие». Но сие никакими соборными узаконениями не утверждено, затем что он сие сказал как оратор, как проповедник, а не как законодавец, и, невзирая на слова великого сего святителя, церковь святая третий брак благословляет, а четвертого запрещение пришло к нам из Солуны, а не от вселенских соборов или монаршеских и общенародных узаконений. Сие обыкновение много воспрещает народному приращению. Много видал я вдовцов от третьей жены около 30-ти лет своего возраста, и отец мой овдовел в третий раз хотя 50-ти лет, однако еще в полной своей бодрости и мог бы еще жениться на четвертой. Мне кажется, было б законам непротивно, если бы для размножения народа и для избежания непозволенных плотских смешении, а от того и несчастных приключений, четвертый, а по нужде и пятый брак был позволен по примеру других христианских народов. Правда, что иногда не без сомнительства бывает, все ли происходило натурально, когда кто в третий и притом в немногие годы овдовев, и не было ли какого потаенного злодейства? Для сего лицо, требующее четвертого или

пятого брака, должно представить в свидетели соседей или, еще лучше, родственников по первым супружествам, что в оных поступки его были незлобны и беззасорны, а у кого окажутся вероятные знаки неверности или свирепости, а особливо в двух или во всех трех супружествах, тем лицам не позволять четвертого брака.

4

Вошло в обычай, что натуре человеческой противно (противно ли законам, на соборах положенным, не помню), что вдовых молодых попов и дьяконов в чернцы насильно постригают, чем к греху, а не ко спасенью дается повод и приращению народа немалая отрасль пресекается. Смешная неосторожность! Не позволяется священнодействовать, женясь вторым браком законно, честно и благословенно, а в чернечестве блуднику, прелюбодею или еще и мужеложцу литургию служить и всякие тайны совершать дается воля. Возможно ли подумать, чтобы человек молодой, живучи в монашестве без всякой печали, довольствуясь пищаами и напитками и по всему внешнему виду здоровый, сильный и тучный, не был бы плотских похотей стремлениям подвержен, кои всегда тем больше усиливаются, чем крепче запрещаются. Для сих причин кажется, что молодым вдовым попам и дьяконам надобно позволить второй брак и не постригать прежде лет пятидесяти или, сняв чин священства, позволять быть мирскими чинами. Сюда ж надлежит и пострижение молодых людей прямо в монахи и монахини, которое хотя в нынешние времена и умалилось пред прежним, однако еще много есть излишества, особливо в Малороссии и при синодальных школах. Взгляды, уборы, обходительства, роскоши и прочие поступки везде показывают, что монашество в молодости ничто иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство, наносящее знатный ущерб размножению человеческого рода, не упоминая о бывающих детоубийствах, когда законопреступление закрывают злодеянием. Мне кажется, что надобно клобук запретить мужчинам до 50, а женщинам до 45 лет.

5

Вышеписанное касалось больше до обильнейшего плодородия родящих; следующее надлежит особливо до сохранения рожденных. Хотя запрещением неравного и насильного супружества, позволением четвертого и пятого брака, разрешением к супружеству вдовых попов и дьяконов и непозволением до указанных лет принятия монашеского чина несомненно воспоследовать может знатное приумножение народа и не столько будет беззаконнорожденных, следовательно, и меньше детского душегубства, однако по разным случаям и по слабости человеческого сложения быть тому невозможно, чтобы непозволенным сластолюбием или и насильством обремененная женщина, не хотя быть обесславлена, не искала бы способов утаить своего беззакония и несчастья, отчего иногда в отчаянии матери детей своих убивают. Для избежания столь ужасного злодейства и для сохранения жизни неповинных младенцев надобно бы учредить нарочные богоделенные дома для невозбранного зазорных детей приему, где богаделенные старушки могли б за ними ходить вместо матерей или бабок; но о сем особливо, в письме о исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.

6

Следуют сему младенческие болезни, изнуряющие и в смертные челюсти повергающие начинающуюся жизнь человеческую, из которых первое и всех лютейшее мучение есть самое рождение. Страждет младенец не менее матери, ко разнится их томление, что мать оное помнит, младенец. Коль же оно велико, изъясляет Давид пророк, ибо, хотя изобразить ужасные врагов своих скорби, говорит: «Тамо болезни яко рождающая» (сиречь женщины). Проходя болезненный путь в прискорбный и суетный свет, коль часто нежный человек претерпевает великие повреждения, а

особливо в голове, тем, что в самое свое рождение лишается едва начатая жизни и впервые почерпнутый дух в последнее испускает, либо несколько часов или дней только лишь с настоящею смертию борется. Сие первое страдание, которым нередко из рожденных живых на весь век здоровье повреждается. Сего иначе ничем не можно отвратить или хотя несколько облегчить, как искусством повивальных бабок и осторожностью беременных. Потом следует болезнь при выходе зубов, младенцам часто смертоносная, когда особливо падучую болезнь с собою приносит. Также грыжи, оспа, сухотка, черви в животе и другие смерти детской причины, все требуют знания, как лечить нежных тел болезни. Для умаления толь великого зла советую в действие произвести следующее: 1) Выбрать хорошие книжки о повивальном искусстве и, самую лучшую положив за основание, сочинить наставление на российском языке или, сочинив на другом, перевести на российский, к чему необходимо должно присовокупить добрые приемы российских повивальных искусных бабок; для сего, созвав выборных, долговременным искусством дело знающих, спросить каждую особливо и всех вообще и, что за благо принято будет, внести в оную книжицу. 2) Для излечения прочих детских болезней, положив за основание великого медика Гофмана, который, упражнявшись чрез 60 лет в докторском звании, при конце жизни писал наставление о излечении младенческих болезней, по которым я дочь свою дважды от смерти избавил, и присовокупив из других лучшее, соединить с вышеписанною книжкою о повивальном искусстве; притом не позабыть, что наши бабки и лекари с пользою вообще употребляют. 3) В обеих совокупленных сих искусств[ах] в одну книжку наблюдать то, чтобы способы и лекарства по большей части не трудно было сыскать везде в России, затем что у нас аптеками так скудно, что не токмо в каждом городе, но и в знатных великих городах поныне не устроены, о чем давно бы должно было иметь попечение; но о сем особливо представлено будет. 4) Оную книжку напечатав в довольном множестве, распродать во все государство по всем церквам, чтобы священники и грамотные люди читая могли сами знать и других наставлением пользоваться. По исчислению умерших по приходам, учиненному в Париже, сравнив их лета, умирают в первые три года столько же почти младенцев, сколько в прочие, до ста считая. Итак, положим, что в России мужеска полу 12 миллионов, из них состоит один миллион в таком супружестве, что дети рождаются, положив обще, один в два года. Посему на каждый год будет рожденных полмиллиона, из коих в три года умирает половина или еще по здешнему небрежению и больше, так что на всякий год достанется смерти в участие по сту тысяч младенцев не свыше трех лет. Не стоит ли труда и попечения нашего, чтобы хотя десятую долю, то есть 10 тысяч, можно было удобными способами сохранить в жизни?

7

Доселе о натуральных обстоятельствах, младенцам вредных; остается упомянуть о повреждениях, от суеверия и грубого упрямства происходящих. Попы, не токмо деревенские, но и городские, крестят младенцев зимою в воде самой холодной, иногда и со льдом, указывая на предписание в требнике, чтобы вода была натуральная без примешения, и вменяют теплоту за примешанную материю, а не думают того, что летом сами же крестят теплою водою, по их мнению смешанною. Итак, сами себе прекословят, а особливо по своему недомыслию не знают, что и в самой холодной воде еще теплоты очень много. От замерзания в лед принимает вода в себя стужу до 130 гр., да и тут можно почестъ ее горячею, затем что замерзающая ртуть несравненно большее расстояние от сего градуса имеет, нежели вода от кипятка до замерзания. Однако невеждам-попам физику толковать нет нужды, довольно принудить властью, чтобы всегда крестили водою, летней в рассуждении теплоты равною, затем что холодная исшедшему недавно из теплой матерней утробы младенцу конечно вредна, а особливо который много претерпел в рождении. Одно погружение в умеренной воде не без тягости младенцу, когда мокрота в глаза, в уши, в ноздри, а иногда и в рот вливается (а когда рот и ноздри запирает поп рукою, тогда пресекается дыхание, которое недавно лишь получил младенец). Когда ж холодная вода со льдом охва-

тит члены, то часто видны бывают признаки падучей болезни, и хотя от купели жив избавиться, однако в следующих болезнях, кои всякий младенец после преодолеть должен, а особливо при выходе первых зубов, она смертоносная болезнь удобнее возобновится. Таких упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами, затем что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти. Коль много есть столь несчастливых родителей, кои до 10 и 15 детей родили, а в живых ни единого не осталось?

8

Бедственному младенческому началу жизни следуют приключения, нападающие на здоровье человеческое в прочем оных течении. И, во-первых, невоздержание и неосторожность с уставленными обыкновениями, особливо у нас в России вкоренившимися и имеющими вид некоторой святости. Паче других времен пожирают у нас масленица и св. неделя великое множество народа одним только переменным употреблением питья и пищи. Легко рассудить можно, что, готовясь к воздержанию великого поста, во всей России много людей так загавливаются, что и говеть времени не остается. Мертвые по кабакам, по улицам и по дорогам и частые похороны доказывают то ясно. Розговенье тому ж подобно. Да и дивиться не для чего. Кроме невоздержания в заговоренные дни питием и пищею, стараются многие на весь в[еликий] пост удовольствоваться плотским смешением законно и незаконно и так себя до чистого понедельника изнуряют, что здоровья своего никоею мерою починить не могут, употребляя грубые постные пищи, которые и здоровому желудку тягостны. Сверх того вскоре следует начало весны, когда все скверности, накопленные от человеков и от других животных, бывшие во всю зиму заключенными от морозов, вдруг освобождаются и наполняют воздух, мешаются с водою и нам с мокротными и цынготными рыбами в желудок, в легкое, в кровь, в нервы и во все строение жизненных членов человеческого тела вливаются, рожают болезни в здоровых, умножают оные в больных и смерть ускоряют в тех, кои бы еще могли пожить долее. После того приближается светлое Христово воскресение, всеобщая христианская радость; тогда хотя почти беспрестанно читают и многократно повторяются страсти господни, однако мысли наши уже на св. неделе. Иной представляет себе приятные и скоромные пищи, иной думает, поспеет ли ему к празднику платье, иной представляет, как будет веселиться с родственниками и друзьями, иной ожидает, придут ли запасы из деревни, иной готовит живописные яйца и несомненно чаёт случая поцеловаться с красавицами или помилее свидаться. Наконец заутреню в полночь начали и обедню до свету отпели. Христос воскрес! только в ушах и на языке, а в сердце какое ему место, где житейскими желаниями и самые малейшие скважины все наполнены. Как с привязу спущенные собаки, как накопленная вода с отворенной плотины, как из облака прорвавшиеся вихри, рвут, ломают, валят, опровергают, терзают. Там разбросаны разных мяс раздробленные части, разбитая посуда, текут пролитые напитки, там лежат без памяти отягченные объядением и пьянством, там валяются обнаженные и блудом утомленные недавние строгие постники. О истинное христианское пощение и празднество! Не на таких ли бог негодует у пророка: «Праздников ваших ненавидит душа моя и кадило ваше мерзость есть предо мною!» Между тем бедный желудок, привыкнув чрез долгое время к пищам малопитательным, вдруг принужден принимать тучные и сильные брашна в сжавшиеся и ослабевшие проходы и, не имея требуемого довольства жизненных соков, несваренные ядения по жилам посылает, они спираются, пресекается течение крови, и душа в отворенные тогда райские двери из тесноты тела прямо улетает. Для уверения о сем можно справиться по церковным запискам: около которого времени в целом году у попов больше меду на кутью исходит? Неоспоримое есть дело, что неравное течение жизни и круто-переменное питание тела не токмо вредно человеку, но и смертоносно, так что вышеписанных строгих постников, притом усердных и ревностных праздниколюбцев, самоубийцами почесть можно. Правда, что ежели кто на масленице приуготовляется к посту житием умеренным, в пост не изнуряет себя излишно и говеет больше духом, нежели брюхом, на

св. недели радуется о препровождении в [единого] поста в истинных добродетелях, в трудах обществу полезных и богу любезных, а не о том, что дожил до разрешения на вся. тот конечно меньше почувствует припадков от нездорового времени, а особливо когда трудами кровь приводит в движение и, словом, содержит себя хотя то постными, то скоромными пищамя, однако равно умеренными, без крутых скачков и пригорков. Но здесь, в севере сие по концам тучное, а в середке сухое время есть самая праздная часть года, когда крестьяне не имеют никакой большой работы и только посеянные, пожатые, измолоченные и смолотые плоды полевые доедают; купцам, за испорченными дорогами и распутицами, почти нет проезде из города в город с товарами; нет кораблям плаванья и морским людям довольного движения; военные люди стоят в походах по зимним квартирам, а дома то для морозов, то для слякоти не могут быть удобно экзерции. Итак, большая часть народа должна остаться в праздности, которая в заговенье и розговенье дает причину к необузданной роскоши, а в пост, с худыми прошлогодними пищамя и с нездоровым воздухом соединенная, портит здоровье и жизнь коротит.

Многие скажут: «Да проживают же люди! отцы наши и прадеды жили долгие веки!» Правда, живут и лопари, питаюсь почти одною только рыбою, да посмотрите ж, коль они телом велики и коль многолюдны, и сравните их с живущими в том же климате самоедами, питающимися по большей части мясом. Первые ростом мелки, малолюдны, так что на 700 верстах в длину, а в ширину на 300 лопарей толь мало, что и в большие солдатские поборы со всей земли по два солдата с числа душ нймают из нашего народа, затем что из них весьма редко, чтобы кто и по малой мере в солдаты годился. Самояды, напротив того, ростом немалы, широкоплечи и сильны и в таком множестве, что если бы междоусобные частые кровавые сражения между многими их князьями не случались, то бы знатная восточно-северного берега часть ими населилась многолюдно. Посмотрите, что те российские области многолюднее, где скотом изобильнее, затем что во многих местах, где скотом скудно, и в мясоед по большей части питаются рыбою или пустыми щами с хлебом. Если б наша масленица положена была в мае месяце, то великий пост был бы в полной весне и в начале лета, а св. неделя около Петрова дня, то бы, кроме новых плодов земных и свежих рыб и благорастворенного воздуха, 1-е) поспешествовало бы сохранению здоровья движение тела в крестьянах пахотною работою, в купечестве дальнею ездою по земле и по морю, военным — экзерцициею и походами; 2-е) ради исправления таких нужных работ меньше бы было праздности, матери невоздержания, меньше гостьбы и пирушек, меньше пьянства, неравного жития и прерывного питания, надрывающего человеческое здравие, а сверх того, хотя бы кто и напился, однако, возвращаясь домой, не замерз бы на дороге, как о масленице бывает, и не провалился бы под лед, как случается на св. неделе.

Я к вам обращаюсь, великие учителя и расположители постов и праздников, и со всяким благоговением вопрошаю вашу святость: что вы в то время о нас думали, когда св. великий пост поставили в сие время? Мне кажется, что вы, по своей святости, кротости, терпению и праводушию милостивый ответ дадите и не так, как андреевский протопоп Яков делал, в церкви матерно не избраните или еще, как он с морским капитаном Яньковым в светлое воскресенье у креста за непоцелование руки поступил, в грудь кулаком не ударите. Вы скажете: «Располагая посты и праздники, жили мы в Греции и в земле обетованной. Святую четыредесятницу тогда содержать установили, когда у нас полным сиянием вешнего солнца земное богатое недро отверзается, произращает здоровыми соками наполненную молодую зелень и воздух возобновляет ароматными духами; поспевают ранние плоды, в пищу, в прохлаждение и в лекарство купно служащие; пению нашему для славословиябожия соответствовали журчащие ручьи, шумящие листья воспевающие сладкогласные птицы. А про ваши полуночные стороны мы рассуждали, что не токмо там нет и не будет христианского закона, но ниже единого словесногообитателя ради великой стужи. Не жалуйтесь на нас! Как бы мы вам предписали есть финики и смоквы и пить доброговиноградного вина по красоуле, чего у вас не родится? Расположите, как разумные люди, по вашему

климату, употребите на пост другое способнейшее время или в дурноевремя пользуйтесь умеренно здоровыми пищами. Есть у вас духовенство, равную нам власть от Христа имеющее вязати и решить. Для толь важного дела можно в России вселенский собор составить: сохранение жизни толь великого множества народа того стоит. А сверх того, ученьем вкоренитевсем в мысли, что богу приятнее, когда имеем в сердце чистую совесть, нежели в желудке цынготную рыбу, что посты учреждены не для самоубивства вредными пищами, но для воздержания от излишества, что обманщик, грабитель, неправосудный, мздоимец, вор и другими образы ближнего повредитель прощения не сынщет, хотя бы он вместо обыкновенной постной пищи в семь недель ел щепы, кирпич, мочало, глину и уголье и большую бы часть того времени простоял на голове вместо земных поклонов. Чистое покаяние есть доброе житие, бога к милосердию, к щедроте и к люблению нашему преклоняющее. Сохрани [те] данные Христом заповеди, на коих весь закон и пророки висят: «Люби господа бога твоего всем сердцем (сиречь не кишками) и ближнего как сам себя (т. е. совестью, а не языком)». Исправлению сего недостатка ужасные обстоят препятствия, однако не больше опасны, как заставить брить бороды, носить немецкое платье, сообщаться обходительством с иноверными, заставить матрозов в летние посты есть мясо, уничтожать боярство, патриаршество и стрельцов и вместо их учредить Правительствующий Сенат, Святейший Синод, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое место и новый год в другой месяц! Российский народ гибок!

9

Кроме сего впадает великое множество людей и в другие разные болезни, о излечении коих весьма еще мало порядочных есть учреждений, как выше упомянуто, и только по большей мере простые, безграмотные мужики и бабы лечат наугад, соединяя часто натуральные способы, сколько смыслят, с мороженым и шептаниями, и тем не только не придают никакой силы своим лекарствам, но еще в людях укрепляют суеверие, больных приводят в страх унылыми видами и умножают болезнь, приближая их скорее к смерти. Правда, много есть из них, кои действительно знают лечить некоторые болезни, а особливо внешние, как коновалы и костоправы, так что иногда и ученых хирургов в некоторых случаях превосходят, однако все лучше учредить по правилам, медицинскую науку составляющим. К сему требуется по всем городам довольно число докторов, лекарей и аптек, удовлетворенных лекарствами, хотя б только по нашему климату пристойными, чего не токмо нет и сотой доли, но и войско российское весьма не довольно снабжено медиками, так что лекари не успевают перевязывать и раненых, не токмо чтобы всякого осмотреть, выпросить обстоятельства, дать лекарства и тем страждущих успокоить. От такого непризнания многие, коим бы ожить, умирают. Сего недостатка ничем не можно скорее наполнить, как для изучения докторства послать довольно число российских студентов в иностранные университеты и учрежденным и впредь учреждаемым внутри государства университетам дать между прочими привилегиями власть производить достойных в доктора; 2-е. Медицинской канцелярии подтвердить накрепко, чтобы как в аптеках, так и при лекарях было довольно число учеников российских, коих бы они в определенное время своему искусству обучали и Сенату представляли. Стыдно и досадно слышать, что ученики российского народа, будучи по десяти и больше лет в аптеках, почти никаких лекарств составлять не умеют, а ради чего? Затем, что аптекари держат еще учеников немецких, а русские при итоге, при решете и при уголье до старости доживают и учениками умирают, а немецкими всего государства не наполнить. Сверх того, недостаточное знание языка, разность веры, несходные нравы и дорогая им плата много препятствуют.

10

Смертям от болезни следуют насильственные, натуральные и случайные обстоятельства как причины лишения жизни человеческой, т. е. моровые язвы, пожары,

потопления, морозы. Поветрия на людей хотя по большей части в южных пределах здешнего государства случаются, однако всякие способы против того употреблять должно. Оные состоят в истреблении уже начавшегося или в отвращении приходящего. К первому требуются известные употребительные против такого несчастья средства, и для того, лучшие должно выбрав из авторов, сочинить Медицинскому факультету книжку и напечатав распродать по государству. Ко второму надобно с бывших примеров собрать признаки, из которых главный есть затмение солнца, причиняющее почти всегда вскоре падеж на скот, а после и на людей поветрие. В наши просвященные веки знают о том в великом свете обращающиеся люди от астрономов и могут предостеречься, не выпуская скота из дому и не давая травы, того дня снятой: так в других государствах остерегаются два или три дни после, и сами никаких плодов в то время не снимают и не употребляют, говоря, что во время солнечного затмения падают ядовитые росы. Главная причина быть кажется, по моему мнению, что во время затмения закрывается солнце луною, таким же телом, как и земля наша, пресекается круто электрическая сила, которую солнце на все растения во весь день изливает, что видно на травах, ночью спящих и тоже страждущих в солнечное затмение. Время научит, сколько может электрическая сила действовать в рассуждении поветрия. Затмения во всем государстве не знают, и для того надобно заблаговременно публиковать и что требуется повелеть указами по примеру, как водится в других государствах. Для избавления от огненной смерти служит предосторожность о утолении частых и великих пожаров, о чем покажется пространно в письме о лучшей государственной экономии. Потопления суть двояки: от наводнения и от неосторожной дерзости, особливо в пьянстве. Первое легко отвратить можно, запретив, чтобы при великих реках на низких местах, вешней особливо воде подверженных, никаких жилищ не было. Сие делается от одной лености, чтоб вода и сено и всякая от воды удобность была близко, однако часто на высоких местах живущие видят весною, сами будучи в безопасности, как скот и люди и целые дома неприступный лед несет в отчаянии всякого спасения. Вторых потоплений ничем отвратить нельзя, не умалив много гощения и пьянства, для коих люди дерзают переезжать чрез реки в бурную погоду, перегрузив суда множеством, или переходить через лед осенью и весною, когда он весьма ненадежен и опасен. В главе о истреблении праздности предложатся способы, равно как и для избавления померзания многих зимою.

11

Немалый ущерб причиняется народу убийствами, кои бывают в драках и от разбойников. Драки происходят вредные между соседями, а особливо между помещиками, которых ничем, как межеванием, утешить не можно. На разбойников хотя посылаются сыщики, однако чрез то вывести сие зло или хотя знатно убавить нет почти никакой надежды. Основательнейшие и сильнейшие к тому требуются способы. Следующий кажется мне всех надежнее, бережливее и монархине всемилостивейшей славнее и притом любезнее, затем что он действие свое возымеет меньшим пролитием человеческой крови. Разбойники без пристанища в городах и около деревень пробыть и злодейством своим долго пользоваться не могут. При деревнях держатся, а в го-родах обыкновенно часто бывают для продажи пограбленных пожитков. Итак, когда им сии места сделаны будут узки и тесны, то не могут долго утаиться; не зандобится далече посылать команды и делать кровопролитные сражения со многими, когда можно иметь случай перебрать по одиночке и ловить их часто. Всевожделенный и долговременный покой внутри нашего отечества чрез полтора-два лет, в кое время после разорения от поляков не нужно было стенами защищаться от неприятелей, подал нерадению нашему причину мало иметь попечения о градских ограждениях, и потому большая часть малых городов и посадов и многих провинциальных и губернских городов не токмо стен каменных или хотя надежных валов и рвов, но и деревянных полисадников или тынов не имеют, что не без сожаления вижу из ответов, присылаемых на географические вопросы в Академию Наук из всех городов указом Правительствующего Сената, по моему представлению. Кроме того, что про-

езжающие иностранные не без презрения смотрят на наши беспорядочные города или, лучше сказать, почти на развалины, разбойники употребляют их к своему прибежищу и также могут закрываться от достойного карания в городе или еще лучше, нежели в деревне, затем что город больше и со всех сторон в него на всяком месте ворота днем и ночью беспрестанно отворены ворами и добрым людям. Когда бы всемилостивейше повелеть благоизволено было все российские города, у коих ограждение рушилось или его не было, укрепить хотя не каменными стенами, но токмо валом и рвом и высоким палисадником и не во многих местах оставить ворота с крепкими запорами и с надежными мещанскими караулами, где нет гарнизонов, так, чтобы ряды и лавки были внутри ограждения, то бы ворами провозить в город грабленные вещи для продажи было весьма трудно и все для осмотра предосторожности употребить было несравненно легче, нежели в месте, со всех сторон отворенном; а разбойник может быть в воротах скорее примечен, который, не продав грабленных вещей, корысти не получит. Сверх сего, в каждом огражденном городе назначить постоянные ночлеги для прохожих и проезжих с письменными дозволениями и с вывескою и приказать, чтобы каждый хозяин на всякий день объявлял в ратуше, кто у него был на ночлеге и сколько времени, а другие бы мещане принимать к себе в дом приезжих и прохожих воли не имели, под опасением наказания, кроме своих родственников, в городе известных. По всем волостям, погостам и деревням опубликовать, что ежели крестьянин или двое и больше поймает разбойника, приведут его в город или в другое безопасное место и докажут надежными свидетелями и спору в том не будет, то давать приводчикам за всякую голову по 10 руб. из мещанского казенного сбора, и за главных злодейских предводителей, за атамана, эсаула, также и за поимание и довод того, кто держит воровские прибежища, по 30 руб. Сие хотя довольно быть кажется, где города не в весьма дальнем расстоянии, однако многие места есть в России глухие, на 500 и больше верст без городов, прямые убежища разбойникам и всяким беглым и беспашпортным людям; примером служить может пространство около реки Ветлуги, которая, на 700 верст течением от вершины до устья простираясь, не имеет при себе ни единого города. Туда с Волги укрывается великое множество зимою бурлаков, из коих немалая часть разбойники. Крестьяне содержат их во всю зиму за полтину человека, а буде он что работает, то кормят и без платы, не спрашивая пашпорта. По таким местам должно основать и поставить города, дав знатым селам гражданские права учредить ратуши и воеводства и оградив надежными укреплениями и осторожностями от разбойников, как выше показано. Сие будет служить не токмо для общей безопасности и к сбережению российского народа, но и к особой славе всемилостивейшей нашей самодержицы яко возобновительницы старых и соорудительницы многих новых городов российских.

12

Переставая говорить о потере российского народа болезнями, несчастиями и убийствами, должно упомянуть о живых покойниках. С пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особливо в Польшу, и тем лишается подданных Российская корона. Подлинно, что расположив предосторожности на рубеже литовском, однако толь великой скважины силою совершенно запереть невозможно: лучше поступить с кротостию. Побегу бывают более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов. Итак, мне кажется, лучше пограничных с Польшей жителей облегчить податями и снять солдатские наборы, расположив их по всему государству. Для расколу много уходит российских людей на Ветку: находящихся там беглецов не можно ли возвратить при нынешнем военном случае? А впредь могут служить способы, кои представляются о исправлении нравов и о большем просвещении народа.

13

Место беглецов за границы удобно наполнить можно приемом иностранных, ежели к тому употреблены будут пристойные меры. Нынешнее в Европе несчаст-

ное военное время принуждает не токмо одиноких людей, но и целые разоренные семейства оставлять свое отечество и искать мест, от военного насилия удаленных. Пространное владение великой нашей монархии в состоянии вместить в свое безопасное недро целые народы и довольствоваться всякими потребностями, кои единого только посильного труда от человеков ожидают к своему полезному произведению. Условия, коими иностранных привлечь можно к поселению в России, не представляю, не ведая довольно союзных и враждебных обстоятельств между воюющими и мирными сторонами.

Хотел бы я сочинить примерный счет, сколько бы из сих 13 способов (а есть еще и больше) воспоследовало сохранения и приращения подданных ея императорского величества. Однако требуется к тому для известия многие обстоятельства и не мало времени; для того только одною догадкою досягаю насколько, что на каждый год может взойти приращение российского народа больше против прежнего до полумиллиона душ, а от ревизии до ревизии в 20 лет — до 10 миллионов. Кроме сего уповаю, что сии способы не будут ничем народу отяготительны, но будут служить к безопасности и успокоению всенародному.

Окончивая сие, надеюсь, что вашему высокопревосходительству что-нибудь понравится из моих доброжелательных к обществу мнений, и прошу о вашем непрерывном здравии и во всем удовольствии всевышнего строителя и правителя всех народов и языков, произведшего вас в сей день и влившего вам кровь сына отечества к произведению дел полезных, а паче к покровительству наук и художеств, к которым я, равно и к вам от всей искренности усердствуя, с достоуважением высокопочитанием пребываю.

Ноября 1 1761

Борис АДАМОВ

Через тернии — к звёздам: за знаниями

Глава из книги о Кристионасе Донелайтисе

Небольшим селением был Ласдинелен (Lasdinehlen), спрятавшийся недалеко от Гумбиннена (Gumbinnen, ныне Гусев) в стороне от дорог и других селений.

Сотни и сотни таких хуторов и деревенок разбросаны были по Восточной Пруссии, исчезнувшие ныне зачастую вместе с памятью о них. Исчез и Ласдинелен. Но только не память о нём. Здесь 1 января 1714 года в семье вольного крестьянина родился Кристионас Донелайтис. Родился в такую пору, чтобы первым же осмысленным взглядом увидеть и удивиться,

*Сколько зима ухитрилась насыпать белых сугробов,
Зимних сколько цветов взрастила-понасажала.
Смотришь – и диву даешься: саженные бороды свесив,
Перед тобою стоят в кудрях, осыпанных снегом,
Высокорослые сосны, как баре в напудренных буклях.
Голый кустарник дрожит и гнется меж них по-крестьянски,
Спину ломает в поклонах, челом к земле припадает,
Жалобно стонет, когда налетают ветры внезапно.
Но бурелом, и пни, и коряги также страшатся,
Только мехи раздувать начинает сивер жестокий,
Будто сквозь редкое сито колючий снег просеивая.
Пусто в лесной глубине: ни зверей не видать, ни пернатых!*

История семьи Донелайтиса прослеживается с конца XVI века. Около 1600 года в окрестностях Гумбиннена проживал литовский крестьянин по фамилии Донелайтис. У его сына-лесника было трое сыновей. Один из них – Ганс Донелайтис, дед поэта, тоже стал лесником в деревне Гросс Байчен (Gross Baitschen, Подгоровка Гусевского района). Решив сменить профессию и место жительства, он в 1683 году вместе с двумя другими односельчанами – Причкусом Виллошентисом (Pritzkus Willoszentis) и Кристофом Позевайтисом (Christoph Posewaitis) – получил участок земли и основал деревню Ласдинелен. Договор о пожаловании земли его «курфюршеская светлость Бранденбурга милостивейший государь» Фридрих Вильгельм (Friedrich Wilhelm, 1620 – 1688, правил с 1640) «милостивейше соизволили утвердить» в Потсдаме 17 ноября 1683 года. При этом написание фамилии нового землевладельца в этой жалованной грамоте дано в литовском варианте – Hans Doneleitis.

Много пришлось затратить трудов и пролить пота, прежде чем был выкорчеван кустарник, расчищено и вспахано поле, построены невдалеке друг от друга три крестьянские усадьбы и ранее заброшенное место приобрело обжитой вид. В этом уединённом месте его обитатели благополучно пережили страшную эпидемию «чёрной смерти» – чумы 1709 – 1711 годов, буквально опустошившей Восточную Пруссию. Её жертвой пали свыше 240 тысяч человек из примерно 600-тысячного населения провинции.

Что ожидало Кристионаса Донелайтиса в многодетной – ещё три брата и три сестры – семье? Обычная крестьянская жизнь с её ежедневными заботами и тяжким трудом? А может, и что-то другое. Ведь стали же два его брата ювелирами, а третий – кузнецом.

Недолгими были его невинные детские забавы, игры и шалости. Может, именно поэтому они так запомнились будущему поэту:

*Все мы, по-разному каждый, в ту пору, конечно, дурили,
Глупостей всяких не счесть, совершенных нами в те годы.
Помню, как в детстве, бывало, на улицах мы собирались,
Все позанятней придумать забавы да игры стараясь.
Те – за ватагой ватага – верхом на тростинках и палках
Целые дни по грязи носились с криком и визгом.
Эти, кнуты из мочала скрутив, намотав их на палку,
Щелкали ими, летали туда и сюда как шальные.
Девочки, что не могли без нянек сделать ни шагу,
Куклы уже мастерили из пестрых лоскутьев и тряпок,
Их на ручонках таскали и нянчили – пащенков милых.
Мы-то ведь знаем, как дружно весну справляют ребята.*

Беззаботное детство у Кристионаса закончилось рано – в шесть лет: умер его отец. Действительно,

*Только родимся на свет, как в гости – одна за другою –
Жалуют беды к нам, и от люльки и до могилы
Ни на минуту от них избавления нам не дожидаться.*

Что было дальше? Многое о том периоде неизвестно, но в любом случае две вещи сопровождали жизнь Донелайтиса: нужда и труд. А вместе с ними и стремление к знаниям.

Начальную школу, по всей вероятности, Донелайтис закончил в Кёнигсберге, проживая у своего старшего брата Фридриха. И был явно старше своих соучеников, ибо в среднюю школу он пошёл семнадцати лет и учился там пять лет. Так что 27 сентября 1736 года на теологический факультет Кёнигсбергского университета был записан (имматрикулирован) уже вполне зрелый и целеустремлённый молодой человек.

Но то, что Донелайтис появился на теологическом факультете не ранее указанной даты, имело для него благоприятные последствия. Это позволило ему всё отведённое для учёбы время провести в «Альбертине», а не отправиться на два года в Галле для изучения богословия в тамошнем университете – идейном центре немецкого пиетизма.

Возникшее в конце XVII века новое течение в протестантизме призывало к искреннему благочестию повседневной жизни (отсюда и название от латинского *pietas* – благочестие), углублению веры, добровольному аскетизму, к отказу от светских развлечений. Наибольшее число приверженцев пиетизм нашёл среди ремесленников, батраков, городской прислуги, низшего духовенства.

Для лучшего понимания сущности пиетизма стоит привести слова младшего современника Донелайтиса, выходца как раз из ремесленной среды Иммануила Канта (Immanuel Kant, 1724 – 1804):

«Хотя религиозные представления того времени и понятия о том, что такое добродетель и набожность, были весьма неясны, но соответствовавшие им вещи были найдены. Пусть говорят, что угодно, о пиетизме, но люди, относившиеся к нему серьезно, были люди почтенные. Они обладали наивысшим возможным для человека спокойствием, веселостью, внутренним миром, не смущались никакими страстями, не боялись никакой нужды, никаких преследований. Никакой вызов, никакое задирательство не смущало их внутреннего мира и не побуждало их к гневу и вражде. Словом, всякий наблюдатель невольно должен был уважать их. Я помню еще теперь, как однажды начался спор о правах между двумя цехами – шорниками, выделявшими ремни, и седельниками. Мой отец сильно пострадал в этом деле; но даже при

домашнем обсуждении этой ссоры в словах моих родных было столько пощады и любви к противникам, что, хотя я был небольшим мальчиком, мысль об этом никогда меня не оставит».

Поддерживаемый королём Фридрихом Вильгельмом I, пиетизм завоевал прочные позиции в Кёнигсбергском университете. Профессор этого университета уроженец Кёнигсберга Георг Фридрих Рогаль (Georg Friedrich Rogall, 1701 – 1733) издал здесь в 1731 году сборник религиозных пиетических песен, принёсший ему широкую известность.

С этого же года в Кёнигсберге развернул свою кипучую деятельность посланный сюда прусским королём Франц Альберт Шульц (Franz Albert Schultz, 1692 – 1763). В этом человеке, к тому времени опытным учителе и проповеднике, соединились глубокая вера и широкая образованность, твёрдая воля и огромная энергия. Сначала он стал проповедником в Альтштадтской церкви, а в следующем 1732 году – профессором теологии университета и членом специальной комиссии по реформированию школы и церкви в Восточной Пруссии. В том же 1732 году Шульц первый раз избрался ректором университета (ректор избирался на семестр), а всего он руководил «Альбертиной» восемь раз. Годом позже Шульц становится директором Фридрихсколлегии и руководителем двух университетских семинаров – литовского и польского. Так что учёба Донелайтиса в университете проходила под непосредственным руководством и духовном влиянии Шульца. Поэтому неудивительно, что Донелайтис стал сторонником пиетизма и сохранил верность этому учению на всю свою дальнейшую жизнь.

Зато противником пиетизма, да ещё, пожалуй, главным был профессор теологии Иоганн Якоб Квандт (Johann Jacob Quandt, 1686 – 1772). Борьбу с пиетизмом он, можно сказать, воспринял по наследству от своего отца – альтштадтского пастора Иоганна Квандта, тоже противника пиетизма. Даже учёба в Галле, центре пиетизма и «питомнике» его последователей, не смогла заставить Квандта изменить своим взглядам и убеждениям.

Некоторое время после университета – с 1714 по 1718 год – магистр Квандт служил библиотекарем в библиотеке альтштадтского городского совета, ставшей затем после объединения Кёнигсберга городской. В 1715 году он приступил к преподаванию теологии в Кёнигсбергском университете, разъясняя студентам слово божие в течение 47 лет до самой своей смерти. В приверженности к теологии Квандт не изменил семейной традиции – его предок Бенедиктус Квандт (Benedictus Quandt) был священником в Лёбенихте уже в 1483 году. Иоганн Якоб тоже был пастором – с 1717 года в Лёбенихте.

И. Я. Квандт был выдающимся теологом. Его вышедшая в 1734 году «Прусская домашняя библия» стала первой напечатанной в Кёнигсберге библией. А изданный им в 1743 году в качестве ответа на пиетистский песенник Рогалья сборник религиозных песнопений пользовался большой популярностью.

Квандт был твёрдо убеждён, что ортодоксия является истинным христианским учением, а пиетисты его фальсифицируют. И это своё убеждение он вдохновенно и убедительно отстаивал в своих проповедях и книгах. Блестящий проповедник, он покорила своим талантом даже прусского короля Фридриха II (Friedrich II, 1712 – 1786, король с 1740), назвавшего его лучшим проповедником, которого он знал. Правда, противники Квандта утверждали, что слушателей больше подкупали изящество его речей, чем их теологическое содержание. Но это они говорили, конечно, от зависти.

Назначение Квандта главным придворным проповедником стало официальным признанием его таланта и заслуг.

Теологическая деятельность Квандта – практическая и педагогическая – прекрасно сочеталась с другими сторонами его научной деятельности. Он был прекрасным учёным-востоковедом, знал много языков. Обладал огромной по тем временам личной библиотекой, насчитывавшей к концу жизни около восьми тысяч томов. В этой библиотеке было значительное число раввинских сочинений, свыше четырёхсот книг на английском языке и около трёхсот – на голландском, около пяти с половиной

тысяч небольших сочинений по различным вопросам философии и теологии. Некоторые трактаты уже тогда были большой редкостью (что уж говорить о дне сегодняшнем!).

После смерти профессора его библиотеку – результат многолетних неустанных забот, свидетельство многогранности и широты его научных интересов – к сожалению, не сохранили и распродали в 1773 году с аукциона

Так что ни одна из имевшихся в Кёнигсберге библиотек, в том числе и университетская, не могла, к сожалению, похвастаться поступлением в свои фонды такого огромного числа книг, в полтора раза превышавшего имеющееся в них книжное собрание.

В 1736 году Квандт вместе с Кристианом Целестином Флоттвелем (Christian Cölestin Flottwell, 1711 – 1759) посетили в Лейпциге знаменитого поэта, критика и историка литературы Готшеда (Johann Christoph Gottsched, 1700 – 1766), в результате чего они прониклись идеей создать в Кёнигсберге такое же Немецкое общество, каким руководил Готшед в Лейпциге. Но должно было пройти несколько лет, прежде чем 15 ноября 1741 года это общество под покровительством обер-маршала Эрнста фон Валленродта (Ernst von Wallenrodt,) начало свою долгую двухвековую жизнь. 18 августа 1743 года оно получило от Фридриха II королевскую привилегию и стало называться отныне королевским Немецким обществом. В нём собрались лучшие умы города, которых здесь не волновали и не разъединяли их различные религиозные убеждения и богословские споры. Их заботой было развитие немецкого языка и литературы. Первым директором общества был Флоттвель. Но над директором стоял президент общества. Им-то и стал Иоганн Якоб Квандт.

Десять раз профессор теологии Квандт избирался ректором университета, и все десять раз в зимние семестры: в 1734, 1738, 1740, 1744, 1748, 1752, 1756, 1760, 1764 и 1768 году. И обратите внимание на возраст Квандта в его последнее ректорство: 82 года!

Деятельность Шульца и его сподвижников привела к победе пиетизма в Кёнигсберском университете и распространению его в Восточной Пруссии. Поэтому Фридрих Вильгельм I освободил в 1736 году студентов-теологов «Альбертины» от обязательного (и весьма обременительного для многих из них) двухлетнего курса изучения богословия в Галле. Так что Донелайтис остался в Кёнигсберге. И, думаю, не жалел об этом.

Выбор факультета Донелайтисом был, вероятно, предопределён тем, что на теологическом факультете студентам давались различные льготы, которые были так необходимы бедным студентам. В университете у него – место в общежитии и право посещать столовую для неимущих студентов.

Любознательность и любопытство Донелайтиса водили его по улицам большого города, всего лишь десять с небольшим лет назад ставшим единым городом с пышным и гордым именем «королевско-пруссский столичный город-резиденция». Помощником в описании облика города возьмём нашего соотечественника Андрея Тимофеевича Болотова (1738 – 1833), пришедшего в Кёнигсберг вместе с русскими войсками в апреле 1758 года и прожившего здесь четыре года. Два десятилетия для того неторопкого времени – небольшой промежуток, чтобы привести к существенным изменениям в облике города.

Со всех сторон виден замок, особенно воздвигнутая на одном его углу «превысочайшая и претолстая четвероугольная башня, не имеющая никакого шпица и купола. На плоском ее верхе выставлялось только большое знамя или флаг. Тут, под самым верхом, сделаны небольшие покойцы, и в них имеют всегдашнее жительство несколько человек трубачей и других музыкантов. Должность их состоит в том, чтобы содержать на верху сей башни непрерывный караул и смотреть, не делается ли где пожара, который как скоро они усмотрят, то того момента начинают играть на своих трубах особливые пожарные и набатные штуки». Если пожар случается днём, то в его сторону наклоняется упомянутое знамя, если ночью – в ту сторону выставляется шест с висящим на нём большим фонарём.

От замка в разные стороны расходились улицы – большие и маленькие и кривые. Одна из больших улиц шла в Штайндамм, и была тем примечательна, что «на оной стоят наилучшие и огромнейшие каменные дома, принадлежащие наизнаменитейшим прусским вельможам и нескольким принцам и графам». Рядом с замком начиналась и идущая в Россгартен Французская улица, названная так оттого, «что жили в ней все французы и имели под домами своими наилучшие французские лавки со всякими товарами». Примечательной особенностью этой улицы было то, «что построена была вся на преширокой плотине одного предлинного и преширокого пруда, посреди города находящегося, и одной небольшой речке, впадающей со стороны в Прегель, запруженной. Улица сия была весьма хороша и так построена, что никак узнать было нельзя, что она находилась на плотине, ибо за сплошным каменным строением воды вовсе не видать было».

С 1731 года улицы Кёнигсберга стали освещаться масляными фонарями. Тем не менее ходить по ним ночную пору надо было с опаской, ибо жители «по ночам всякую нечисть и сор выкидывают из домов на улицы, которая, хотя ежедневно, особыми и нарочно к тому определенными людьми и счищается и свозится долой, но нередко бывает от того дурной запах и духота, заражающая воздух».

Проведшему детские годы на деревенском приволье и чистом свежем воздухе Донелайтису так не хватало всего этого в Кёнигсберге. Он скучал по просторам полей, щекощущем нос пряном запахе свежескошенной травы, роскоши зелени деревьев, тихо шепчущихся при лёгких дуновениях ветерка и негодующе шумящих при сильных его порывах, о свистяще-поющем птичьим многоголосьем... Где найти подобное в каменном городе? Конечно, близ прудов – уже упомянутого Замкового и лежащего за городским валом Верхнего.

Немного монет, даже мелких, бывало у бедного студента-теолога. Но думается, и его влекла ежегодная ярмарка. Тем более что «весь город... был в движении, и не оставалось дома, из которого-б жители обоего пола, а особливо в красные и хорошие дни, не выезжали и не выходили на ярмонку, и когда не для покупания, так для смотрения и гуляния по оной». Как раз к последним и относился Кристионас Донелайтис. Хорошо было на ярмарке! Столько людей приезжало сюда из близких и дальних мест, и каждый со своим товаром либо с желанием купить его здесь. На ярмарке можно было встретить разных людей в различных одеждах и нарядах. И, полюбопытствовав, узнать у них много интересного об обычаях и законах, быте и ... стоимости жизни, порассказав им в свою очередь любопытное для них.

«В особенности же наполнена была преужасным множеством народа вся заречная часть города, носящая на себе имя Габерберга. Тут одна длинная и широкая улица вмещала в себе оно до нескольких тысяч, потому что она была главным центром всей ярмонки, и на ней не только производилась наиглавнейшая торговля, но и все обыкновенные в немецких землях ярмоночные увеселения».

Крики зазывал и грохот балаганных барабанов, ржание ездовых лошадей и скрип телег, говор и перебранка покупателей и торговцев сливались в немолчный гомон. Где уж тут было сохранить спокойствие и не слиться с весёлой торгующее-покупающей и глазееющей толпой. А уж от обилия и разнообразия товаров просто рябило в глазах. Покупай только, не ленись. Но и не торопись, а то прогадаешь. И постарайся избежать встреч с лихими людьми, незаметно облегчающими кошельки незадачливым горожанам и другим зазевавшимся покупателям и ротозеям. Да ещё и старающимися умыкнуть товар у потерявшего осторожность и бдительность продавца.

Отрадой души была для Донелайтиса декабрьская Рождественская ярмарка. Впервые упомянутая в ремесленном реестре на 1690 год, она была похожа, скорее, не на ярмарку, а на предпраздничную торговлю на Альтштадтском рынке игрушками к Рождеству и сладостями.

По свидетельству А. Т. Болотова эта ярмарка «начинается в навечерие Рождества и продолжается целую неделю, и особенное имеет в себе то, что торговля производит-

ся не по дням, а только по вечерам и ночью, при огнях. Вся небольшая ... площадь в Альтштадте заграмащается лавочками, убранными разными товарами и освещенными множеством свеч и фонарей; и как торговля производится наиболее медною посудой и конфетами, то блеск огней, отпрыгивающий вкупе от чистой медной и оловянной посуды, развешанной повсюду и расстановленной по всем полкам в лавках, производит довольно приятное зрелище.

Весь город дожидается ярманки сей, власно как некоего особого праздника, и не успеет наступить навечерие праздника Рождества Христова, как все лучшие мещане со всеми своими семействами и малолетними детьми съезжаются и весь вечер гуляют по рядам сих лавок».

Но главным занятием Донелайтиса была, конечно, учёба в университете, здание которого располагалось на острове Кнайпхоф меж двух рукавов реки Прегель. Построенный два столетия назад, «университет сей, – по утверждению Болотова, – ни наружностью, ни внутренностью своей не мог приводить в удивление, ибо здание его было самое простое и старинное, и самая аудитория не составляла никакой важности».

Но как бы ни выглядело университетское здание снаружи, внутри него трудились замечательные преподаватели и учёные. Благоотворно и велико их влияние на становление личности Донелайтиса. Поэтому стоит немного рассказать и о них в дополнении к уже упомянутому Францу Альберту Шульцу и Иоганну Якобу Квандту.

Искусство красноречия и поэзии Донелайтис познавал через посредство профессора поэзии Иоганна Георга Бока (Johann Georg Bock, 1698 – 1762), который сам был ранее студентом той же «альма-матер». Сын городского хирурга Георга Бока стал студентом «Альбертины» в 16 лет, в 1714 году. Тогда маленький Кристионас Донелайтис только ещё учился делать, не спотыкаясь и не падая, свои первые, пока робкие, шаги по родной земле.

В 1727 году Бок стал магистром, приобретя эту учёную степень в Галле. Одарённый искусством поэзии, он многократно писал так называемые «стихи по случаю» – по поводу каких-то событий и дат. Что, кстати, неплохо оплачивалось. К примеру, он написал в 1732 году стихотворное приветствие прибывшим в Восточную Пруссию зальцбургцам. Тогда же Бок пытался построить поэзию на философской основе, изложив свои доводы в двух диспутах «De pulchritudine carminum» («О красоте стихов»), опубликованных на латинском языке в 1732 году. Тут он отошёл от Аристотеля и его приверженцев. Бок дал точное определение своего собственного понятие красоты стихотворения, отличающегося от мнения многих.

Стихотворное мастерство автора и его теоретические изыскания и построения получили достойное вознаграждение в 1733 году в виде должности ординарного профессора поэзии в Кёнигсбергском университете. И магистр Бок был профессором в течение долгих 29 лет до самой своей смерти. Семена поэзии, посеянные им душе Кристионаса Донелайтиса, дали впоследствии чудесные и обильные всходы.

Профессор Бок писал разные стихи – и по содержанию, и по направлению. В том числе и религиозные, как, например, изданные в Кенигсберге в 1743 году «История славного воскресения Иисуса Христа через радостные песни в хижинах праведников», «Божественный триумф при рождении спасителя» и «Говорящая кровь Иисуса». Свои поэтические работы профессор поэзии издал в 1756 году под скромным названием «Стихотворения Иоганна Георга Бока». Большинство из них были уже опубликованы в печати, но некоторые стихи вышли в этом сборнике впервые.

Не замыкаясь на собственном творчестве, Бок издал в 1740 году стихи своего предшественника профессора поэзии и красноречия и знаменитого врача, лейб-медика Иоганна Валентина Пича (Johann Valentin Pietsch, 1690 – 1733). Для этой книги Бок собрал не только все уже ранее изданные стихи, но и те, что остались в рукописях Пича.

Когда один поэт издаёт стихи другого, когда один профессор вспоминает другого, своего предшественника, то это говорит о его порядочности и честности. Подобное случится потом и с самим Донелайтисом, творчество которого после его смерти оценят и сохранят такие же пасторы, как и он сам.

Не забыл профессор Бок и других поэтов, написав «Биографии прусских поэтов и поэтов-песенников».

К сказанному о Боке следует добавить, что «стихи по случаю» писались им и в профессорском звании. Тем более что написание стихов к официальным торжествам и празднествам было вменено в обязанность обладателю такого звания. В 1744 году, в юбилейные для родного университета дни, он сочинил на немецком языке юбилейную оду аж на 48 страницах. После завоевания Пруссии русскими войсками в период Семилетней войны профессору Боку пришлось отойти от привычного восхваления прусского короля и очередной годовщины первой коронации. Новой темой его длинных стихов, приуроченных теперь уже к российским государственным праздникам, стало восхваление новой государыни – императрицы всероссийской Елизаветы Петровны – и нового отечества. И в первую очередь – поздравительные стихи в день рождения государыни.

А государыня не оставила без внимания труды своего нового подданного. Она удостоила его подарка в 500 рублей и освободила от выплаты контрибуции. Так, во всяком случае, сообщается в напечатанном в 1762 году в Кёнигсберге его жизнеописании. Тут к слову можно добавить, что и предшественник Бока профессор Иоганн Валентин Пич тоже пользовался благосклонностью российской императрицы, только другой – Анны, одарившей его 1000 рублями.

Помимо стихотворной деятельности и лекционных занятий в университете Бок много внимания уделял изучению прусского диалекта. Итогом его работы стало издание имеющего большое значение собрания восточно-прусских провинциализмов с длинным, в духе того времени, названием: «Idioticon Prussicum, или набросок прусского словаря». Боком было собрано значительное количество таких слов, хотя и не в полном их объёме. Он не только указал их значение, но зачастую добавил исторические и другие примечания для их объяснения.

Книга вышла в Кёнигсберге в 1750 году, а через два года Бока избрали членом Берлинского общества наук. В конце жизни Бока избрали ректором родного университета на летний семестр 1762 года. В этом качестве он и умер в июле того же года.

Алексей ГУБИН

КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

Моё прочтение романа Николая Островского

Без сомнения, роман Николая Островского «Как закалялась сталь», по первому прочтению в юном возрасте 15-16 лет, произвёл на меня сильное впечатление. Роман неоднократно перечитывался мною в последующие молодые годы. Герой романа – Павел Корчагин – стал одним из моих любимых литературных героев. Это произведение обладает неким гипнотическим свойством, несёт значительный энергетический заряд, завораживает целеустремлённостью. Так я жил много лет в магических воспоминаниях о романе. И вот, вдруг, спустя более полувека, я взял в руки потрёпанную книжку «Как закалялась сталь» и перечитал её снова, исполненный скептицизмом после крушения советской власти. Теперь мне неожиданно открылись те детали, намёки и выводы, которые раньше как-то не приходили в голову и терялись на фоне динамики повествования.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ОСТРОВСКОГО

Роман Н.Островского «Как закалялась сталь» опубликован в 1932 году (первая часть) и в 1934 году (вторая часть). Это было время больших перемен и больших надежд. Светлое будущее отодвинулось вдаль от завтра на послезавтра: нужно было сначала создать сильную экономику, чтобы потом сокрушить мировой капитализм. Тем не менее, идеалы борьбы за коммунизм сохраняли свою привлекательность, несмотря на гримасы НЭПа и бытовую неустроенность. Нет, не напрасны были жертвы Гражданской войны, нет, не напрасны были тяготы послевоенного времени! Да и всемирная революция не за горами. «Я хату покинул, пошёл воевать, чтоб землю крестьянам в Гренаде отдать!» (Михаил Светлов).

Павел Корчагин, главный герой романа «Как закалялась сталь», предстаёт перед читателем как некая мессия, ниспосланная на Землю провидением, дабы своим мученичеством предварить наступление коммунистического рая. Подобно Иисусу Христу, Корчагин не ропщет на судьбу, принесшую ему под конец жизни ужасные страдания. Корчагин мужественно несёт свой крест. И если душа Иисуса Христа принадлежала Богу, то душа Павла принадлежала партии большевиков. Лишь однажды, безмерно страдая распятый на кресте, Иисус воззвал к Богу о помощи. Так и Корчагин лишь однажды, страдая от болезни и неудобств быта, прикованный к постели и ослепший, обратился к партии с просьбой о предоставлении жилья в Москве.

У Павла Корчагина, как и у Иисуса Христа, почти за всю «взрослую» жизнь не было ни собственного пристанища, ни вещей. На ударной стройке узкоколейки он носил пиджак с чужого плеча и куртку, подаренную подружкой Ритой (вернее сказать, передаренную от поклонника подружки). Он жил как Христос: «Не берите с собой ничего: ни посоха, ни сумы, ни хлеба, ни денег, ни запасной одежды». О деньгах и о питании в романе речь идёт два-три раза. Павел Корчагин чётко воспринял заветы Интернационала: «Кто был никем, тот станет всем!», которые перекликаются с Евангельскими заветами: «Кто сейчас самый маленький, тот будет самым великим».

Я далёк от мысли, что Николай Островский списывал образ Павла Корчагина с иконы Иисуса Христа. Дело тут, очевидно, в том, что идеи наивного коммунизма сродни идеям раннего наивного христианства. Параллели между коммунизмом и христианством получились у Н.Островского невольно, без всяких особых намерений.

БИОГРАФИЯ ПАВЛА КОРЧАГИНА

Для составления биографии Павла Корчагина, надо очень внимательно прочитать роман и выудить из него конкретные факты.

Хотя в романе нет прямых указаний на дату рождения Павла, из многих косвенных сведений вырисовывается год рождения: 1902. Сам Николай Островский родился в сентябре 1904 года. Скорее всего, Павел Корчагин родился в Шепетовке. Это реально существовавший город на Украине, в котором Николай Островский в 1924 году был членом окружного комитета комсомола. Описание событий в романе начинается с весны 1914 года (с пасхи), когда Павел насыпал махорку в пасхальное тесто учителя Закона божьего, за что и был изгнан из школы в 12-летнем возрасте. На этом, практически, и закончилось образование Павла Корчагина. Дальнейшее образование Павел пополнял чтением книг, изучением партийно-комсомольских документов и не-систематической комсомольской учёбой.

Мать отдала Павла работать в вокзальный буфет мальчиком на побегушках, где он «провертелся два года». В январе 1917-го года Павла уволили из буфета за небрежность, и он устроился работать на электростанцию, где его и застала Февральская революция. Павлу в это время было 15 лет.

Далее, после нескольких драматических событий, связанных с арестом и побегом – проходят не вполне ясные для читателя один-два года. В 1919-м году Павел Корчагин оказывается в 12-ой армии, а потом – в 1-й Конной армии. Участвовал в боях, был ранен в бедро в начале февраля 1920 года, переболел тифом, 19 августа 1920 года получил тяжёлое ранение под Львовом. Пробыл в киевском лазарете до 14 октября 1920 года. Здесь Павлу Корчагину – 18 лет.

После болезни Павел стал работать в киевской ЧК, но недолго. Уже в конце 1920-го года он перешёл в мастерские неосвобождённым секретарём комсомольской организации. Странно, что нигде не помечено, когда же Корчагин вступил в комсомол? Почему Н.Островский обошёл молчанием столь значимое для комсомольца и коммуниста Корчагина событие? Читатель узнаёт, что Корчагин уже комсомолец, когда Павел находился в 1-ой Конной армии. Мимоходом отмечено, что в декабре 1920 года Корчагин на две недели приезжает в Шепетовку.

Во время строительства узкоколейки, в конце 1921 года, Павел тяжело заболел и в начале 1922 года отправлен в Шепетовку. Он ни разу не послал ни одной весточки в Киев, там его посчитали умершим. Корчагин вернулся в Киев («с того света») к лету 1922 года и стал опять работать в железнодорожных мастерских. Корчагину - 20 лет.

Следующий жизненный рубеж - направление на границу, где Корчагин назначен военным комиссаром батальона. Потом он избран секретарём райкома комсомола в посёлке Берездове (Берездов – реально существовавший город в Хмельницкой области на Украине). На приграничье Корчагин пробыл до конца 1923 года, потом его отозвали в Киев. В Берездове Павла Корчагина приняли в партию. Это событие, в отличие от приёма в комсомол, в романе отмечено особо. Павлу Корчагину – 21 год.

Павел Корчагин – делегат 6-го съезда комсомола в Москве в июле 1924 года. К этому времени он работает секретарём окружного комитета комсомола (неясно, в какой местности). Окружной комитет – это промежуточное аппаратное звено между губернским комитетом и районным комитетом. В этой должности Корчагин пробыл два года.

Летом, видимо, 1925 года Корчагин лечится в санатории, возвращается в Киев, назначается секретарём окружного комитета комсомола «в одном из промышленных округов». Попадает в автокатастрофу, опять лечится в санатории города Евпатории, где знакомится с будущей женой Талей Кюцом. После санатория работает в секретной

части секретариата ЦК комсомола Украины в Харькове. Обострение болезни. Переход на пенсию. Женитьба на Тае Кюцом, видимо, в 1926 году. Корчагину - 24 года.

Потом следует жизнь около Евпатории, потом – «в небольшом приморском городке», потом – переезд с женой в Москву, куда перебирается и мать Корчагина. Это, видимо, 1928 год. Писание книги, ожидание отзывов, потеря рукописи, новое написание романа, отправка рукописи в издательство, получение положительного отзыва. Здесь вполне могло пройти два года. Значит, к концу действия романа на пороге стоял 1930 год и Павлу Корчагину – 28 лет.

СЕМЬЯ

Об отце Павла Корчагина, можно сказать, почти ничего не известно. Лишь на последних страницах романа, из биографии, рассказанной братом Артёмом, читатель узнаёт, что: «Отца мало помню, неполадки у него с матерью были. Заливал он в горло больше, чем следует». Тут, возможно, сыграло свою роль то, что отец самого Николая Островского был унтер-офицером в царской армии, поэтому «автобиографичный» характер романа «Как закалялась сталь» невольно «давил» на сюжетную линию. Негоже, что у коммуниста Корчагина чуть ли не «белогвардейский» отец. Пусть отец лучше будет горьким пьяницей, но пролетарием!

Из других членов семьи Павла более всего внимания уделено брату Артёму и матери Марии Яковлевне. Жизнь старшего брата Артёма в романе описана более-менее подробно. Сопоставляя некоторые факты биографии Артёма, можно вычислить, что он родился в 1900 году, то есть на два года раньше Павла. Мы видим Артёма и начале романа, когда он дружил с дочерью каменотёса красавицей Галей – работницей-портнихой, затем гораздо позднее, когда он вдруг пошёл «в примачи» к «серенькой» Стеше в семью «из пяти ртов без единого работника». В это же время его приняли в партию и его кандидатуру предложили на должность председателя горисполкома. Вот тут, с моей сегодняшней точки зрения, с братом Артёмом есть одна «заковырка». Артём, женившись на Стеше («с отсталой мелкобуржуазной психологией Стеши и её родни» - как написано в романе), вначале «всю свою силу вкладывал в плуг, обновляя захирелое хозяйство». Ну, и что здесь плохого? Кто-то должен был пахать и сеять, чтобы киевские комсомольцы могли получше питаться в ходе строительства коммунизма! «Какая нелегкая затянула сюда Артёма? – размышлял Павел. – Будет Стеша рожать каждый год. Закопается, как жук в навозе». Опять же, разве плохо рожать каждый год? Кто же будет строить коммунизм, если сократится рождаемость? Вон, мы сейчас (после 1990 года) и подошли к критической демографической ситуации, перестав рожать нужное стране количество детей. Как же должен был поступать Артём и другие мелкие крестьянские собственники? Бросать свою землю и топтать на промышленное производство? Ведь сам же Павел Корчагин, участвуя в дележе земли в Берездове, оптимистично проронил, имея в виду коллективизацию: «Через двадцать лет у нас ни одной межи не останется». Но эти двадцать лет надо было что-то кушать... А для этого надо было и пахать и сеять. Однако, как положительное явление, в романе отмечено решение Артёма переселиться «с семьёй к депо поближе. А то мне от этой земли дышать трудно». (Это был ответ Артёма на сакраментальный вопрос из зала при приёме в партию: «Пусть товарищ Корчагин скажет, почему он на землю осел и не отрывает ли его крестьянство от пролетарской психологии». Сохранение «пролетарской психологии» для товарищей пролетариев-рабочих, оказывается, было важнее производства сельскохозяйственной продукции!!!). Такова странная логика писателя Николая Островского. Видимо, слышал он краем уха ленинскую мысль, что, мол, крестьяне ежеминутно и ежечасно рожают мелкую буржуазию. Вот и постарался поэтому отодвинуть Артёма подальше от зловредного рассадника.

Совсем мимоходом, устами Артёма Корчагина, в романе сказано, что «было нас у матери четверо» и что однажды «мать уехала к старшей дочери, муж которой работал машинистом на сахарном заводе». Этими скудными строчками ограничена информация ещё о двух членах семьи. Собственно, о четвертом ребёнке читателю ровным счётом ничего не известно. В переписке Павел состоял, судя по роману, лишь с бра-

том Артёмом и с матерью. В общем, о судьбе отца Павла Корчагина и о его четвёртом брате или сестре писатель Н.Островский почему-то не счёл нужным давать какие-либо пояснения. В чём тут заковырка, непонятно.

ОБРАЗ ПАВЛА КОРЧАГИНА

Здесь я коснусь только отдельных эпизодов, не ставя целью проанализировать все личностные качества Павла Корчагина. Вообще-то роман «Как закалялась сталь» можно отнести к жанру «социалистического романтизма». Образ Павла Корчагина идеализирован в духе тогдашних представлений о человеке эпохи строительства коммунизма. Во имя строительства светлого будущего не жалко отдать жизнь – таков был девиз тех лет. Вспомним: «Умираю, но верю – наше солнце взойдёт», «Смело мы в бой пойдём за власть Советов, и как один умрём в борьбе за это», «Капля крови густой на груди молодой: комсомольское сердце пробито». Получается, что принятие мученической смерти ради веры в торжество коммунистических идей, сродни мученичеству христиан за истинную веру. (Возвращаю к главе «Евангелие от Островского»). Человеческая жизнь – ничто в революционной буре. Одни умирают во имя свободы, другие гибнут от рук первых.

Эстетические вкусы Павла Корчагина продиктованы его образовательным уровнем: три года начальной школы. Потом он пополнил своё образование чтением книг. Из прочитанных Павлом книг в романе отмечены: «Джузеппе Гарибальди», «Железная пята», «Мятеж», «Овод», «Спартак», книги Ф.Купера, М.Горького и ... «Капитал» Карла Маркса(!). Относительно «Капитала» я имею большие сомнения в том, что Павел Корчагин смог его осилить. «Капитал», равно как и «Библию», смогут осмысленно прочитать лишь люди, имеющие достаточную к тому подготовку. Видимо, Павел ознакомился лишь с коротеньким изложением многотомного труда Карла Маркса в какой-нибудь тоненькой брошюрке для партактива. В период работы в железнодорожных мастерских, имея относительно свободное время, Павел «вечерами допоздна застревал в публичной библиотеке». Однако думается, бессистемное чтение книг не может заменить классического образования. В дальнейшем, в ходе беседы Павла с заместителем редактора газеты (куда его направили работать по путёвке губкома) выяснилось, что писал он «малограмотно», не знал «русского языка» (подразумевался литературный русский язык), допускал «стилистические неправильности». Тут-то и появилась почва для рассуждений о том, что как это «малограмотный» Корчагин мог написать большой роман. И соотнеся это предположение на самого Николая Островского, некие критики предположили, что роман «Как закалялась сталь» писали «литературные негры». Но не буду мусолить эту скользкую тему...

Музыкальные пристрастия Павла Корчагина ограничивались виртуозной игрой на баяне частушек, «Яблочка», украинских мелодий и пением революционных песен. Активную неприязнь у Корчагина вызвали публичные исполнения романса «Пылала ночь восторгом сладострастья» и вихлястого фокстрота.

Мещанские забавы, типа посиделок с играми во «флирт», в «кормёжку голубей», в «колечко», в «почтальона» с непременными поцелуями – казались Павлу «уродливыми и немного смешными». Он решительно покинул вечеринку, прихватив с собой шестнадцатилетнюю Муру Волынчеву, сестру комсомольского активиста, дабы уберечь её от соблазнов мелкобуржуазной мещанской культуры.

Корчагин бросил курить в 20 лет. Тогда же он пообещал покончить с руганью. Видимо, это оказалось труднее, чем бросить курить. В «пролетарской» среде ругань считалась обычным явлением. А впрочем, теперь (то есть в наши дни) матерщина проникла во все слои общества и даже в телевидение. Что ж было требовать от Павки Корчагина!?

В романе не заостряется такая тема, как убийство Павлом четырёх человек. Двое убитых во время боя: польский пулемётчик под Житомиром и польский солдат под Львовым. Затем было убийство бандита в Киеве. Про четвёртого убитого, ни про обстоятельства этого убийства – в романе ничего не сказано.

В романе помечено, что Корчагин плясал чечётку три раза. Но отмечен лишь тре-

тий последний случай пляски Корчагина на свадьбе Николая Окунева с Талей Лагутиной.

Главное же, что характеризует характер Павла Корчагина, несомненно, беззаветная преданность делу, целеустремлённость действий, умение преодолевать физические страдания. Можно подумать, что Корчагин был совершеннейший аскет, чуждый плотских утех. Позднее мы увидим, что это совсем не так. Но сначала разберёмся с ударной стройкой железной дороги под Бояркой.

СТРОЙКА

Сегодня, перечитывая «Как закалялась сталь», я не могу отделаться от мысли, что кошмарная эпопея разгильдяйства и безответственности представлена в романе как то самое место, где должна «закаляться сталь». Начнём с предыстории начала строительства узкоколейки.

Так получилось, что «Желлеском» (железнодорожный лесной комитет) своевременно заготовил дрова на зиму для города Киева, но вот почему-то никто не побеспокоился о средствах доставки этих дров в город и оставил дрова в глухом лесу. Получилось так, что от пункта лесозаготовки до железной дороги расстояние составило шесть вёрст. Не было найдено иного выхода, как за три месяца построить узкоколейку. Срок – 1 января 1922 года. Следовательно, спохватились примерно в начале октября, когда зима стояла уже на пороге. На заседании губисполкома, помимо прочего, было сообщено, что за «много дней» до этого был произведён арест «руководящих специалистов», как «замешанных в заговоре». Предположим, что так оно и надо было. Но где же были бдительные товарищи из губкома? Как же это они проглядели под боком вредителей и врагов? А не крылась ли причина срыва доставки дров именно в поспешных арестах чиновников и в обезглавливании руководства «Желлескома»? Что-то здесь не так...

Ну что ж, всякое бывает... Теперь надо срочно исправлять допущенный просчёт. «Но в Боярке рабочим негде жить. Рабочих придётся посылать партиями на две недели, больше не выдержат. Бросим туда комсомольцев, Аким? – И, не дождавшись ответа, продолжал: – Комсомол кинет туда всё, что только сможет» – такую тираду произнёс председатель губисполкома. Получается, что о постройке хотя бы временного жилья речи не шло. Кадровых рабочих будут посылать на две недели, они «больше не выдержат». А комсомольцев, не дожидаясь их ответа, можно «кинуть» на неподготовленную стройку без ограничения срока. Пусть они там закаляются, как сталь. Или даже умирают...

Погода не баловала строителей. Дождь на стройке лил как из ведра. «Недалеко» от приютившейся «маленькой станции» угрюмо взгорбился каменный остов здания. Всё, что можно было вывернуть с мясом – всё давно уже забрала рука мародёра. Вместо окон и дверей – дыры, вместо печных дверок – чёрные пробоины. Сквозь дыры ободранной крыши видны рёбра стропил. Нетронутым остался лишь бетонный пол в четырёх комнатах. На него к ночи ложились четыреста человек в одежде, промокшей до последней нитки и облепленной грязью. Люди выжимали у дверей одежду, из неё текли грязные ручьи. Отборным матом крыли они распроклятый дождь. Тесными рядами ложились на бетонный, слегка запорошённый соломой пол. Одежда парилась, но не просыхала. А сквозь мешки на оконных рамах сочилась на пол вода. Дождь сыпал густой дробью на остатки железа на крыше, а в щелястую дверь дул ветер». Какие могут быть тут комментарии! Рабы-негры на плантациях жили в более комфортных условиях, чем обладатели освобождённого труда! И как в таких условиях можно было отучаться от нецензурной ругани!

Дальше – больше. «Утром пили чай в ветхом бараке. В обед ели убийственную в своём однообразии чечевицу, полтора фунта чёрного хлеба». Об ужине не сказано ни слова. Да что ужин, когда даже с подвозкой хлеба возникали перебои... Да и где было брать продукты питания, когда даже положительного коммуниста Артёма Корчагина «тошнило» от сельскохозяйственных работ.

Об одежде лучше и не говорить. Корчагин «с самого начала страдал из-за худых

сапог, сейчас же одна подошва отлетала совсем и голая нога ступала в холодную глиняную кашу. Павел с отчаянием взглянул на сапог и нарушил данное себе слово не ругаться». Неудивительно, что приехавший на стройку комсомольский функционер Аким «видел вокруг бледные лица».

Помимо этих невзгод, строителей подстерегала ещё одна смертельная опасность. Зная, что в районе стройки орудует антисоветская банда, организаторы не позаботились обезопасить стройку от налётов бандитов. И только тогда, когда бандиты стали действительно нападать на стройку, прислали на помощь конный отряд.

Наступила зима. Землю сковал мороз. Лопатами долбали комсомольцы мёрзлый грунт вставшего на пути холма. Наконец, кому-то из организаторов пришла в голову здравая мысль: прислать на стройку бронепоезд с подрывниками и за считанные минуты взорвать возникшее препятствие. Ну, прямо нет слов!

Когда же трескучие морозы окончательно dokonали строителей, то в Боярку прислали четыре классных вагона, но только «для жилья вновь посланным рабочим». Об улучшении жилищных условий изначально посланных на строительство комсомольцев речи не шло. Ничего, выдержат! «Гвозди бы делать из этих людей»!

Зато! «Дмитрий! – писала Анна, – Мы отобрали вам гору литературы». Да уж чего-чего, а с партийной литературой всегда было всё в порядке! Но сомнительно, чтобы насквозь промокшие, замёрзшие, голодные и матерящиеся люди, лежа вповалку на холодном бетоне, могли настроиться на чтение книг. Уж лучше бы Анна напекла бы пирожков с капустой и отослала бы их на стройку к изголодавшимся на чечевичной похлебке комсомольцам!

Впрочем, по поводу авральной стройки могут возникнуть иные сомнения. Первое. Неужели снабжение дровами огромного города Киева зависело только от шести-верстовой узкоколейки и от одной лесной делянки? Неужели специалисты в «Желлескоме» (не всех же их пересажали за вредительство!) не владели ситуацией? Ведь осталось же в конторе ещё 200 служащих! Неужели все они были сплошь вредителями? Почему же в романе так карикатурно показана фигура председателя «Желлескома»: «Лысый человек, угрём ускользал от прямых ответов, глаза бегали по сторонам...» И как-то косвенно, почти между строк, в романе прозвучало: вывоз дров изначально планировался гужевым транспортом; но, по-видимому, по каким-то причинам гужевого транспорта в достаточном количестве не оказалось (может лошади сдохли от недоедания). Вот и подошли к тому, к чему подошли. Вот и пришлось «кинуть» на строительство безответных комсомольцев и принимать на митингах оптимистические резолюции: «Мы, строители узкоколейки, заверяем вас, что, несмотря на все препятствия, дадим городу дрова к первому января. Да здравствует Коммунистическая партия, пославшая нас!» Воистину, благодарный раб целует свои цепи!

ЛЮБОВЬ

Образ Павла Корчагина поначалу может показаться заштампованным в некие доктрины, где нет места обычным человеческим чувствам. Мне кажется, что – или специально, или неумышленно – чувственно-любовная линия романа искусно запрятана среди прямолинейных линий. Вот, например, 16-летний Павел играет вечером на завалинке на гармошке. Среди молодёжи и Галка, подруга брата Артёма. Галка балуется с Павлом, шутливо обнимает его: «Чувствует Павка плечом её упругую грудь и от этого у него становится тревожно, волнуяще». Немного позднее, когда Павла посадили в каталажку, с ним вместе оказалась молодая Христина, которую петлюровцы посадили до вечера, чтобы потом позабавиться с ней. Ночью Христина обнимает Павла, тянет его к себе: «Слухай, голубе,- шепчут горячие губы, – мне всё равно пропадать. Бери меня, хлопчику милый, щоб не та собака девичность забрала». Хватило сил оторваться...»

Тоня Туманова

Первая большая любовь пришла к Павлу Корчагину, когда он познакомился в Шепетовке с дочерью лесничего Тоней Тумановой. Девушка тоже симпатизировала Павлу. Но коचेгар Павел и вельможная Тоня – чуждые друг другу классовые элементы.

Либо Корчагину надо было «подниматься» от пролетарского уровня до мелкобуржуазного бытия, либо Тоня должна было «опуститься» с аристократических высот на уровень рабоче-крестьянского существования. Ни то, ни другое не могло реализоваться в условиях того времени.

Но ведь была любовь! «А эта девушка на пути – большое счастье. «Я так люблю тебя, Тоня!» И боясь заснуть обнявшись, чтобы не увидела мать, и не подумала нехорошее, разошлись». И когда Павел Корчагин лежал после ранения в киевском лазарете, Тоня Туманова приехала к нему в Киев, и после лазарета Павел жил в Киеве у Бурановских, где остановилась Тоня. Не стану пересказывать все детали, остановлюсь на двух эпизодах.

В Киеве Павел привёл Тоню в клуб на комсомольское собрание. Тоня оделась «очень изящно, нарочито изыскано. В клубе ему было тяжело видеть её расфранчённой среди выцветших гимнастёрок и кофточек». И потом – «дешёвый индивидуализм Тони становился непереносимым». И дальше получается очень интересно. Ранее, в Шепетовке, юный Павка шептал на ухо Тоне: «Если ты от меня не откажешься, тогда я буду для тебя хорошим мужем». Теперь же в Киеве Павел говорит Тоне такие слова: «И я плохим буду мужем, если ты считаешь, что я должен принадлежать прежде тебе, а потом партии. Я буду принадлежать прежде партии, а потом тебе». Действительно, в этой неравной любви кому-то из них надо было пожертвовать классовыми интересами: либо аристократке Тоне Тумановой переодеться в выцветшую полувоенную гимнастёрку, либо пролетарию Павлу Корчагину пересмотреть свои приоритеты и переметнуться в буржуазный стан.

Теперь о последней встрече Павла с Тоней на злополучной стройке в Боярке. Тоня с мужем-инженером едет в большой город. «Она с трудом узнала в оборванце Корчагина. В рваной, истрёпанной одежде и фантастической обуви, с грязным полотенцем на шее, с давно не мытым лицом стоял перед ней Павел. И вот этот оборванец, похожий на бродягу, был ещё так недавно ею любим». Вполне справедливо Тоня спрашивает у Корчагина: «Неужели ты у власти ничего не заслужил лучшего?» Однако у Павла иное мнение: «О моей жизни беспокоится нечего, тут всё в порядке. А вот у вас жизнь сложилась хуже, чем я ожидал». Следовательно, Павел Корчагин считает, что женитьба Тони на ответственном работнике и ожидаемая ею уверенно-спокойная жизнь, – хуже, чем он ожидал. А что он мог ожидать?...

Рита Устинович

Коль скоро у Павла Корчагина, из-за классовых расхождений, не получилось наладить отношения с Тоней Тумановой, то должны были бы всё же наладиться с товарищем по партии – Ритой Устинович.

Вначале коснусь того обстоятельства, что до знакомства с Корчагиным, Рита побывала в родном городе Корчагина, Шепетовке. В Шепетовке Рита коротко сошлась с Серёжей Брузжаком – детским приятелем Корчагина. Более того, от Серёжи Рита узнала о существовании Павла Корчагина: «Сергей читал Рите письмо Корчагина». Отношения Сергея и Риты нельзя назвать невинными, скорее наоборот: «Рита внезапно обхватила его белокурую голову, властно поцеловала в губы». Сергей Брузжак погиб в бою.

Теперь взглянем на описание первой встречи Павла Корчагина с Ритой Устинович. Павел пришёл в губкомол (губернский комитет комсомола) с направлением на работу. Дежурный парнишка направил его в Рите Устинович, занимавший в губкомоле какое-то важный пост. «После короткой беседы со смуглой дивчиной было решено: Павел идёт секретарём комсомольского коллектива в мастерские». Получается, что первая беседа оказалась настолько короткой, что Рита даже не поинтересовалась, откуда родом Корчагин; иначе она должна была бы обязательно вспомнить о своём любимом юноше в Шепетовке – друге Корчагина. Возможно другое – предположим, Рита вспомнила о письме Корчагина к Сергею, но тогда почему же это воспоминание обойдено вниманием Николая Островского. И вообще, зачем тогда было вводить в роман эпизод дружбы Риты и Сергея? В романе довольно туманно сообщается, что до встречи с Корчагиным «двум

большевикам отдала она свою любовь. Один – мужественный великан, комбриг, другой – юноша с ясными глазами». О первом более ровным счётом ничего не сообщается, второй – это Серёжа Брузжак. Есть тут какая-то недомолвка.

Отношения Павла Корчагина с Ритой Устинович, судя по строкам романа, балансируют на грани. «Для него Рита была неприкосновенна. Это был его друг и товарищ по цели, его политрук, и всё же она была женщиной. Павел чувствовал глубокое ровное дыхание, где-то совсем близко её губы. От близости родилось непреодолимое желание найти эти губы. Напрягая волю, подавил желание». Далее последовала глупейшая ревность Павла к приехавшему брату Риты, которого он принял за её мужа. Вот те на! Неужели Рита стала бы скрывать от Павла и от всей комсомольской братии своё замужество?! Тем не менее, этот эпизод послужил толчком к таким рассуждениям Павла: «Любовь приносит много тревог и боли. Разве теперь время говорить о ней?». Короче говоря, Павел стал отдаляться от Риты. А ведь Рита прислала Павлу тёплую тужурку на адскую стройку в Боярке. И именно Рита, после получения ложного известия о смерти Корчагина, записала в своём дневнике: «Гибель Павла открыла мне истину: он мне дорог больше, чем я думала».

Вернувшись в Киев поле болезни, Павел уже не застал Риту в городе. Впрочем, как мне кажется, разыскать её не представляло труда: она уехала в Харьков и работала там в ЦК комсомола Украины, состоя членом ЦК. Тем не менее, Павел Корчагин, неожиданно для себя (а ещё более неожиданной для Риты) встретил её через три года на съезде комсомола в Москве. К этому времени Рита оказалась замужем и родила дочку. К прошлому возврата не могло быть!

С этого момента Рита Устинович окончательно исчезает со страниц романа. Спустя ещё два года Павел Корчагин приезжает в Харьков и работает там в аппарате ЦК. Работай там Рита, он бы обязательно столкнулся бы там с ней. Но об её дальнейшей судьбе, в отличие от судьбы Тони Тумановой, читатель так ничего и не узнал.

Тая Кюцам

Увы, мещанский быт, с которым так яростно боролся Павел Корчагин, коснулся его самого в конце жизни. Больной Павел оказался втянутым в склоки семейства своей жены Таи Кюцам. Тесть почему-то возненавидел Корчагина. Брат жены, Жорж «вместе с антисоветски настроенной семьёй своей жены повёл подкопную работу, пытаясь во что бы то ни стало выгнать Корчагина из дома и оторвать от него Таю». Из письма Павла к брату Артёму проскальзывает горькая озабоченность: «Экономика у нас простая и несложная – тридцать два рубля моей пенсии и Таин заработок». Тая «служила домработницей, сейчас посудницей в столовой». Ну и дела! Жена Корчагина работает домработницей, конечно же, не в пролетарской семье, а в семье типа Тони Тумановой! Да и заработок у неё вряд ли превышал пенсию Павла. Около шестидесяти рублей на двоих в 1925 году – это достаточно скромно. Во всяком случае, мечта о дворцах, в которых будет жить победивший народ, не сбылась.

Тем не менее, отрадно то, что Тая Кюцам осталась верной подругой Корчагину во дни его тяжёлой болезни. «Она не была красавицей, но большие карие глаза, тонкие, монгольского рисунка брови, красивая линия носа и свежие упрямые губы делали её привлекательной; молодой упругой груди тесно под полосатой рабочей блузкой». Конечно, вскоре ослепшему Павлу внешняя красота жены была недоступна. Но главное то, что радость Павлу приносил идейно-политический рост его жены, её вступление в партию, её партийная деятельность.

Девушки

Несмотря на приверженность идеям революции, Павел Корчагин отнюдь не был совершеннейшим аскетом на женском фронте. Женские товарищи по комсомолу и по партии постоянно оказывали Корчагину знаки внимания, и он не отвергал их решительно.

Вот товарищ по комсомолу Ольга Юренева, при появлении Корчагина после болезни «долго, рассеянно, но радостно жала ему руки».

Вот комсомолка Таля Лагутина «не любит пускать в свою комнату представителей мужского пола», но для Павла сделала исключение. Однажды «на его руку легла рука Тали и крепко-крепко сжала её».

Анна Борхарт «...с глазами Корчагина встретилась, несколько секунд длилось некое состязание». После спасения Корчагиным Анны от бандитского нападения, Павел «стал ей теперь дорогим и близким». Вскоре всё «...чаще стали видеть электрика у Анны».

Слатышкой Мартой Лауриной Павел Корчагин познакомился в санатории и их взаимные симпатии не стали тайной для отдыхающих. При отъезде Павла из санатория, «Марта исчезла и Павел уехал, не простившись с ней». Однако позднее «от Марты пришло письмо. Она звала к себе погостить и отдохнуть». И Павел, действительно, прожил у неё в Москве около 20-ти дней.

На этих случайных эпизодах внимание читателя не слишком заостряется. Известно лишь, что Таня Лагутина вышла замуж за комсомольца Окунева, а Анна Борхарт – за приятеля Павла – Жаркого.

ПРАВОО ДЕЛО

Сейчас, когда я пишу эти строки, со времени написания романа прошло более семидесяти лет. За эти годы успел укрепиться могучий Советский Союз, одержана победа над фашистской Германией, достигнуты успехи в освоении космоса. В то же самое время выявились ужасы сталинских лагерей, оказалась непрочной «нерушимая» дружба между народами СССР, зацентрализованная до предела экономика страны не смогла справиться с кризисом в сельском хозяйстве и в насыщении потребительского рынка нужными товарами. Диктатура пролетариата, подменённая диктатурой коммунистической партии, перестала быть привлекательной для промышленно развитых стран, строящих свой «капиталистический социализм». Получается, что напрасно Павел Корчагин положил своё здоровье и свою жизнь на алтарь несбывшихся надежд.

Павлу Корчагину не довелось воевать с белой гвардией. Его военные дни пришлись на борьбу с «белополяками». Ныне эта война Советской России с Польшей представлена, как попытка на красных штыках занести в Польшу власть Советов. Ожесточённое сопротивление поляков, не желавших получить «благодатное» правление большевиков, вынудило Красную армию спешно оставить Польшу. Николай Островский лаконично отмечает: «Белопанская Польша осталась жить. Мечту о Польской советской социалистической республике пока не удалось осуществить». Впрочем, эта мечта (чья мечта?) формально осуществилась в 1945 году, когда образовалась Польская социалистическая республика. Но социализм в Польше продержался не более полувека. Уже в 1980 году рабочее движение «Солидарность» так потрясло Польшу, что только введение диктатуры генерала Ярузельского спасло её от гражданской войны и от вторжения Советской армии. Что ж, и здесь идеалы Корчагина потерпели крах. Так получается с одной стороны.

Но с другой стороны, не хочется думать, что те, кто жил и умер во имя светлых идей, жертвовали собой напрасно. Ведь историю не переделаешь и не изменишь. Что было, то было. И если бы не было бы героической жизни Павла Корчагина, не было бы смертельной схватки жуткой Гражданской войны (кто там прав, а кто не прав?), – то нынешняя жизнь была бы совсем другой. Но жизнь, какая есть, такая уж есть, и продолжается.

В битве великой не сгинут бесследно

Павшие с честью во имя идей:

Их имена с нашей песней победной

Станут известны миллионам людей.

Калининград, 2007-2009 гг.

Инна ГОЛОВКО

Гражданское общество, культура, демократия

История термина «гражданское общество» через работы Цицерона и других римских авторов восходит еще к философам древней Греции. Однако в их работах гражданское общество приравнивалось по смыслу к государству. С развитием частной собственности, конкуренции, буржуазии, а также все возрастающая потребность в свободе и демократии привели к тому, что большинство теоретиков политики от Томаса Пайна до Гегеля стали рассматривать гражданское общество как сферу, параллельную, но отдельную от государства.

В середине XIX века термин «гражданское общество» на время вышел из употребления, так как главным предметом исследования стали последствия индустриальной революции. Он снова вернулся на сцену после Второй Мировой Войны, став ядром независимой политической деятельности, сферой борьбы против тирании. С падением Берлинской стены активисты восточноевропейских стран подхватили знамя гражданского общества, наделив этот термин героическим смыслом.

В 1990-ых гражданское общество стало волшебным словом для всех и каждого, от политиков до президентов. В Соединенных Штатах и Западной Европе зажегся интерес к гражданскому обществу как к средству общественного обновления. Информационная революция обеспечила новые инструменты для налаживания связей и роста гражданской инициативы. В понимание гражданского общества входят все организации и ассоциации, которые существуют вне государства, включая политические партии, рынок, различные неправительственные организации по группам интересов, профсоюзы, этнические ассоциации, религиозные организации, студенческие союзы, культурные организации, спортивные клубы и неофициальные сообщества. Они способствуют росту гражданской инициативы, формируют политику, оказывая давление на правительство и предоставляя аналитическую информацию публичным политикам. Они обеспечивают обучение навыкам лидерства молодых людей, стремящихся активно участвовать в общественной жизни.

Активное разноплановое гражданское общество играет ценную роль в развитии демократии. Оно дисциплинирует государство, обеспечивает серьезность рассмотрения интересов граждан, развивает гражданское и политическое участие.

Наша страна по сравнению со странами со стабильной демократией сохраняет слабое гражданское общество. Длительный тоталитарный режим наложил свой отпечаток на сознание граждан, сделав народ послушным орудием в руках диктатора и его сатрапов, политика которых повлекла немыслимые человеческие жертвы. Количество общественных организаций в нашем обществе не растет, а уменьшается, так как не имеют в обществе стабильную поддержку и надежные источники финансирования. В Западной Европе, например, широко распространена правительственная поддержка гражданского общества, в том числе и групп, которые бросают правительству вызов, например, организации по защите окружающей среды, союзы борьбы за права человека. В Соединенных Штатах в результате проведенных анали-

зов правительство является практически в два раза большим источником дохода для американских некоммерческих организаций, чем частные вклады, несмотря на наличие в Америке множества фондов и программ финансирования..У нас же этот сектор зачастую оказывается подавлен частным и государственным секторами, имеющими очень незначительные связи с народом, от имени которого они действуют.

Видный профессор публичной политики Френсис Факуяма в статье «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» пишет: «Укрепление социального капитала может существенно повысить эффективность социально-экономической политики государства. В обществе существует дефицит устоявшихся, разделяемых людьми ценностей трудовой этики и ответственности, корпоративной идентичности и самоотдачи, что сдерживает формирование отношений доверия между работодателями и работником, партнерами по бизнесу. Дефицит доверия населения к рыночным институтам производства, потребления и распределения товаров и услуг выступает тормозом социальных и экономических преобразований общества. В силу этого затрудняется реализация трудовых отношений, бизнеса, социального партнерства».

Важными предпосылками для формирования социального капитала является высокий уровень межличностного доверия и широкий доступ граждан к средствам связи и массовой информации. От уровня межличностного доверия зависит готовность людей вступать во взаимоотношения друг с другом. Как подчеркивает Ф. Факуяма, «доверие – это возникающее у членов общества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающим, в согласии с некоторыми общественными нормами». В свою очередь, широкий доступ граждан к средствам связи и массовой информации позволяет расширить географию социальных контактов и способствует укреплению национального единства, создавая у людей чувства сопричастности к актуальным для общества событиям и проблемам.

Социальный капитал передается и воспроизводится через исторические культурные механизмы, такие как традиции, разделение общепринятых норм и ценностей; это позволяет говорить, что он в своем основании имеет человеческую природу. Поэтому наличие и запас социального капитала зависит от исторического развития страны, которое определяет непрерывность ее культурных традиций. Социальный капитал формируется из качества и количества социальных взаимодействий в обществе. Поэтому он определяется такими показателями как внутригрупповые нормы, развитие ассоциативной деятельности и доверие. Так же на основе сравнения нематериальных форм капитала и их конвертации можно увидеть, что категория «социальный капитал» включает в себя определенный набор аспектов, которые характеризуются следующими свойствами:

- социальный капитал, как и другие виды капитала, является ресурсом и имеет способность к конвертации;
- социальный капитал расположен в структуре взаимоотношений, это и отличает его от других форм капитала;
- социальный капитал не является атрибутом отдельного человека, а состоит в возможностях реализации своих целей через социальную сеть.

Таким образом, социальный капитал, основой которого являются его граждане с его историческими традициями, с его культурой, включающей такие явления как структура семьи, религии, моральные ценности, этническое сознание, уровень жизни. Воспитание молодежи в духе свободы и демократии способствует появлению человека новой формации, свободного от догм и ложных стереотипов, поколения, свободного от рутины мышления и трафаретов чувств. Культура может заменяться идеологией, а культурные учреждения религиозными заведениями, создав ценности-фетиши. После Освенцима культура узнала, что она может быть материализованным фетишем, корыстным захватом человеческого духа. Так, в нашей области передача церкви старинных зданий кирх и замков, особенно тех, в которых расположены учреждения культуры, колеблет веру и подрывает свободное развитие личности. Стало быть, выход в отречении от культуры? Напротив, в ее самопознании, в ее воз-

вращении к человеку. Есть глубокая уверенность, что разрушение культуры будет, наконец, остановлено, так как от развития культуры зависит и развитие общества.

Таким образом, уровень гражданского общества и культуры являются определяющими для нового демократического государства, возникающего из своего авторитарного прошлого.

«Подлинная ценность демократии состоит в том, что она должна защищать нас от злоупотреблений властью. Демократическая система позволяет нам избавиться от одного правительства и выбрать себе другое, которое, как мы надеемся, будет лучше,» - подчеркивал Хайек, классик либерализма.

Становление демократии в нашей стране, по сравнению с западноевропейскими странами, где действуют устоявшиеся политические институты, такие как конституция, судебные и партийные системы, рыночные структуры и др., идет медленно.

Даже в условиях ограниченной демократии повышается способность власти на прогрессивные общественные преобразования. Земельная реформа П. Столыпина оказалась бы невозможной без развернувшихся в конце XIX в. острых общественных дискуссий о судьбе сельской общины и путях развития сельского хозяйства. Результатом этой реформы было значительное увеличение производства продовольствия. Объем производства зерна в 1909-1913 гг на 28% превышал соответствующий показатель в США, Аргентине и Канаде вместе взятых.

Возникшая у нас т.н. «управляемая демократия» замедлила решение общественных проблем, уровень жизни большинства населения остается низким, малый и средний бизнес задавлен бюрократией, а коррупция не обнаруживает ни малейших признаков ослабления. Поэтому вопрос о защите подлинных демократических прав и свобод приобретает в настоящее время особое значение. Дело в том, что нам хочется жить в стране под названием Россия, а ее будущее зависит от того, станет ли она реально демократической или нет. Мы уже не раз убеждались на нашем печальном опыте, что никакие авторитарные режимы Россию и ее народ к процветанию не приводят...

Вопрос сегодня заключается в том, сможем ли мы мобилизовать общественное мнение. Поэтому дискуссии по проблемам защиты и развития демократических институтов, дискуссии, проводимые не с подачи властей, а, напротив, с целью установить демократический контроль над властью, представляются чрезвычайно важными. Конституционный закон о гарантиях народовластия в Российской Федерации, предусматривающий меры публично-правовой ответственности всех ветвей власти за осуществление своих полномочий и вмешательство в компетенцию друг друга гарантирует принадлежность власти народу Российской Федерации. Весь вопрос в том, осознаёт ли это власть?.. И действует ли конституция – на деле, а не в предвыборных прокламациях?

Алексей ПОПОВ

Рейдеры именем Божиим

Главным событием культурной жизни 2010 года стал вовсе не театральный или литературный фестиваль, не премьера и не выставка. Главным событием стала невиданная по объемам передача Русской Православной церкви, – а точнее ее Калининградской епархии – недвижимости на территории области. То нарушение законов юридических, законов логики, здравого смысла, да и, похоже, законов Божьих, которое сопровождало эту акцию, можно считать беспрецедентным – по крайней мере, для новейшей истории.

Заработанный ломоть лучше краденого каравая.
Патриарх Алексей II

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Автор, имея длительный опыт общения с работниками разнообразных правоохранительных органов, считает своим гражданским долгом предупредить их о нижеследующем:

Все мнения, изложенные в данном тексте, являются собственными мнениями автора. При этом мнениями следует считать любые оценочные суждения, точки зрения и эмоциональные оценки, даже если они не предваряются магической формулой «лично я считаю, что», либо «как мне кажется».

Автор не является врагом Российского государства, и предложение передать РПЦ здание Областного правительства не следует рассматривать, как попытку призыва к насильственному изменению конституционного строя.

Автор не призывает к религиозной розни уже хотя бы потому, что среди его друзей в настоящее время есть: православные, католики, старообрядцы, буддисты, иудеи, мусульмане, индуисты, эзотерики и даже атеисты.

Автор искренне убежден, что оголтелый кретинизм, даже если он и сопровождается хоровым пседопатриотическим сюсюканием на тему «мы православный сермяжный народ, поэтому именно мы сверхчеловеки, а все остальные – злопыхатели и вороги» должен быть уголовно наказуем, хотя бы по классической статье «за головотяпство со взломом».

Сотрудники же правоохранительных органов, которые возбуждают на пустом месте уголовные дела, и за ту зарплату, которую мы, налогоплательщики, им платим, имитируют профессиональную деятельность, подлежат привлечению хотя бы к административной ответственности. Пусть их направляют на картошку, дабы внушить представления о том, каков настоящий труд.

БЛАГАЯ ИДЕЯ

Как это часто бывает, в основе всего случившегося была совершенно благая и благородная идея. Дело в том, что после революции у церкви были изъяты не только земли, но и строения. Храмы разрушались, осквернялись. Использовались под клубы, мастерские и овощехранилища. Люди верующие лишены были возможности преклонить колена и помолиться. Долгое время какие-то обряды совершались тайно, буквально в подполье. Так, кстати, возникла Русская Катакомбная церковь – наследница Православной Российской церкви. Впрочем, ей-то как раз никто ничего не передает.

После победы контрреволюции в 1991 году, а кое-где – и ранее, начали понемногу возвращать реквизированное большевиками имущество, разрешили снова молиться Богу и кое-где даже построили или хотя бы приспособили здания под храмы. Благо, веровать стало модным, и редкий губернатор или мэр не искал благословления (хотя бы епископского) после избрания на должность. Власть и народ получили некое подобие идеологии, а истинно верующие люди смогли, наконец, спокойно молиться, креститься, венчаться и отпевать.

А в 2010 году было решено описать уже существующие процессы юридическим языком и создать понятный механизм возврата незаконно изъятого имущества (во многих случаях, отбирая у церковных общин помещения, здания, иконы и церковные ценности, большевики даже не пытались придать этим действиям хотя бы видимость законных). Закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», проект которого был внесен в минувшем году на рассмотрение Госдумы, вообщем-то, был построен на разумном принципе: «Украл – верни». Однако законодатели, как обычно, не учли мелочей. А в мелочах, как учили Отцы церкви в средневековье, как раз и кроется дьявол.

Вся осенняя истерия во властных кругах вокруг передачи объектов РПЦ проходила под общей идеей патриотизма, державности и защиты интересов Родины. С самых высоких трибун разъясняли, что на самом деле все, что делается – необходимо ради защиты государственных интересов. Говорилось это в связи с тем, что после вступления в силу Федерального закона Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. N 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», то есть – с 1 января 2011 г., передавать имущество возможно только бывшему владельцу. Закон предусматривал возвращение имущества исключительно тем религиозным организациям, у которых оно было в свое время изъято. То есть, передавать по этому закону бывшие мечети буддистам было нельзя. Было сделано всего одно исключение: если к моменту принятия этого закона имущество уже передано какой-либо религиозной организации, то именно она и должна стать его полноправным владельцем. Поясню: если, например, бывшую синагогу отдали Обществу сознания Кришны – то оно ей и будет владеть дальше. И, соответственно, если лютеранская кирха на момент принятия закона оказалась у православной общины – то никакой обратной передачи быть не может.

Именно поэтому крупнейшую рейдерскую операцию на территории Калининградской области РФ представили, как операцию по защите государственных интересов. Все дело в том, что на этой территории не было ни одного объекта, изъятого Советской властью у Православной церкви. Зато именно тут нашлось огромное количество того, что можно оказалось объявить «недвижимым имуществом религиозного назначения». В этот список попали восстановленные за счет бюджета здания кирх, в которых размещаются учреждения культуры; руины лютеранских кирх и здания, принадлежавшие церковным общинам – как-то дома пасторов и приюты; военные укрепления по всей территории области; земельные участки в центре Калининграда, на которых когда-то были расположены церкви или церковные здания; наделы, считавшиеся когда-то церковными землями. Я лично считаю вопиющим недоглядом иноков-стяжателей то, что в список этого имущества не попали Дом Советов и здания бывшего обкома и горкомов (райкомов) КПСС. Ведь коммунизм тоже можно считать своеобразной религией, а значит и имущество, принадлежавшее когда-то коммунистической партии, можно было бы обратить в церковное владение.

Однако коммунизм религией объявлять не стали, решили ограничиться имуществом католиков и лютеран. Объяснили это тем, что если, дескать, не передать сейчас кирхи, приходские дома, богадельни и даже орденские замки Русской Православной церкви, то после 1 января все это имущество «захватят» на законных основаниях представители иностранных церквей – Римско-Католической и лютеранской.

Это было абсолютным враньем уже потому, что положения ФЗ-327 прямо предусматривали невозможность передачи имущества религиозного назначения иностранным религиозным организациям. Ватикан не мог и не может претендовать здесь ни на что. Не положено ему.

Правда, оставалась, если верить «патриотам», опасность того, что это имущество могли попросить российские лютеране или католики. Уточню: могли его попросить религиозные организации, созданные на территории РФ в соответствии с российскими законами, гражданами России, исповедующими лютеранство или католицизм. Однако совершенно непонятно, почему мы должны рассматривать какие-либо группы законопослушных граждан нашей страны как угрозу государственности. Или все-таки уже началось какое-то деление населения по религиозному признаку, о котором забыли нам сообщить?

ДОРОГАЯ ПЕРЕДАЧА

Массовая передача объектов недвижимости РПЦ, о которой так много говорилось в конце года, началась на самом деле гораздо раньше. Началась она еще в марте, когда Правительство РФ приняло несколько постановлений, которыми в собственность Калининградской епархии были переданы здания немецких кирх, уже отреставрированных верующими и церковью под православные храмы. Речь идет о Юдиттен-кирхе (Храм Николы Чудотворца), кирхи предместья Понарт (церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Балтрайоне) и так далее.

А затем, уже в мае, оно приняло замечательное со всех сторон Постановление № 841-р. Этим постановлением было передано в собственность Калининградской епархии сразу несколько «объектов религиозного назначения», находившихся прежде в федеральной собственности. Всего в список попали 26 объектов – от Советска до Озерска, от Нестерова до Зеленоградска.

Постановление № 841-р примечательно тем, что в список объектов попало великое множество «архитектурных призраков». Призраки, в данном случае – это здания, совершенно не сохранившиеся к настоящему времени. Вот только несколько примеров. Среди переданного – некие «руины капеллы, дом пастора и церковный дом», расположенные якобы по адресу Калининград, улица Сергеева, 12, литеры 1, А и Б. Ну-ка, любители пеших прогулок вдоль Нижнего пруда, вспоминайте, где там вздымается в небо готический шпиль? Вспомнили? Нет, не нужно звонить лечащему врачу. Это не склероз, это не малярия. Нет там шпиля. Просто дело в том, что по адресу Сергеева, 10 расположен Дом детского творчества – бывший Дом пионеров. На Сергеева, 14 стоит Дом профсоюзов. А перечисленные в Постановлении Правительства «литеры» – это пустырь между ними. Тот самый, пустырь, где раньше вертолет стоял. Так что речь идет вовсе не о церковных строениях, в которых наши верующие смогут колена преклонить, а о приличном куске земли в самом центре города.

№ 23 — 5995 — Ст. 2873–2874

РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2873 Перевести безвозмездно в собственность централизованной религиозной организации «Калининградская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)» для использования в функциональных целях находящихся в федеральной собственности объекты религиозного назначения — здание кирхи, 1350 год (Багратионовский район Калининградской области, пос. Владимирово, ул. Зеленина, д. 2а).
Росимуществу осуществлять в установленном порядке передачу указанного объекта.

Москва
24 мая 2010 г. № 840-р

Президент Российской Федерации В. ПУТИН

РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2874 Перевести безвозмездно в собственность централизованной религиозной организации «Калининградская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)» для использования в функциональных целях находящихся в федеральной собственности объекты религиозного назначения, расположенные в г. Калининграде и Калининградской области, согласно приложению. Росимуществу осуществлять в установленном порядке передачу указанных объектов.

Москва
24 мая 2010 г. № 841-р

Президент Российской Федерации В. ПУТИН

ПРИЛОЖЕНИЕ
к распоряжению Правительства
Российской Федерации
от 24 мая 2010 г. № 841-р

ПЕРЕЧЕНЬ

передаваемых в собственность централизованной религиозной организации «Калининградская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)» объектов религиозного назначения, расположенных в г. Калининграде и Калининградской области

Кирха, Гурьевский район Калининградской области, пос. Школьное
Дом общины «Сурептицкая», Калининградская область, г. Советск, ул. Ленина
Кирха, Зеленоградский район Калининградской области, пос. Дубовый
Руины кирхи, Зеленоградский район Калининградской области, пос. Котельниково
Руины кирхи, Зеленоградский район Калининградской области, пос. Крестовороска
Мемориальный комплекс «Домок Росеттено» (руины), Зеленоградский район Калининградской области, пос. Рыбачий
Кирха, г. Калининград, ул. Витера — ул. Юриевская
Руины кирхи, г. Калининград, ул. Подольковника Емельянова, д. 267
Старая церковь Кавказа, г. Калининград, ул. Крылова, д. 2 — ул. А. Невского
Руины капеллы, г. Калининград, ул. Сергеева, д. 12, литер 1
Дом пастора (написанное сооружение), г. Калининград, ул. Сергеева, д. 12, литер А
Церковный дом, г. Калининград, ул. Сергеева, д. 12, литер Б
Кирха, г. Калининград, ул. Карла Маркса — ул. Суворовская
Кирха, г. Калининград, ул. Жуковская
Кирха, Краснознаменский район Калининградской области, пос. Весовое
Костел, Краснознаменский район Калининградской области, пос. Победно, ул. Победы
Руины кирхи, Багратионовский район Калининградской области, г. Мамонтово, ул. Таможенная

Или, например, пункт 7 того же Постановления: «Кирха, г. Калининград, ул. Вагнера - ул. Барнаульская». Еще одна загадка для краеведов – ведь давно уже никакой кирхи там нет. Только пустырь сохранился до нашего времени. Примерно там, где школьная спортплощадка. Однако и этот кусочек земельки, видимо, нужен епархии. Возможно, просто так, как землю, этот участок не выделяли. А вот через признание пяточка «строением» - удалось решить вопрос. Так что благодаря этому Постановлению Правительства Калининградская епархия Московской Патриархии стала обладательницей нескольких больших участков земли в центре Калининграда. Цена этого «вопроса» по коммерческим меркам – миллионы евро.

Помимо кирх – и сохранившихся, и обращенных в руины, есть в этом списке совершенно замечательные объекты. Например: «Монастырский комплекс «Замок Росситтен» (руины), Зеленоградский район, поселок Рыбачий». И дело даже не в том, что замок обозвали «монастырским комплексом». Это весьма мелкая глупость на фоне того факта, что от «Замка Росситтен» к настоящему времени не осталось ни малейшего следа. Долгое время место, где он мог стоять, усиленно искали историки с лопатами, но так ничего и не нашли. Перекопав архивы и литературу, сошлись на том, что замок где-то там когда-то действительно был, однако его давным-давно разобрали на кирпичи сам немцы (Росохранкультуры на них не было!) а сама площадка, на которой он стоял, немногим позже оказалась на дне Куршского залива. Проще говоря, российское правительство передало РПЦ небольшую часть залива. Или же – любой кусочек земли в Рыбачьем, ежели представители епархии сообщат, что «монастырский замок» стоял именно тут. Почему там у нас земля на Косе? Никто не помнит? И сколько можно отрезать под «руины замка» - тем более, замка несуществующего, воздушно-виртуального? Ответу: сколько в голову взбредет.

А по осени на рассмотрение Калининградской областной думы был вынесен вопрос о передаче местной епархии 15 «объектов религиозного назначения», находившихся к тому времени в областной собственности.

Среди этих объектов оказались здания Областной филармонии и Кукольного театра, музея Кристийонаса Донелайтиса в поселке Чистые Пруды и несколько замков (в том числе – Инстербург) и кирх (в том числе – Арнау) по всей территории области. В последний момент из списка изъяли «кирху Донелайтиса». Остальные объекты передали почти единогласно. Против проголосовали лишь четыре депутата: Михаил Чесалин, Игорь Ревин, Игорь Рудников и Витаутас Лопата. Соломон Гинзбург дипломатично воздержался. Остальные голосовали «за».

Кстати, на этом передача вовсе не закончилась. Вслед за Областной думой, которая рассмотрела и решила вопрос о передаче имущества, бывшего в областной собственности, прошел ряд заседаний депутатов местных (районных, городских и поселковых советов), на которых рассматривались вопросы о передаче зданий, стоявших на балансе муниципальных образований или районов. Именно там рассматривали вопросы о передаче РПЦ, например, здания Зеленоградского краеведческого музея или Ушаковского дома культуры. Полного списка переданных «на местах» объектов я так и не собрал. Но полагаю, что он вполне объемлен и разнообразен.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕЗОНАНС

Среди всей прошлогодней эпопеи особняком стоит сюжет, который в будущем может быть назван «Битва за кирху Донелайтиса». Связан он с событиями, развернувшимися вокруг музея Кристийонаса Донелайтиса в Чистых Прудах.

Первым о том, что «наверху» принято решение передать кирху Донелайтиса РПЦ, рассказал мой коллега, журналист «Нового Каравана», Николай Акимов. Собственно до того момента об этом позыве власти знали музейщики, но ни с кем они этой информацией не делились и в колокола бить не спешили. Именно после этой публикации о готовящейся передаче узнали представители местной интеллигенции и наши соседи в Литве.

В Литве, надо сказать, Донелайтис не просто персона национального поклонения. Это некто вроде Ломоносова, Державина и Пушкина в одном флаконе. Все дело в том, что Литва – одна из немногих стран, где создатель национальной литературы – персони-

фицирован. Точно известно, кто был первым человеком, написавшим художественную книгу на литовском языке. Им был Кристийонас Донелайтис. Казалось бы, судьба сделала нам подарок, распорядившись так, чтобы все, связанное с его именем оказалось на нашей земле. Проявляя уважение к памяти этого человека и его трудам, можно было бы найти замечательные возможности для диалога с восточным соседом. Однако – что такое память для наших чиновников? Вот и решили кирху в Чистых прудах передать РПЦ, чтобы лютеранам не досталось.

Местная культурная общественность, узнав о готовящейся передаче, попыталась протестовать. Были направлены письма на адрес Президента РФ, премьер-министра, губернатора области и в местный парламент. Часть обращений касалась всех объектов, часть – именно кирхи литовского поэта. Прошло несколько пикетов и даже небольшой митинг против передачи объектов культурного назначения. Наибольшее возмущение вызвало желание отдать именно те здания, в которых уже долгие годы работают учреждения культуры: филармонию, кукольный театр, музей Донелайтиса... но реакция местных властей оказалась более, чем сдержанной. Из общего списка в последний момент была исключена только кирха в Чистых прудах. Да и то лишь после того, как президент Литвы Даля Грибаускайте позвонила лично президенту РФ Дмитрию Медведеву и попросила его обратить внимание на эту ситуацию.

Забавно: незадолго до обсуждения вопроса в Облдуме руководитель епархиального отдела по имуществу Виктор Васильев в интервью portalу «Новый Калининград» сообщил, что вопрос о музее в Чистых Прудах обсуждался с литовской стороной. И литовские политики, в том числе – консул Литвы Вацлав Станкевич выразили свою поддержку и горячее одобрение планам епархии. Однако накануне заседания появилась информация, что вопрос о передаче кирхи Донелайтиса вызвал в Литве бурю негодования, и когда губернатор исключил ее из списка – то консул лично благодарил его за этот дружественный шаг. Вот и пойми теперь: то ли врал батюшка, то ли искренне заблуждался...

Зато в отношении остальных 14 объектов прошло все гладко. Законопроект приняли сразу в двух чтениях. Передали и Филармонию, и Театр кукол, и кирху Арнау с уникальными фресками. Отдали и несколько замков: Рагнит в Немане, Талпакен в Талпаках, Инстербург в Черняховске, Лабиау в Полесске, Нойхаузен в Гурьевске, Гердауэн в Железнодорожном, Каймен в пос. Заречье и Вальдау в Низовье. Помнится, давешний губернатор Боос собирался, распродав их московским приятелям, пополнить областной бюджет лет на сто вперед. А сейчас замки отдали даром – как «имущество религиозного назначения»...

Местные СМИ следили за происходящим вполглаза. Новостные порталы – «Новый Калининград» и «Руград» – следили за развитием событий, но интернет-СМИ пока что рассчитаны на свою постоянную, и не слишком большую аудиторию. Пара публикаций появилась в «Дворнике» и «Тридевятом регионе». Большой цикл статей – наверное, наиболее серьезно подготовленных – вышел в «Новом караване». «Комсомолка» ограничилась констатацией факта.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А действительно, не могли ли орденские замки быть попутно и религиозными объектами? Орден имел отношение к церкви, это мы помним из школьного курса истории. На том заседании Облдумы, где решался вопрос о передаче, представитель епархии объяснял депутатам, что замки были укрепленными монастырями. Правда, почему-то при этом он демонстрировал рисунки с изображением Троице-Сергиева посада под Москвой. Как пояснил батюшка, у немцев было то же самое. И убедил ведь! Депутаты, поглядев на подмосковные виды, почти полным составом решили, что замки – это монастыри, а потому и надлежит передать их РПЦ. Между тем это утверждение – о религиозной сущности замков – является ничем иным как бредом, чушью и антиисторической фантазией.

Вот что рассказал историк, старший научный сотрудник МАУ «Зеленоградский городской краеведческий музей», Андрей Терехов:

Организация крестовых походов в XI веке требовала создания разветвленной системы обеспечения самих боевых действий. Одним из звеньев этой системы стали рыцар-

ские ордена, которые на первоначальном этапе своего существования исполняли вполне благотворительную роль по отношению к паломникам и крестоносцам. В их ведении находились госпитали и специальные больницы, в которых получали медицинскую и социальную помощь раненые и больные, воспитательные дома, приюты. Однако постепенно, по мере того, как «благородные» начинания того или иного союза получали признание римского папы, он превращался в боевую организацию, независимую по отношению к князьям и другим феодалам. Иоанниты, тамплиеры, тевтоны – все это были союзы светских рыцарей дворянского происхождения дававших обет безбрачия, бедности и послушании, обязывавшихся всю свою жизнь посвятить вооруженной борьбе против язычников и врагов христианства. В 1198 г. появился новый рыцарский орден, созданный на базе немецкого госпиталя, получивший название «Орден госпиталя девы Марии немецкого дома в Иерусалиме», или Тевтонский орден.

При этом рыцарские ордена не являлись церковными организациями, в орденских статутах говорилось, что членами ордена являются братья миряне (светские рыцари) и небольшое количество священников, обязанных проводить для орденских рыцарей церковные службы. Так, например, в Тевтонском ордене количество братьев-священников не превышало 5% от общего количества членов. Сами орденские рыцари обязаны были знать лишь молитву «Отче наш». В отличие от священников, бреющих бороды, братья - рыцари, чтобы отличаться от них, обязаны были бороды не брить.

В Пруссии после того, как она была в основном покорена, началось освоение покоренной территории и тактическое улучшение обороны от начавшихся нападений со стороны Литвы. По мере освоения покоренных территорий для их обороны и управления строились замки. Всего за время орденского правления на территории, которую ныне занимает Калининградская область, было построено более 50 замков и укреплений. Это было сооружение больших массивных построек, представлявших хорошо укрепленный комплекс, имеющий предзамковое укрепление (форбург), а часто и несколько форбургов, с высокими стенами и многочисленными постройками складских помещений для хранения продуктов питания, фуража, вооружения; всевозможных мастерских, конюшен, а также жилых помещений и т.д. Сам замок (хохбург) имел от одного до четырех флигелей (в форме замкнутого четырехугольника), с большим бергфридом (башней) и небольшими башенками на опасных участках. Основным этажом в замке считался второй, на котором располагались часовня, помещение для собрания орденских братьев (зал капитула), приема пищи (ремтер), отдыха, а так же обязательно - данцкер (туалет). В подвалах, а также частично на первом этаже располагались хозяйственные помещения (кухня и т.д.). Хранилищем служил и третий этаж, преимущественно его использовали как хлебный амбар. Безопасность замкового комплекса обеспечивалась за счет больших рвов и стен с боевым ходом, которые защищали форбург, а также стен окружающие сам замок. Между такой стеной и замком находилась площадка, называемая пархамом. Под крышей главного замка находился также военный ход и бойницы для обстрела как наружу, так и во двор.

Строились эти крупные замки не только как оборонительные, военные сооружения, но и как административные центры. Территория орденского государства делилась на комтурства, крупные административные единицы, которые были центрами военной и экономической организации Ордена. Возглавлял эту единицу комтур с рыцарским конвентом, его резиденцией являлся замок, который являлся символом рыцарского сообщества и территориальной власти. Богатые декоративные формы и строительные элементы придавали североевропейской готике свои неповторимые черты. Во многих случаях использовались художественные произведения высочайшего уровня. Применялись элементы архитектурных украшений, такие как ажурная каменная резьба, многослойные капители, фриз с надписями, глазурованные панели. Прекраснейшими произведениями орденской архитектуры являются залы с ребристыми сводами, Украшались замки также рельефами и барельефами, для которых применялся известняк, завозимый с Готланда.

Наряду с крупными комтурскими замками, орденскими рыцарями для овладения и управления землями необходимы были и многочисленные малые замки. Их

предназначение было весьма разнообразно. В основном они использовались под резиденции орденских чиновников (фогтов) и управляющих (пфлегеров и каммерариев). Орденскому чиновнику требовались жилое, представительское и служебное помещения. В замке должна была быть и часовня, предназначавшаяся также для прилегающих поселений (если они были малы и не имели своих храмов). Эти немногие помещения вполне могли расположиться в здании однофлигельного замка. Кроме того был необходим хозяйственный двор и складские помещения. Крепостные стены увеличивали полезную площадь замка, здания под их защитой могли примыкать к главному строению и даже образовывать многофлигельное сооружение. Поэтому были как одно-, так и двух-, трех- и даже четырехфлигельные замки, например Тапиау, Лабиау и Инстербург. Эти замки вначале использовались как комтурские, а во время последующей реорганизации как плегерства.

Кроме малых замков существовали еще и многочисленные передовые и промежуточные укрепления, так называемые *Zwischenwerke*, которые сооружались для охраны границы или как прикрытия между более крупными укреплениями. Они были невелики по размерам и, как правило, редко получали архитектурное оформление. Орден строил малые замки для защиты населения и колонизации. Поселковые (городские) замки преобладали внутри страны. Как правило, они располагались рядом с поселениями или городами и представляли собой два отдельных укрепленных места (город и замок), разделенных стенами и рвами. Причем, город имел свои объекты религиозного назначения (кирхи), которые как правило вписывались в систему городской обороны. Ярким примером таких поселений являются нынешний пос. Железнодорожный (Гердауен) и город Правдинск (Фридланд). Как видно из вышеизложенного, орденский замок никоим образом нельзя ассоциировать с монастырским комплексом.

Никогда орденские замки не являлись и центрами религиозного назначения. Даже если замок располагал часовней, это вовсе не означало, что он выполнял функции религиозного назначения. Например, в российской царской армии каждый полк имел своего священника для проведения церковных служб, но это вовсе не означало, что полк являлся церковной организацией. Даже епископские замки в своей основной массе выполняли функции оборонительные, административные и жилые. В резиденции Самбийского епископа - замке Фишхаузен - для проведения церковной службы имелась только капелла св. Анны, располагавшаяся в восточной части южного флигеля. Сам замок не являлся и монастырем. Он был, прежде всего, центром Самбийского епископства и резиденцией его главы. На территории Калининградской области в орденское время имелось несколько монастырей, но в отличие от России, ни один из них не выполнял оборонительных функций. Во время секуляризации часть этих монастырей была разрушена горожанами и жителями сельских районов.

Не являясь церковной организацией, Орден вынужден был треть завоеванных земель по договоренности с папой передавать под вновь образуемые епископства. В 1243 году папский легат в Пруссии Вильгельм фон Модена издал указ, по которому планировалось создание на завоеванных землях четырех епископств. На землях нынешней Калининградской области располагалось Самбийское (Замландское) епископство. Ему было выделено три отдельные территории. Две из них находились в Самбии, одна - в Надровии. До второго прусского восстания центр епископства находился в Кенигсберге, но в 1264 г. епископ основал свою резиденцию Фишхаузен на берегу Фрише Хафф (Калининградский залив). Но, вообще, следует помнить, что епископ избирался пожизненно, и являлся светским правителем на территории епископства. Замки, построенные Орденом, на отошедших епископу землях перешли под его юрисдикцию, в них епископ посадил своих управляющих и содержал военные гарнизоны, и никаких монастырей там не было. Из-за участившихся вторжений литовцев были приведены в надлежащее для обороны состояние старые прусские крепости Цигенберг (кон. 13 в.), Меденау (ок. 1263 г.) и Галлгарбен (1258 г.), использовавшиеся как замки-убежища для местного населения. Для управления пограничными землями в Надровии, наиболее часто подвергающейся литовским набегам, Самбийским епископством в 1350 году был основан замок Георгенбург, позже перестроенный.

Большая часть замков на территории нашей области принадлежала до 1525 года Тевтонскому ордену. Замландскому епископу принадлежали лишь немногочисленные укрепления. Но уже с середины 15 века у всех без исключения крепостей были другие, светские собственники.

Поражение Тевтонского ордена в Грюнвальдском сражении подорвало его мощь, прежде всего финансовую. Только за выкуп пленных пришлось выплатить 7 164 000 богемских грошей (11 тонн серебра). Окончательный удар орденскому государству в Пруссии нанесла Тринадцатилетняя война (1454 – 1466 гг.) с Прусским союзом городов и Польшей. Этот затяжной и изнурительный конфликт окончательно разрушил экономику орденского государства, которое, по сути, оказалось нищим. У Ордена не было даже возможности расплатиться с наемниками. Часть из них еще во время войны получила пожалования в виде деревень, городов и целых амтов (районов) с замками! В их число вошли, например, такие замки как Гердауэн, Кройцбург, Аленбург и др. С этого времени в Пруссии появляются крупные землевладельцы-юнкера, которые активно осваивают бывшие тевтонские твердыни... В 1525 году последний Великий магистр Тевтонского ордена Альбрехт Бранденбург-Ансбахский из Франконии секуляризировал (упразднил), орденское государство, превратив его в светское герцогство Пруссия. Часть небольших замков была передана в руки бывших орденских рыцарей. В тоже время произошла реформация церкви, герцогство Прусское приняло лютеранство. Все епископские владения с замками перешли под юрисдикцию герцога и государства. Наиболее крупные замки стали использоваться государственной администрацией (Бранденбург, Шаакен, Бальга, Рагнит, Фишхаузен и др.). В них, как правило, размещались исполнительные, судебные органы власти, тюрьмы и т.д. Тут даже запаха религиозного назначения не чувствуется. Так что разговор о каком-либо «религиозном назначении» орденских замков – полнейшая профанация!

ТАИНСТВЕННЫЕ ГРАМОТЫ

Передача орденских замков и «приходских домов» производилась не по наитию, не просто так, а на основании серьезных документов: исторических справок, позволяющих признать, что то или иное недвижимое имущество (в частности – орденские замки Рагнит, Лабиау, Вальдау, Каймен) имело религиозное назначение. Вообще для подобного рода операций требуется не справка, а заключение экспертизы. Но похоже специалисты Областного государственного учреждения «Государственный архив Калининградской области» просто не смогли подписаться под «нужной» формулировкой. Они составили справки на такие замки, как Инстербург, Гердауэн, Талпакен, и в этих документах замки именуются именно «Орденскими замками». Похоже, после этого и пришлось искать организацию, готовую подмахнуть справку о том, что остальные-то замки на самом деле следует именовать «объект религиозного назначения монастырский комплекс замок такой-то». И справки с такой формулировкой были изготовлены, и предъявлены в Областную думу в октябре 2010 года.

Как удалось мне узнать, выданы они некой частной организацией: ООО «Архео», расположенным в солнечном Светлогорске. Фирма эта зарегистрирована в квартире, где и проживает собственно ее директор – некий Роман Гуглюк, подпись которого красуется на «исторических справках», подтверждающих совершенно абсурдные, как мы уже обсуждали, факты. Сам Роман Гуглюк, насколько известно, действительно имеет историческое образование. В прошлом он был аспирантом, но неизвестно, завершилась ли для него аспирантура успешной защитой кандидатской диссертации. Историки, с которыми довелось пообщаться при подготовке этого материала, знают его скорее как специалиста по истории бронзового века. От тех времен до Орденского периода в Восточной Пруссии – пропасть порядка 2 тысяч лет. Но это не помешало историку подготовить (по заказу Калининградской епархии РПЦ) ряд справок, согласно которым все замки и были объявлены «объектами религиозного назначения – монастырскими комплексами». Пока что мне не удалось узнать, какой еще деятельностью занимается эта почтенная контора.

Помимо прочих огрехов передача сопровождалась и откровеннейшим мухлежом в документах. Таким мухлежом, что бывалых сотрудников правоохранительных органов

должны бы быть судороги при прочтении той истории, что я вам сейчас поведаю. Заранее извиняюсь перед ними, хочу показать забавнейшую бумагу.

Это – «Историческая справка о конфессиональной принадлежности имущества на объект религиозного назначения», составленная по заданию РПЦ все тем же затейником – «АРХЕО». Исследование на двух страничках касается некоего «Церковного дома» расположенного в поселке Ушаково Гурьевского района и подписано руководителем ООО «Архео» Гуглюком и калининградским историком Николаем Чебуркиным.

Сам Николай Чебуркин в феврале этого года сообщил корреспонденту калининградского новостного портала RuGrad.eu, что никогда не ставил подпись под этим документом. То есть, она была просто подделана. Но самое смешное на этом только начинается.

Заключение составлено на основании нескольких источников. Согласно ему, церковь деревни Бранденбург была построена в первой четверти XIII века. Первая четверть – это период с 1201 по 1225 гг. Однако сам крестовый поход в Пруссию начался, по сути, лишь в 1226 году, а Самбия была завоевана только в 1255, когда и был заложен Кенигсберг!

Далее в этом документе, составленном с грубыми грамматическими ошибками, приводится сжатая история Бранденбургской кирхи и сообщается, что при ней были дом пастора и дом кантора, сохранившиеся до наших дней. Прежние адреса этих строений не указаны. Новый адрес дан только для «дома пастора», который ныне стал Ушаковским сельским клубом. Авторы «справки» ссылаются на ряд книг, в которых нашли информацию о том, что бывший дом культуры в прошлом был пасторским домом. Однако автор одной из них, калининградский архивист Анатолий Бахтин, заявил корреспонденту портала RuGrad.eu, что в его книге такой информации нет. Нет подтверждения религиозного назначения упомянутого здания в поселке Ушаково и по официальной информации из Калининградского областного архива.

А самое забавное, кстати, в том, что текст «справки» вообще не содержит ответа на главный вопрос: какова же конфессиональная принадлежность здания. Владела им католическая церковь, или лютеранская? Или, может, православный приход? Или вообще представительство Прусской Буддистской Единой Церкви всемирнолюбивых Кришны и Ахурамазды? Нет ответа. Но справочку эту официальным документом все-таки признали.

Интерес же местной епархии к сельскому клубу некоторые объясняют просто: согласно все той же справке, к «дому пастора» должен прилагаться «земельный участок площадью в 33,2170 га» и еще один «участок площадью 10,2540 га». Ох уж эти монастырские земли...

«АРХЕО»

238563, г. Светлогорск, ул. Преображенского
6, 2 тел.: 8-911-499-70-24, ИНН 5912500366
КПП 591201001 ОГРН 1083925025690; ФКБ
«Москоммерцбанк» (ООО), г. Калининград,
ул. Мусоргского, д. 10, корп. 44
р/с 40702810903000005554

ЦРО Калининградской епархии
Русской Православной Церкви
(Московский Патриархат)

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА
о конфессиональной принадлежности имущества
НА ОБЪЕКТ РЕЛИГИОЗНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

№ 30 "10-го" 2011 г.
№ 011

Настоящая историческая справка выполнена на основании данных сведений, содержащихся в историко-архивных исследованиях, по состоянию на "30" ноября 2010 г. в соответствии с обращением ЦРО Калининградской епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) на объекты религиозного назначения: **Церковный дом (Дом пастора)**, расположенный по адресу: Калининградская область, Гурьевский р-н, Новомосковское сельское поселение, пос. Ушаково, ул. Победы, 8.

1. Исторические сведения об объекте:

Церковь в деревне Бранденбург появляется в первой четверти 13 века как приходская кирха для деревни рыбаков при замке Бранденбург. Первоначально возникает полукруглый хор около 1320-1340-х годов, затем неф в 1340-1370-х годах. Такой полукруглый хор не характерен для строений Тевтонского ордена, так как в это время преобладало прямое окончание хора. В хоре в 1380 году был погребен конюх замка Бранденбург Гюнтер фон Гесинггайн. Само здание кирхи имело следующие размеры: длина 18,36 м., ширина 10,41 м. Хор имел размеры 10,98 м. на 7,06 м. В 1513 году кирха была отремонтирована. В 1648 году к церкви с запада была пристроена башня. Из церковного инвентаря исследователи отмечают алтарь (1680 г., обновлен, дополнен и украшен в 1750 г.), кафедра (1702 г.) с фигурами Петра, Павла и Святого Михаила, купель (1633 г.), мпосты (1633 г., украшены в 1702 г.), орган (17 в., заменен и дополнен в 18 веке). В 1630 и 1702 годах церковь расписывают на библейские и евангельские темы.

В 19 и начале 20-го века кирху реставрируют. Во время Второй Мировой войны кирха серьезно пострадала. Тем не менее, в советское время ее используют как Дом культуры для поселка Ушаково. С конца 1980-х начала 1990-х годов кирха постепенно разрушается. В настоящее время от церкви

сохранилась башня без крыши, восточная часть хора сохранилась на высоту около 2 метров.

В собственности прихода Бранденбург находились следующие объекты: земельный участок общей площадью 33,2170 га, кирха с прилегающим кладбищем, **Церковный дом (дом пастора)** с хозяйственными постройками, дом кантора с хозяйственными постройками, церковно-приходская школа, дом церковной общины, дом церковной вдовы с участком земли площадью 10,2540 га.

2. Характер современного использования объекта:

До настоящего времени, не считая руин кирхи, **сохранились: Церковный дом (дом пастора)** и дом кантора. В настоящее время дом пастора является Ушаковским сельским клубом и располагается по адресу пос. Ушаково, ул. Победы, д. 8. Дом кантора ныне жилой дом.

Перечень информационных источников, использованных при подготовке настоящей исторической справки:

Bachtin A., Doliesen G. Vergessene Kultur: Kirchen in Nord-Ostpreussen; eine Dokumentation. Husum, 1998. S. 103.
Wagner W.D. Wagner W.D. Die Güter des Kreises Heiligenbeil, Hrg., 2006. Kreisgemeinschaft Heiligenbeil e. V., S. 90-96.
Boetticher A., 1892. Die Bau- und Kunstdenkmäler in Natangen. Königsberg, S. 48-53.
Heling R. Die evangelischen Kirchengemeinden in Ostpreußen und Westpreußen in den Pfarr-Almanachen von 1912 und 1913. Mit alphabetischen Registern der eingepfarrten Orte. Berlin, 1912.

Руководитель организации,
выдавшей справку

(подпись)

(расшифровка подписи)

Отвественные специалисты

(подпись)

(расшифровка подписи)

Подготовил: Яковлев

КСТАТИ

Обозвать современную Русскую Православную церковь «единственной выразительницей духовных чаяний народа» может только человек непросвещенный, пребывающий в состоянии угнетенного ума, либо подверженный воздействию опасных веществ. Дело в том, что сама Православная церковь делится по крайней мере на несколько больших частей. Есть собственно Общественная Религиозная Организация РПЦ, а именно – Русская Православная церковь, Московская Патриархия (само это название появилось в 1943 году по предложению лучшего друга детей, физкультурников и некоторых настоятелей тов. Сталина, и заменило существовавшее до того «Православная Российская церковь»).

По некоторым оценкам (представителей самой РПЦ) число православных в России – около 60 миллионов. Эксперты института социально-политических исследований РАН Вячеслав Локосов и Юлия Синелина утверждают, что по данным опросов за 2006 год воцерковленных православных в России насчитывается около 10% (т.е. порядка 15 миллионов), полувоцерковленных – 24%; людей, которых можно было бы отнести к числу начинающих свой путь в Церковь – 14%.

Есть еще старообрядцы, появившиеся после раскола XVII века – тоже русские православные люди, которых долго преследовали при царизме, высылали и истребляли по благословлению Святейшего Патриарха, но до конца не вывели. Сейчас они разделены на несколько общин, внутри которых есть различные течения и отдельные противоречия. Часть проживает на территории России, часть – в Литве и в дальнем зарубежье. Если строго следовать духу восстановления исторической справедливости, то именно им – преемникам епископа Павла Коломенского (одного из основных противников Никона), можно отдать, например, Троице-Сергиеву лавру (монастырь основан в 1337 году, храм освящен в 1340 г.) или, хотя бы, Соловки. Благо, последняя законодательная реформа ничего общего с духом восстановления исторической справедливости не имеет.

Есть Русская Православная церковь за границей (та, что никак не объединится с РПЦ под единым началом Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси), и Катакомбная церковь – последователи тех священников, что не приняли Советскую власть и ушли в подполье. Никак, кстати, из него не выйдут. Некоторые, впрочем, считают их просто представителями зарубежной церкви.

А вот помимо православия – кого только на Руси нет. Тут и мусульмане, и иудеи, и католики, и протестанты различного толка, и буддисты, и кришнаиты, и неоязычники, и даже – можете мне не верить – атеисты.

В современной России по разным оценкам от 200 000 до 1 500 000 католиков. Справочник Catholic-hierarchy приводит цифру 785 000 человек. Лютеран насчитывается – опять же, по данным различных экспертов – от 300 тысяч до 2 миллионов. По оценкам профессора Русско-американского христианского университета Александра Зайченко, «численность евангельских христиан России – протестантов – остается очень незначительной – менее 1 % населения». То есть, менее 1,5 миллионов человек. Но это, согласитесь, все же немало. Мусульман, разумеется, значительно больше. По оценке Владимира Путина (август 2003 г.) – около 20 миллионов. По данным ЦРУ США (май 2004 г.) – порядка 26 миллионов. Буддистов в России, согласно последней всеобщей переписи населения, насчитывается около 900 тысяч. Подавляющее большинство причисляют себя к школам тибетского буддизма Гелуг и Кагью.

А сама Российская Федерация, согласно ее Конституции, является светским государством, в котором религия отделена от власти и от государственной системы. Статья 14 той же Конституции РФ устанавливает равенство всех конфессий. Так что по идее тем чиновникам и «патриотам», которые провозглашают исключительность РПЦ и призывают к религиозной розни – прямая дорога в прокуратуру да в «Центр противодействия экстремизму». И депутатам, и губернаторам, которые провозглашают необходимость защиты православия от «посягательств иноверцев» – туда же. Соответствующие статьи УК РФ никто не отменял, как и Конституцию.

Между тем все чаще от лиц, представляющих государство, можно слышать о том, что интересы страны и РПЦ – неразделимы. Надо полагать – в отличие от интересов страны и представителей иных конфессий. Может быть тогда, чтобы играть по-честному, да-

вайте все-таки Конституцию перепишем? И введем Православную инквизицию (точнее – Православное дознание), с иноками-дознателями, у которых головы будут холодные, а сердца – горячие. И от сердец их, чую, воспламенятся первым делом книги идеологически вредных умников. А кого там на эти костры водрузить, за недостаточное радение в вере или вовсе за отпадение от церковного лона – найдем.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сама история, как ни странно, все еще далека от завершения. Нет-нет, то имущество, которое передано, потихоньку осваивается. Пока что представители РПЦ заверили, что ни филармония, ни кукольный театр не пострадают и будут спокойно функционировать – просто теперь уже под крылом церкви. Так же, как и переданная ранее калининградская дискотека «Вагонка». Правда, у тех, кто читал законы, эти заверения вызывают улыбки. Дело в том, что имущество может передаваться только для осуществления уставных целей – а концертно-развлекательная деятельность для церкви к таковым, насколько известно, не относится.

На ситуацию вокруг передачи обратили внимание и правоохранительные органы. Но сообщения о подделке документов их не заинтересовали. А вот по факту одной из публикаций в газетах решено было возбудить уголовное дело. Речь идет о материале, направленном против передачи недвижимости, который был опубликован в «Тридевятом регионе». Местный Следственный комитет возбудил дело по статье 282 УК «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека». Уже проведен обыск в редакции. Правда, изъяты не творения атеистов или планы антиклерикальной борьбы. Вместо этого спецназ ФСБ изъял большое количество агитационных материалов, направленных против партии «ЕР». Но видимо, это сейчас может быть расценить как борьбу с церковью...

Все происходящее может казаться неприятным, может – смешным. Но на самом деле есть катастрофа, которая подготавливается все последние годы. И мы стоим, похоже, на ее пороге. Ведь подобные операции, думаю я, все дальше отводят Бога и Церковь друг от друга. А людей, истинно верующих в душе – от церкви, которая не боится замарать себя в авантюре с подделкой документов ради получения в собственность недвижимости. Если вспомнить о подделанных, согласно имеющимся данным, подписях, и о том, кого именно называют Отцом Лжи, то немудрено унюхать едкий запах серы, которым тянет от этой истории с передачей. А по-моему, так и сведение счетов после проведения рейдерской операции – это вовсе не в традициях «религии мира, любви и всепрощения». И использование «властей светских» для решения своих проблем не вполне согласуется с принципами веры. И тяга к дорогим авто, часам и бранзулеткам – тоже от лукавого. И становится непонятно: неужели люди, которые позволяют себе грехи лжи, гордыни, стяжательства продолжают верить в Бога, который видит все и за все воздает? Или они действительно просто нашли удобный способ вычищать карманы паствы ради сиюминутных удовольствий, вовсе не рассчитывая на какое-либо воздаяние в жизни вечной?

Многие люди, с которыми я разговаривал в последнее время, совершенно не сговариваясь друг с другом, высказывают одну и ту же мысль: продолжая считать себя православными христианами, они говорят, что полностью утратили доверие к церкви.

А жаль. Ведь по-прежнему в рядах Русской Православной церкви есть люди, искренне посвятившие себя служению высшим целям. Есть те, для кого служение это – не метод устроить личную жизнь. Есть те, для кого Бог, любовь – не брэнд и не торговая марка, а паства – не сборище лохов, которых нужно окучивать и разводить...

И Страшный Суд для них – вовсе не то место, где можно занести через Страшного адвоката и договориться с Председателем Страшной коллегии.

А уж Страшного кассационного суда ни для кого не будет...

Максим АМЕЛИН

Поэт, переводчик,
эссеист, исследователь,
издатель

Автор книг стихов «Холодные оды» (1996), «Dubia» (1999), «Конь Горгоны» (2003), собрания стихов и эссеистики «Гнутая речь» (2011).

Переводчик лирики Гая Валерия Катулла, «Приаповой книги», «Победных песней» Пиндара, классических и современных английских, итальянских и грузинских поэтов.

Составитель «Избранных сочинений графа Хвостова» (1997), «Избранных сочинений Александра Е. Измайлова» (2009), антологии современной русской поэзии для китайского издательства «Народная литература» (2006).

Стихи переведены на английский, венгерский, вьетнамский, грузинский, итальянский, испанский, китайский, латышский, немецкий, польский, португальский, сербский, французский, хорватский и другие языки.

Лауреат премий «Антибукер» (1998), журнала «Новый мир» (1998), «Anthologia» (2004) и большой премии «Московский счет» (2004).

Член Русского ПЕН-Центра и Гильдии «Мастера художественного перевода».

В разные годы являлся членом жюри литературных премий «Антибукер», «Букер», «Дебют», им. Ивана Петровича Белкина, «Большая книга», итальянской поэтической премии «Lericipea».

Много лет занимается издательской деятельностью. Работает главным редактором издательства «ОГИ».

Живет в Москве.

«Тут кто-то написал, что «читать Амелина — это труд». Я бы добавил: полезный труд.

Нет, серьезно, я, когда читаю стихи Максима Амелина, всегда как-то даже немножко горжусь собой: вот, думаю, я занимаюсь делом, а не ерундой какой-нибудь».

Захар Прилепин

Памяти Восточной Пруссии

Андрею Виноградову

I

Здесь все чужое: аисты на гнездах,
привычкой занесенные сюда,
обычная земля, обычный воздух,
обычная вода.

Сотворены другим каким-то богом
и небеса, и дольные поля,
и солнце, по извилистым дорогам
пылящее, паля.

Здесь петухи поют не так, не этак
кузнечики стрекочут, странен скрип
густой листвой отягощенных веток
дубов, берез и лип.

Основанный воинственным тевтоном
старинный замок – череп восковой,
как ни тоскуй о безвременьи оном,
не станет головой.

Всего, что зримо мне и что незримо,
таинственный закон непостижим, –
так варвару среди развалин Рима
казалось все чужим.

II

Язык руин не внятен:
ливон не вышел вон, –
немало белых пятен
легло на черный фон.

Проступят из-под краски
и надпись и чертеж, –
трагической развязки
дождешься – ждешь не ждешь.

Стоит на пьедестале
осиротелом тень:
в подробности, в детали
вникать, вдаваться лень.

Затянет паутина
зерцало озерца,
но матери без сына,
что сыну без отца.

III

«О том, что мы когда-нибудь умрем,

Ни тропинки никакой,
        ибо жребий брошен, –
луг, уверенной рукой
        времени не кошен.

В праздник там, на том лугу,
        веселятся тени,
разбивая на бегу
        чашечки растений.

Память и забвенье – два
        берега – едины:
мост не перейден едва
        мною до середины.

VII

Старый фотограф с треножником из дюралю
бродит по пляжу тщетно в поисках тех,
кто пожелал бы снимок на фоне дали
Бельта ли, гор ли песчаных, но – как на грех –
никого: никому ничего не надо, –
отдыхающих тыщи снабжены
кодаками, поляроидами – не досада
неимоверной, но сожаление – глубины.

Бос, молчалив, минуя свалку людскую,
он по песку одной, по волне другой,
полон тоской, которой и я тоскую,
не оставляя следов, ступает ногой.

Из сыновей приемных златого Феба
самый последний – самый любимый ты!
брось свой треножник, фотографируй небо,
море и солнце, блестящее с высоты.

★ ★ ★

Олегу Чухонцеву

Зверь огнедышущий с пышною гривой,
серпокогтистый, твой нор и игривый
        не понаслышке знаком
всем, кто, вдыхая гниения запах,
некогда мызган в чешуйчатых лапах,
        лизан стальным языком,
дважды раздвоенным, всем, кто копытом
бит по зубам и пером ядовитым
        колот и глажен не раз
больно и нежно, кто чувствовал близко

испепеляющего Василиска
взгляд немигающих глаз,
взгляд на себе. — Никаких предисловий,
лишь заохотится мяса и крови,
зев отверзается твой
и наполняется плотью утроба
плотно с причмоком, — навикате оба
только не сыты жратвой
ока; бывает: ни рылом, ни ухом
не поведет, расстиляется пухом,
кротко виляя хвостом. —
О Государство! не ты ли? — Повадки,
взлет ли стремя, пребывая ль в упадке,
те же, что в изверге том, —
разницы нет никакой. Поневоле
тыщами слизью набитых: «Доколе!» —
во всеуслышанье ртов
жертвы б во чреве твоём провещали.
(— Если тебе не хватает печали,
я поделиться готов.)

«Храм с аркадой»

В Судакской крепости, если от Главных
ворот — налево — до локтя стены —
и вверх, особым на первый праздному
зеваче с виду ничем не приметный,
с торчащего зубом во рту столпа
единственным и с полушарием купола
по-над осьмигранником кратковыйным,
сей дом Господень, куда чередой
в устах отверстых с молитвами мирными
одни за другими, что на берег волны:
из диких нахлынувшие степей
законопослушники Магометовы
петь «Ля илляха илля-Лла» протяжно;
по зыбкому от Лигурийских пучин
пути пришельцы искусственноносные
свой строгий отчетливо «Патэр ностэр»
на мертвом наречии повторять;
со «Шма Исразль» далекой изгнанники
земли, во всем полагаясь на свиток,
чьи буквы ведомы наперечет;
пространств на суше завоеватели
и на море, «Отче наш» возглашая,
крюкам доверяться и знаменам;
простых прямые Мартина грозного

писаний наследники с «Фатэр унзэр»;
единоприродным Вышнего чтя,
из зланных вкруг древней Ноевой пристани
юдолиц выходцы, дабы страстно
«Хайр мэр» твердить и лелеять грусть,
рассудку низкому неподвластную, –
все были некогда здесь, а ныне –
в открытый с восьми до восьми музей,
где фрески, михраб и разноязычные
по стенам надписи, вход свободный,
и внемлет мольбам одинаково Бог
всего разобщенного человечества.

Лира

Юрию Орлицкому

В антикварном отделе
книжного магазина «Москва» на Тверской,
куда я часто захожу,
мне попала – буквально на днях –
одна любопытная книга:
«Опыт о русском стихосложении» Востокова,
1817-го года.

Александр Христофорович по молодости лет
истинным был пиитом,
изысканным и чрезвычайно изобретательным,
воспевал мужскую – в античных формах –
любовь и дружбу, а потом,
остепенясь, Поэзию бросил и женился
на Филологии.

Редкий – ручаюсь –
экземпляр единственного издания
(хоть и черным по белому, что второе),
с которого, собственно, началась
наука о русском стихе,
в полукожаном переплете, без корешка,
стоит 20 000 рублей.

Однако не тем он ценен,
а тремя – на переднем форзаце слева –
прежних последовательными надписями владельцев:
Сергея Михайловича Бонди,
Сергея Павловича Боброва,
Михаила Леоновича Гаспарова –
и пометами на полях.

Знатоки и ценители тонкостей стиховых
с отвлеченной своей наукою
переместились к Востокову – медлительно рассуждать

о размерах, рифмах и строфах,
а ты на продажу выставленной оказалась,
обветшала, не переданная никому
Лири стиховедения!

★ ★ ★

Насыщение, а не вкус,
о котором водит Француз
неустанно четыре века
языком по полости рта! –
Вся премудрость его пуста
для голодного человека!

Мельтешения скудных блюд
не приемлет привычный люд
к изобилию щей да каши;
нет урчания в животе –
можно думать о красоте:
насыщение – счастье наше!

Преуспеет в словесном тот
ремесле, кто туго набьет
отощавшему снedyю пузо, –
чем богата, все из печи
с пылу с жару на стол мечи,
да поболее, русская Муза!

Евгений ЧИГРИН

Поэт. Член СП Москвы. Союза российских писателей, Русского ПЕН-клуба. Родился в 1961 году. Долгие годы жил на Дальнем Востоке, Сахалине. В 2007 году Российской муниципальной академией правительства Москвы награждён медалью «За гуманизм и служение России», лауреат нескольких премий. Переводился на испанский и польский языки. Живёт в подмосковном Красногорске. «У поэта Евгения Чигрина особое место в современном поэтическом пейзаже. Голос негромкий, но отчётливый. Не слышать его трудно. Сегодня, в эпоху тараканьих бегов за минутной славой, к мнению таких степенных и несуетных людей, как Чигрин, стоит прислушаться».

Балаганное

...то ли бухта Трепанга, то ли
Мореход в химеричном сне —
Это снится воронье море,
Острова в голубом окне,
Где казалось: кино продлится,
Отворит дурак шапито,
И потешная вспыхнет птица,
И поскачет конёк в пальто...
Это снится эксцентрик с айном,
Смешан бред с берегами, где
Любовался оттенком чайным,
Понимал в колдовской дуде,
Как свинья в апельсинах. Этим
Перепутаны карты все?
Вот и катится жизнь «с приветом»
На неправильном колесе,
Или правильном?.. Кто ответит? —
То ли ангел, смотрящий за...
То ли Зверь, что меня приметит,
В преисподнюю подвозя?..
Старый остров (большая рыба),
Никаким Ихтиандром не...
Остальное мура и липа
И т.д. и т.п. извне.

Индийско-моосковский романс

*Это Кали в черепах и манго
Загорает в дебрях Индостана...*

Спит в Калькутте сумрачная Кали, в старом Дели расцвели ашоки...
Вся Москва в молочно-белом сари, померанцем отливают щёки.
Йоги или призраки повисли в воздухе, в котором так и надо?
Сколько всякой симпатичной жизни в располневшем белым эльдорадо.
Видишь, как ветшает в быстром небе, будто пёс в лирической поэме,
Зимнее тугое благолепье, колесо сансары в этой теме...
В тучах шрифт – сплошной деванагари. Это дует ветер на санскрите?
Это мифы в призрачном кошмаре?.. Это я, играющий на цитре,
Это морок, вставший на ходули, Азия, влекущая в словесный...
Выпей смысл и – выплывут баулы*, племя Бога выдумает песни.
...это я в биноклике утопий подсмотрел бенгальскую Калькутту,
Кто там курит в одиночку опий, положив по маковке на скуку?..

Антропоморфное

Словарь реки читается с конца,
Сначала «я», а после остальное.
Лицо волны от солнца золотое
Морщинится, как кожа мудреца.
Лицом к лицу два взрослых существа:
Животные, а лица человечьи...
Шипящие куски пространной речи,
Безвестный слог, воздушная строфа.
За валуном три Мойры вяжут сеть,
Вздыхая так, что облако косится,
Полным-полно в телесном небе ситца,
Никто не сможет с этим умереть.
Два зверя пьют мареновый закат,
В когтях – любовь: безумие, объятье,
Кипение листается во взгляде,
(Амур с холма зальбился впопад.)
Два зверя век вылакивают так,
Что чудища воды глотают слюнки...
Смеркается в ненаселённом пункте,
Ступает призрак в мёртвенный овраг.
Карбункулом любви стоит луна
В небесном горле... ангелы на стрёме
Бегущих строк, китайской лодки в коме,
Плывущего в иллюзиях вруна.

---

* Племя бродячих певцов-мистиков.

Сахара

*В пустыне только кажется, что ты смотришь вокруг,
а на самом деле ты смотришь в самого себя.*

Роберто Антониони

(из книги «Amare ergo sum»)

«Колючей грушей» руки прожжены, в крови пустыни лёгкая рубаха,
Дух лампы наморочил эти сны, переплетя извилинами Страха,
Смотрящего безумными вокруг и потому – расплывчато в Сахаре...
Я – предал Север, надкусивши Юг на акмеистом найденном вокзале.
Стекает жизнь, подшитая тоской, в песочный бред, к шакалам и гиенам...
Смотрюсь в себя безадресной строкой, бегущей красной ящеркой по венам
Животного, которое во мне: какое там безлунье и безлюдье,
Там дрянь с косой в кармическом окне и сумерки, как будто фредди крjúгер,
Там пальмовый Габес вырастает в лёд, там всадник фиолетовое сбросил,
В рубцах и язвах солонеет шотт, в снегах и листьях маленькая осень...
Взгляни: встаёт на медленных ногах гранатовым закатом подсознание,
Полнеба перекраивая, как повозки на зашарпанном экране
В заваренном «когда-то»... Полумрак? Скорее бедуинская химера
Погонщика, отставшего на шаг, впитавшего полсолнца дромадера.

Золотое

Мне хватит сна, чтоб высмотреть пустыню, вдыхая золотое по песчинке,
Чтоб говорить мифическому сыну о спрятанной афритами копилке.

Мне станет наваждения покуда в сетчатке чернокнижие Сахары,
На сто мешков сокровищ у верблюда, аллаховы хайямы и омары,

На двери, за которыми макамы макают смех в иное измеренье,
Вздыхают головастые имамы на лестнице, внушающей спасенье,

На рубаи разлуки без печали, порезанного стёклами факира
(...детали превращаются в детали в морщинках переливчатого мира),

На «пальцы света»* в лакомом Тозёре, на минареты, вкрученные в солнце,
На Сиди-Бу-Саид, смотрящий в море: до нитки рыбаки промокли в солке.

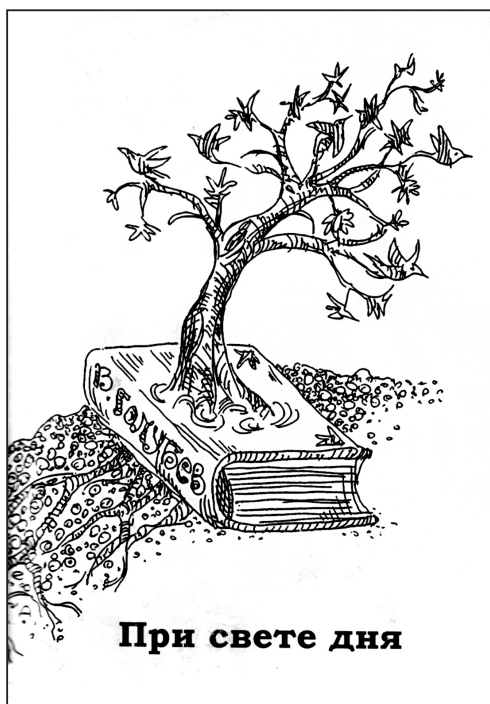
На воздух, перемешанный молочным, на облако, зашитое водою,
И жуткий вой, разлитый позвоночным. На свет востока с пенкой золотою...

---

* Сорт фиников.

Просто — как вдох и выдох...

При свете дня

Туго раскрываются страницы книги Валерия Голубева «При свете дня». И не потому, что крепко сшиты. Каждая страница держит, сдавливая сердце, болью людей войны. Будто видишь: прижимаясь к земле, слизывает ветер их незакрытые, отлетевшие от жизни глаза.

«Двадцать семь миллионов погибших! Тысячи убиенных истлели с открытыми глазами на поверхности земли...»

Статистика? Глаза войны. Глаза детей войны. Они широко раскрыты и сегодня, в наши дни, видят больше тех, кто не пережёсся взглядом со «Священной» бойней. Они старше на целую войну. Мировую.

Валерий Голубев залил, залатал огромную трещину в литературе – боль «маленького» Человека большой войны. Человека, оставившего на вечно вздымающейся земле нашей кто руки, кто ноги, кто всего себя, но – победившего.

Герои прозы Голубева немногословны, почти молчаливы, как и рассказы о них. Писатель, каким-то одному ему ведомым

гнётом, вытеснил так часто встречающуюся в повествованиях о войне литературную «воду»... и перед нами – голые кости правды. Суть и Соль.

«На том, на этом берегу»... Спасибо Ладое, её изодранному взрывами льду, что выдержал ту битую-перебитую полуторку, которая перетащила из осаждённого Ленинграда на Большую Землю может быть не одну сотню детей блокады и сберегла нам пятилетнего Валеру, будущего писателя.

Не могу позволить себе выдёргивать отдельные строки из рассказов Валерия Леонидовича – там всё правда, всё жизнь. Что можно оторвать от правды и что к ней прибавить? Не приделаешь руки-ноги калекам войны, не заберёшь себе их боль. «Истаял свинец» в теле «дважды рядового» Кашина. Не истаяла бы наша память. Держалась бы за землю и небо, как держится дуб в «Сидорином поле». Как держится народ. Народ без памяти – сирота.

Земля. Что это? Планета. Почва. Она рождает нас, в неё мы уходим. Склонялся перед ней Лев Николаевич Толстой, шагая за тяжёлым плугом. Поклонился ей и солдат Сидорин. Похоронил он под прусским дубом своего боевого товарища, да так и остался пахать и боронить землю круг этого дуба. Солдаты самой прожорливой войны, насытив землю своими жизнями, стали людьми земли. Может быть, последними...

Никакого пафоса на тяжёлых страницах книги. Всё просто – как вдох и выдох. Всё просто и в стихах Валерия Голубева. Никакого изыска фраз, но как богат язык его поэзии! Будто выкапывает из самой земли слова, которые мы забыли, замусолили

рифмованными карамельками... и – даёт им новую жизнь! И растёт ствол стиха, и подаёт свой голос от живота, утробный, потаённый! Притягивает? – Завораживает. Так завораживает искренняя молитва, перехватывая дыхание:

*«Что ты, сердце моё, всё не выболишь,
Что вы, слёзы мои, всё не кончитесь»...*

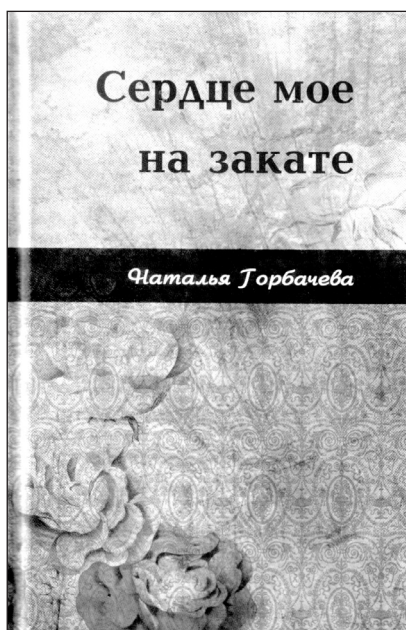
(из Плача моей бабушки)

Просто и глубоко. Вспоминаются слова Валерия Леонидовича о языке и голосе повестей и рассказов Вячеслава Карпенко: «Попробуйте так писать. Так просто. Попробуйте, может получится»...

Попробуйте при свете дня, при свете ночи так любить людей, землю родную, как любит Голубев. Попробуйте! Пусть получится.

Геннадий ЮШКО

«Былички» сердца

Имя Натальи Горбачевой – поэта, прозаика, журналиста – прежде всего известно многочисленным читателям газеты «Калининградская правда», на страницах которой в течение последних двенадцати лет публикуются её репортажи, рецензии, очерки. И – рассказы, справедливо названные Валентиной Соловьёвой «быличками»: в литературу издавна вошедший жанр, выросший из фольклора, устного рассказа, бытовой истории, близкой каждому слушателю-читателю. Близкой, ибо содержание таких рассказов находит прямой путь к сердцу читателя, вызывает сопереживание и сочувствие, будит в душе человека добрый отклик на боль, заставляет задуматься о сложности человеческой судьбы, хрупкости и ранимости личности в круговерти житейской суеты.

Наталья Горбачева – поэт в самой сути своего творчества, диапазон которого многогранен и – единственен. Это ощущается и в её прозе: её слово узнаваемо и поэтично даже тогда, когда она пишет о самых обыденных вещах, ибо ритм повествования несёт в себе тот заряд боли и

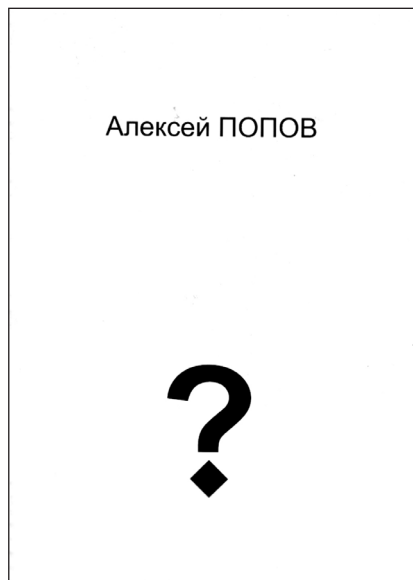
со=страдания, что присущ большой поэзии. Александр Блок как-то воскликнул: «Не слушайте наш смех, услышьте нашу боль!». Вот это умение отозваться на чувства людей, донести до читателя – без лишней сентиментальности и фальши – своё осмысление происходящего, придать значимость событию на первый взгляд заурядному, и отличает произведения Н. Горбачевой, в каком бы жанре она не выступала.

Её поэтические сборники «Место встреч» и «В обнимку с декабрём (премия «Вдохновение», 1998 г.) нашли своего благодарного читателя. И что очень важно, в них ощутима связь поэта с землёй, на которой мы живём, с Калининградом. Новая книга прозы «Сердце моё на закате» вся пронизана местным колоритом, узнаваемыми подробностями, её герои – наши соседи в подъезде, трамвае, на перекрёстке знакомых улиц... Её герои – мы...

Нельзя не отметить и самое главное качество профессионального писателя, которым блестяще обладает Наталья Горбачева: владение Словом. Её словарь многообразен и многоцветен, как писала В. Соловьёва «обладает уникальной способностью одним мазком... создать картину, образ, ситуацию и одновременно передать ощущение, которое ими вызвано». Речь героев её рассказов индивидуальна, автор не боится в речевой характеристике просторечья, сленга, «канцелярита» или «высокого стиля», если это характеризует персонаж. На фоне нынешнего «среднестатистического» языка, подобное умение услышать живую речь, как и диапазон знания автора, вызывает уважение. И вполне заслуженное внимание читателей. Ибо это – настоящая, выстраданная литература.

В.К.

Рукопись бессюжетного времени

Автор этой книги не любит литературных критиков. И не просто не любит. Он ненавидит их всеми фибрами своей уже вполне писательской души.

А меж тем, нет участи печальнее на свете, чем быть критиком. Ведь только на него возложена невыполнимая почти миссия - объяснить отдельно взятому инженеру человеческих душ, что именно написано в его последнем шедевре и о чем собственно там идет речь. А что может быть хуже этого? Разве что быть... Евгением Гришковцом. Его филологическая совесть все еще не дает покоя его писательской сущности. Потому на каждом выступлении у Гришковца такие печальные глаза. Каждую минуту он осознает, какую «хрень» только что сморозил...

Признаюсь сразу, книгу Алексея Попова «?» я не читал. И не потому, что имею по поводу творчества писателя свое, отличное от других, мнение. Вовсе нет, не читал я ее по одной простой причине – автор ничего не писал. Не перечитывал

написанное, не издавал его отдельным томом. А нечто в мягкой белой обложке, лежащее передо мной на столе, не более, чем обман, абберация зрения. Только две части сборника («Все подряд» и «Пьесы для чтения про себя») выглядят вполне реальными, но это не более, чем бонус счастливому обладателю книги, добравшемуся до заветных страниц. Ну а тот, кто одолеет ее до конца, с удивлением обнаружит, что, оказывается, прав был старик Ролан Барт, заявивший во второй половине прошлого века: «Автор-то умер, а критик живет». Теперь до этой нехитрой максимы добралась, наконец, и прогрессивная часть калининградской творческой интеллигенции.

С чем ее можно и поздравить!

Нет, стоп - автор этой книги никогда и не рождался. Он столь же виртуален, как и его тексты. Алексей Попов выбирает довольно сложную и отчасти провокационную форму литературной игры: а что бы могли сказать читатели и другие нетрезвые на язык филологи, если бы они вдруг прочитали то, что могло бы быть написано, хотя на самом деле оно не было написано и, более того, не могло быть написано никогда, потому что такого просто не могло быть... Короче, вы когда-нибудь видели обвиняемого, которому бы судья доверил написать текст приговора. Нет?

И не увидите. Если, конечно, не прочтете «?».

Зато критикам об этой книге можно рассуждать вольготно и в любом ключе. На нее, как на козла отпущения, можно повесить любой литературоведческий трюизм, а саму ее можно обвинить в чем угодно. Например, в том, что она выгодно отличается от творчества неоперившейся калининградской литературной молодежи, в том, что с ее выходом голос местного писательского сообщества обогатился еще одним, не к ночи будь помянут, дискурсом или, что тоже, не дай бог, нарративом. В том, что, прочитав «?», хочется стукнуть со всей дури кулаком по столу, радостно проорать «пост-модернизм, твою мать!..» и немедленно выпить. Или наоборот, признаться в любви к творчеству Юрия Крупенича.

А если бы автор «?» все же родился на свет божий, критика тотчас признала бы его рупором поколения. Или героем своего времени. Своего, значит, бессюжетного. В котором существуют в основном, те, кто так и не смог построить свой, или хотя бы найти готовый, сюжет для жизни. А ведь давно известно, что жить в России без сюжета сложнее, опасней и невыносимей, чем без автомата Калашникова или без исторической реконструкции.

Еще мне кажется, что автор «?» был бы похож на скверное дитя современной русской литературы Дмитрия Галковского с его «Бесконечным тупиком». Собственно книга Алексея Попова и есть такой маленький уютный тупичок по-калинин-градски. Здесь давно высказались все, кто мог, кто не мог, а больше всех, кто не имел на это права. Говорить больше не о чем или еще пока не придумали, о чем. Поэтому нерожденный автор молчит. И молчит, собака, изобретательно, местами даже иронично. И это его молчание страшно интересно читать. К чему я вас и призываю. Кроме знакомых букв вы найдете в нем массу других интересных вещей. А если его молчание вас ненароком обидит, не спешите предавать книгу анафеме, – «на зеркало неча пенять, коли дискурс кривой»...

Виктор КОНДАКОВ

Адрес редакции:
Россия, Калининград, ул. 9 апреля, 5;
тел/факс (+4012) 460 330
Литва, Клайпеда, ул.Аукштойи, 9;
тел/факс (+37046) 410 476
e-mail: krenc@mail.ru; baltoslav@mail.ru

Подписано в печать 16.05.2011г.

Гарнитуры: Myriad Pro, JournalSans
Бумага офсетная, печать цифровая,
Тираж 900 экз.

Отпечатано в типографии
Калининградского ПЕН-центра.